

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Декабрь

7 - 2024

Современная **ЕВРОПА**


НАУКА
— 1727 —



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

7 (128) декабрь 2024 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия),
НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,
С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

ANTYUKHOVA E. The Strategy of the Biden Administration Towards European NATO Allies
• **SHISHELINA L.** Hungary: Two Presidencies of the Council of the EU • **BABYNINA L.** Denmark in the EU Justice and Home Affairs and Defense Projects: Opportunities and Limitations
• **GODOVANYUK K.** "Progressive realism": between continuity and change of the UK foreign policy • **PLEVAKO N.** The Scandinavian "Left turn" in the European Parliament Elections 2024: the Finnish Case • **TIMOSHENKOVA E.** European elections with a German accent
• **ROZENTAL D.** Stepping Out of Step: the Contemporary Leftist Trend in Latin America
• **BAZHAN A.** Inflation in the EU: Form, Causes and Anti-inflationary Policy • **KISLITSYN S., CHUDINOVA K., GUZHEVA A.** Instead of a Free Trade Zone: on the Work of the US-EU Trade and Technology Council • **SINITSYN M., ILLERITSKIY N.** Development of a National Emissions Trading System in Germany: Financial and Strategic Goals • **MEZHEVICH N., NOGAEV I.** Finland in NATO. Genesis of the Current Situation and Prospects for its Evolution
• **BAZARKINA D.** The Threat of the Far-Left and Anarchist Terrorism in the EU • **PIVOVARENKO A.** Military-Political Aspects of Turkey's Foreign Policy in South-East Europe • **KUZNETSOV A.** The Importance of European Languages for Russian Scientific Contacts with the Global South
• **LUNKIN R.** Factors of the EU Social Model's Erosion • **KRAMARENKO A.** Integration of Third-Country Nationals into the Electoral System of European States • **OKHOSHIN O.** Transformation of Migration Policy of the Republic of Ireland

INHALT

ANTYUKHOVA E. Die Strategie der Biden-Regierung in Bezug auf europäische NATO-Verbündete • **SCHISCHELINA L.** Ungarn: Zwei Präsidentschaften im Rat der Europäischen Union • **BABYNINA L.** Dänemark in den EU-Projekten Justiz, Inneres und Verteidigung: Chancen und Grenzen • **GODOVANYUK K.** "Progressiver Realismus": zwischen Kontinuität und Wandel der britischen Außenpolitik • **PLEVAKO N.** Die skandinavische "Linkskurve" bei den Wahlen zum Europäischen Parlament 2024: Der finnische Vorfall • **TIMOSCHENKOWA E.** Europawahlen mit deutschem Akzent • **ROZENTAL D.** Aus dem Tritt treten: der zeitgenössische linke Trend in Lateinamerika • **BAZHAN A.** Inflation in der EU: Form, Ursachen und Antiinflationspolitik • **KISLITSYN S., TSCHUDINOVA K., GUZHEVA A.** Anstelle einer Freihandelszone: zur Arbeit des Handels- und Technologierates zwischen den USA und der EU • **SINITSYN M., ILLERITSKIY N.** Entwicklung eines nationalen Emissionshandelssystems in Deutschland: Finanzielle und strategische Ziele • **MEZHEWITSCH N., NOGAJEV I.** Finnland in der NATO. Entstehung der aktuellen Situation und Perspektiven für ihre Entwicklung • **BAZARKINA D.** Die Bedrohung durch linksextremen und anarchistischen Terrorismus in der EU • **PIVOVARENKO A.** Militärpolitische Aspekte der Türkei in der balkan-europäischen außenpolitischen Ausrichtung • **KUZNETSOW A.** Die Bedeutung europäischer Sprachen für russische Wissenschaftskontakte mit dem globalen Süden • **LUNKIN R.** Faktoren der Erosion des EU-Sozialmodells • **KRAMARENKO A.** Integration von Drittstaatsangehörigen in das Wahlsystem der europäischen Staaten • **OKHOSHIN O.** Transformation der Migrationspolitik der Republik Irland

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Антюхова Е.А.</i> Стратегия администрации Дж. Байдена в отношении европейских союзников по НАТО	5
<i>Шишелина Л.Н.</i> Венгрия: два председательства в Совете ЕС	17
<i>Бабынина Л.О.</i> Дания в проектах пространства свободы, безопасности и правосудия и обороны ЕС: возможности и ограничения	30
<i>Годованюк К.А.</i> «Прогрессивный реализм»: между преемственностью и переменами во внешней политике Британии	44

ПАРТИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

<i>Плевако Н.С.</i> «Левый поворот» в странах Северной Европы на выборах в Европарламент 2024: финский казус	59
<i>Тимошенкова Е.П.</i> Европейские выборы с немецким акцентом	71
<i>Розенталь Д.М.</i> Шагая не в ногу: о современном левом тренде в Латинской Америке	85

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Бажан А.И.</i> Инфляция в ЕС: форма, причины и антиинфляционная политика	100
<i>Кислицын С.В., Чудинова К.О., Гужева А.А.</i> Вместо зоны свободной торговли: о работе Совета по торговле и технологиям США и ЕС	111

Синицын М.В., Иллерицкий Н.И. Развитие национальной системы торговли выбросами в Германии: финансовые и стратегические цели	124
--	-----

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Межевич Н.М., Ногаев И.В. Финляндия в НАТО. Генезис современной ситуации и перспективы ее эволюции	134
Базаркина Д.Ю. Угроза ультралевое и анархистского терроризма в ЕС	145
Пивоваренко А.А. Военно-политические аспекты политики Турции в Юго-Восточной Европе	158

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кузнецов А.В. Важность европейских языков для российских научных контактов с глобальным Югом	170
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Лункин Р.Н. Факторы эрозии социальной модели Евросоюза	182
Крамаренко А.С. Интеграция граждан третьих стран в электоральную систему европейских государств	196
Охошин О.В. Трансформация миграционной политики Республики Ирландия	208

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

УДК 327(73)

СТРАТЕГИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЮЗНИКОВ ПО НАТО

© 2024 **АНТЮХОВА Екатерина Андреевна**

*Доктор политических наук, доцент, профессор кафедры
мировых политических процессов, МГИМО МИД России*

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76, E-mail: e.antyukhova@gmail.com

Поступила в редакцию 13.03.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. Отношения США с союзниками по НАТО – ключевой аспект американской внешней политики. Соединенные Штаты обладают совокупным потенциалом, который превышает возможности других крупных международных акторов, и способностью проецировать влияние практически во все регионы мира. На механизм формирования внешней политики Вашингтона заметно повлияли противоречия в деятельности администрации Д. Трампа, взгляды которого на ключевые внешнеполитические проблемы отличались от позиции большей части американского политического истеблишмента. Опасения союзников США относительно действенности американских гарантий безопасности отразились на взаимоотношениях внутри Организации Североатлантического договора, усилив настроения части европейских элит в пользу большей военно-политической автономии. Победа Дж. Байдена рассматривалась в рамках НАТО как возвращение американской внешней политики к традиционному курсу, предполагающему консолидацию альянса на основе неолиберальных принципов и ценностей. Цель статьи – изучить ключевые аспекты формирования политики администрации Дж. Байдена в отношении европейских союзников по НАТО. Сделан вывод, что стратегия Вашингтона на данном направлении строится преимущественно на базисе неолиберальных идеологических ценностей. Вместе с тем она сохраняет определенные элементы преемственности по отношению к политике Д. Трампа, связанные со стремлением США перераспределить расходы внутри блока и переложить значительную часть финансового бремени на европейских членов НАТО.

Ключевые слова: евроатлантическое пространство, администрация Дж. Байдена, стратегические приоритеты в сфере внешней политики, проблема военно-политической автономии

DOI: 10.31857/S0201708324070015

Современная международная система претерпевает процесс сложных трансформаций, ключевой аспект которых – формирование нового полицентричного миропорядка. Важным содержанием современных международных отношений стало стратегическое соперничество, в рамках которого США и их военно-политические союзники стремятся сохранить доминирующие позиции и ослабить конкурентов, в первую очередь Российскую Федерацию и КНР [Иванов, 2022: 5]. В условиях обостряющегося противостояния ключевых международных акторов существенно возрастает роль НАТО в качестве важнейшего военно-политического элемента реализации интересов коллективного Запада. Государства–члены Североатлантического альянса расходятся в понимании стратегических целей развития блока в постбиполярный период, что нашло отражение в тезисе президента Франции Э. Макрона о «смерти мозга НАТО»¹. Кризис, вызванный пандемией *COVID-19*, также повлиял на внутриблоковую стабильность. В начале 2020-х гг. в системе взаимоотношений США и европейских союзников сложился эффект мультипликатора, в рамках которого внезапно возникшие трудности, связанные с последствиями пандемии, наложившись на уже существовавший комплекс разногласий по широкому кругу вопросов, включая экономические, экологические и гуманитарные аспекты взаимодействия [Надточей, 2021: 12].

Один из ключевых аспектов международной повестки в предвыборной кампании Дж. Байдена – идея о нормализации отношений с европейскими союзниками. Стратегической задачей выступало возвращение к модели мультилатерализма в рамках Североатлантического альянса, что предполагало возможность каждого участника пользоваться привилегиями в отношениях со своими партнерами [Wright, 2020]. Новая американская администрация поддерживала ту часть европейских элит, которая продолжала считать трансатлантическое партнерство основополагающим элементом политической сплоченности.

На начальном этапе деятельности администрация Дж. Байдена рассматривала сценарий «замедленного развития» как возможный вариант построения взаимоотношений США с европейскими союзниками. Он предполагал необходимость поэтапного разрешения наиболее сложных проблем во внутриблоковых отношениях [Neuhard, 2022: 6]. В опубликованном в марте 2021 г. первом доктринальном документе новой американской администрации «Промежуточные ориентиры стратегии в сфере национальной безопасности» отражены базовые принципы внешнеполитической деятельности и обозначена задача объединить союзников США вокруг защиты базовых демократических принципов².

22–25 марта 2021 г. госсекретарь Э. Блинкен посетил Брюссель и принял участие в саммите министров иностранных дел стран – членов НАТО, а также провел переговоры с представителями руководства ЕС. 24 марта в штаб-квартире альянса

¹ Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead. *Economist*. 07.11.19. URL: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-warns-europe-nato-is-becoming-brain-dead> (дата обращения: 19.03.2024).

² Interim National Security Strategic Guidance. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

глава Государственного департамента выступил с программной речью «Подтверждая и переосмысливая американские союзы». В ней сформулированы приоритеты стратегии США в отношении НАТО, в частности консолидация евроатлантического пространства на основе общих либеральных ценностей, углубление взаимодействия НАТО и ЕС и содействие дальнейшей модернизации потенциала Североатлантического блока на основе комплексного подхода¹.

В ходе первого официального визита в Европу в июне 2021 г. Дж. Байден заявил о твердой поддержке «укрепления стратегического партнерства НАТО – ЕС»². Во время переговоров с лидерами ряда европейских стран президент США и представители американского внешнеполитического руководства неоднократно подчеркивали, что расширение европейской военно-политической автономии – важный компонент укрепления трансатлантического взаимодействия. Однако европейские инициативы в сфере оборонной политики не должны дублировать или идти вразрез с инициативами, реализуемыми в рамках НАТО [Jakštaitė-Confortola, 2022: 83].

Существенные изменения во взаимоотношениях США с европейскими союзниками по Североатлантическому альянсу произошли вследствие начала специальной военной операции на территории Украины. Они были связаны в первую очередь с консолидацией членов военно-политического блока вокруг антироссийской повестки, включающей санкционное давление на Россию и оказание военно-политической помощи киевскому режиму. Вместе с тем события последних двух лет демонстрируют продолжающуюся утрату европейским сегментом НАТО субъектности в рамках трансатлантических отношений. С точки зрения отдельных экспертов, эта тенденция обусловлена отсутствием полного единства в понимании дальнейшей стратегии в рамках конфликта и разногласиями старых и новых членов альянса³. Это способствует укреплению позиций США в качестве арбитра во внутриблоковых взаимоотношениях.

На фоне конфликта на Украине на саммите НАТО в Мадриде 29–30 июня 2022 г. Дж. Байден заявил о приверженности базовым принципам альянса, в т. ч. защите территории всех членов блока. Наряду с этим представители администрации США вновь акцентировали внимание на необходимости выполнения всеми союзниками принятых ранее обязательств относительно повышения уровня военных расходов и на стремлении обеспечить «защиту на европейском континенте базовых американских ценностей»⁴. Важной задачей американской внешнеполитиче-

¹ Поездка Государственного секретаря Блинкена в Брюссель. U.S. Department of State. 19.03.2021. URL: <https://www.state.gov/translations/russian/> (дата обращения: 20.03.2024).

² Выступление президента Байдена на пресс-конференции. Посольство и консульства США в Российской Федерации. 16.06.2021. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-biden-in-press-geneva-ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

³ Федорцев В. Как в Евросоюзе признали себя вассалами США и почему не могут ничего с этим делать. Российская газета. 08.08.2023. URL: <https://rg.ru/2023/08/08/kak-v-evrosoiuze-priznali-sebia-vassalami-ssha-i-pochemu-ne-mogut-nichego-s-etim-sdelat.html> (дата обращения: 27.02.2024).

⁴ Madrid Summit Declaration. Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Madrid 29 June 2022. URL:

ской стратегии стала максимальная консолидация европейских союзников на основе антироссийской повестки, в частности расширение масштабов американского военного присутствия в Европе и политико-дипломатическая поддержка расширения Североатлантического альянса.

В соответствии с информацией, представленной Пентагоном в июне 2022 г., общая численность американского контингента на территории Европы превысила 100 тыс. чел.¹ В течение последних двух лет на территорию европейских членов НАТО переброшено значительное количество военной техники и военного оборудования из США. Эти мероприятия вписываются в стратегию администрации Дж. Байдена, озвученную в ходе саммита НАТО в Мадриде и получившую дальнейшее развитие в рамках плана коллективной обороны НАТО, утвержденного на саммите альянса в Вильнюсе в июле 2023 г. Он предусматривает дополнительные обязательства США в отношении Польши, прибалтийских государств, Румынии, Испании, Британии, Италии и Германии².

С февраля по май 2024 г. на территории ряда стран Северной, Центральной и Восточной Европы организованы военные учения НАТО «Стойкий защитник-2024» – крупнейшие маневры альянса с окончания холодной войны³. Активные военные мероприятия, на которых отрабатываются возможные сценарии военного конфликта с Россией, выступают важным компонентом стратегии администрации Дж. Байдена, предполагающей расширение военно-политического влияния США в Европе.

К 2024 г. американская администрация предприняла комплекс мер, направленных на модернизацию деятельности Организации Североатлантического договора в целом, а также усовершенствование системы взаимоотношений с европейскими союзниками по военно-политическому блоку. Стратегия Вашингтона сочетает неолиберальный глобализм с прагматичным геополитическим подходом, нацеленным на расширение сферы влияния НАТО на европейском континенте как ключевого инструмента проецирования военно-политической мощи США.

Европейские союзники по НАТО в рамках системы стратегического планирования США

В октябре 2022 г. Вашингтон утвердил два важных доктринальных документа в сфере внешнеполитической стратегии – Стратегию национальной безопасности

https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (дата обращения: 11.12.2023).

¹ Kaufman E., Starr B. The US is expected to keep 100,000 troops in Europe for foreseeable future, officials say. CNN. 20.05.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/05/20/politics/us-troops-in-europe/index.html> (дата обращения: 28.12.2023).

² Байден объявил о мерах усиления группировки войск в Европе. РИА Новости. 29.06.2022. URL: <https://ria.ru/20220629/voyska-1798943346.html> (дата обращения: 15.12.2023).

³ НАТО начало в Европе основной этап крупнейших за 40 лет учений. Они продлятся до 31 мая 2024 года. РБК. 01.02.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2024/65ba23439a79472c1662c119> (дата обращения: 28.02.2024).

(СНБ-2022) и Стратегию национальной обороны (СНО-2022)¹. Из-за сложных дискуссий в администрации Дж. Байдена относительно приоритетности военно-политических угроз процесс подготовки занял два года.

Положения СНБ-2022 подчеркивают приоритет защиты демократических институтов и максимально широко трактуют понятие «национальные интересы», выводя последние за пределы границ США. Ключевая роль в системе механизмов противодействия угрозам безопасности отведена максимальной консолидации союзников, укреплению единства НАТО и налаживанию отношений с ЕС. Вашингтон твердо подтвердил намерение «укреплять, модернизировать Организацию Североатлантического договора и инвестировать в ее дальнейшее развитие»².

Современные международно-политические процессы трактуются в СНБ-2022 преимущественно с идеологических позиций как глобальное противостояние демократий, к которым отнесены США, европейские союзники по НАТО и страны, разделяющие «американское видение международного порядка»³, и автократий. По словам экспертов исследовательского центра Института Катона Б.Х. Фридмана и Дж. Логэна, документ направлен на обеспечение американского глобального лидерства. Для этого «США должны возглавить создание новых глобальных и региональных демократических институтов, заручиться поддержкой глобального Юга в глобальной конкуренции с автократиями, сохранить ядерную триаду, предотвратить распространение ядерного оружия, остановить пандемии и подавить коррупцию» [Logan, Friedman, 2022].

Уделяя все большее внимание противостоянию с Китаем, администрация Дж. Байдена предполагает комплексные усилия, направленные на объединения потенциалов, существующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе подконтрольных Вашингтону военно-политических проектов: AUKUS⁴, четырехсторонний диалог по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue*, *QUAD*) и ANZUS⁵. Несмотря на географическую удаленность Европы от АТР, стратегия США предусматривает активное привлечение европейских союзников к сдерживанию Китая не только в военной, но и в социально-политической, экономической и научно-технологической сферах [Маматханов, 2023: 296]. По мнению исследователей Центра анализа европейской политики (СЕРА), «принимая на себя большую часть бремени конкуренции с Китаем, Европа и Соединенные Штаты конкурируют с ним на основе коллективных ценностей, признавая при этом, что их интересы иногда расходятся. Пред-

¹ The Biden-Harris Administration's National Security Strategy. The White House. 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy> (дата обращения: 04.12.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Акроним, образованный от Австралии (*Australia*), Соединенного Королевства (*United Kingdom*), США (*United States*).

⁵ Акроним, образованный от Австралии (*Australia*), New Zealand (*Новой Зеландии*) и США (*United States*).

полагается, что бремя этой конкуренции должны примерно в равной степени нести обе стороны Атлантики»¹.

В рамках СНБ-2022 европейское направление внешней политики США ориентировано на максимальную консолидацию союзников для сдерживания России [Тебин, 2023: 116]. Кроме того, в документе обозначено намерение американской администрации развивать сотрудничество с европейскими странами по вопросам изменения климата и преодоления продовольственного кризиса [Hamilton, 2022: 2]. Представители внешнеполитического руководства США неоднократно подчеркивали значимость партнерства в рамках евроатлантического пространства, «основанных на базисе общих демократических ценностей, общих интересов и отношений, ...»².

Согласно идеологическим представлениям американской администрации, европейские союзники находятся «на переднем крае борьбы за защиту принципов свободы и суверенитета» [Cordesman, 2022: 1]. Важнейшие инструменты обеспечения стратегических принципов – укрепление потенциала и расширение военно-политических возможностей НАТО на базе основных положений Вашингтонского договора. Планируется продолжать реализацию концепции расширенного сдерживания США, в связи с чем Вашингтон призывает союзников «продолжать брать на себя большую ответственность, увеличивая свои возможности путем дополнительных расходов и инвестиций»³. Американский политический истеблишмент рассматривает укрепление европейского потенциала в неразрывной связи с сохранением ключевой координирующей роли Североатлантического альянса в модернизации системы безопасности евроатлантического пространства.

Особенности взаимодействия администрации Дж. Байдена с ЕС

Один из предметов дискуссий американских и европейских элит во время деятельности администрации Дж. Байдена – повышение эффективности взаимодействия НАТО и ЕС. В опубликованном в июне 2022 г. отчете о реализации мер по развитию сотрудничества ЕС и НАТО приведен перечень конкретных направлений взаимодействия [Алешин, 2022: 37]. К последним отнесены расширение различных форматов диалога руководящих структур и специальных органов, регулярное проведение совместных совещаний Североатлантического совета и Комитета ЕС по политике и безопасности, а также консультаций на различных уровнях. Наряду с этим предполагается развитие системного сотрудничества различных подразделе-

¹ Leadership in Action: Six Priorities for the Transatlantic Alliance in 2024. CEPA. 13.02.2024. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/leadership-in-action-six-priorities-for-the-transatlantic-alliance-in-2024/> (дата обращения: 10.04.2024).

² National Security Strategy. P. 38. 10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

³ The Biden-Harris Administration's National Security Strategy. P. 39.

ний двух объединений по вопросам противодействия распространению оружия массового уничтожения, гибридных и кибернетических угроз, координации вопросов военной мобильности и ряда других проблем. Особое место отведено развитию взаимодействия в сфере научных исследований и технологических разработок [Лекаренко, 2022: 184].

При активной поддержке США 10 января 2023 г. в Брюсселе Й. Столтенберг, У. фон дер Ляйен и Ш. Мишель подписали декларацию о сотрудничестве, которая стала итогом двух лет напряженных переговоров¹. Документ призван модернизировать положения предыдущих деклараций, подписанных в 2016 и 2018 гг. Реализации целей, которые обозначены в документах, призван способствовать комбинированный план ЕС–НАТО «План развития возможностей / Процесс оборонного планирования». В его рамках предусматривается не только развитие координационных механизмов, но и полная синхронизация политических линий двух объединений, позволяющих достичь новых решений в сфере развития оборонного потенциала.

Наряду с приоритетным направлением политики США, связанным с гармонизацией и синхронизацией взаимодействия в рамках объединений ЕС и НАТО, важное место в рамках стратегии администрации Дж. Байдена отводится совершенствованию механизмов координации политики с европейскими членами «Группы семи»: Британией, Францией, Германией, Италией. Особенность политики Вашингтона – акцент на развитии отношений с новыми членами блока, представляющими преимущественно страны Центральной и Восточной Европы. После президентских выборов 2020 г. политическое и экспертное сообщества США возобновили дискуссию о стратегии в отношении стран на восточном фланге НАТО, которые находятся «на передовой линии противостояния» с Россией [Смирнов, 2021].

В ходе выступления на конференции стран «Бухарестской девятки» в Варшаве 22 февраля 2023 г. Дж. Байден заявил о готовности США твердо следовать обязательствам в рамках альянса. «Приверженность Соединенных Штатов НАТО ... абсолютно ясна. Статья 5 – это священное обязательство, которое взяли на себя Соединенные Штаты, – подчеркнул он. Отметив необходимость дополнительных усилий по укреплению военного потенциала Североатлантического альянса, Дж. Байден, обращаясь к восточноевропейским лидерам, сделал особый акцент на их роли в развитии потенциала восточного фланга блока².

В американской экспертной среде, ориентированной на неолиберальный сегмент политических элит, весьма распространена точка зрения о «перезагрузке» системы коллективной безопасности на фоне конфликта на Украине. Профессор Института стратегических исследований, старший научный консультант Атлан-

¹ The EU–NATO Joint Declaration on Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. NATO. 10.01.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm (дата обращения: 10.01.2024).

² Readout of President Biden's Meeting with the Leaders of the Bucharest Nine Eastern Flank NATO Allies. 22.02.2023 URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/02/22/readout-of-president-bidens-meeting-with-the-leaders-of-the-bucharest-nine-eastern-flank-nato-allies/> (дата обращения: 21.12.2023).

тического совета Дж. Р. Дени в статье, посвященной 75-летию альянса, отмечает, что после февраля 2022 г. «возвращение НАТО к коллективной обороне происходит ускоренными темпами». «Новая модель вооруженных сил, успешная интеграция Финляндии и Швеции, более активное присутствие на восточном фланге и усиление акцента на технологических инновациях и сотрудничестве в оборонной промышленности – все, что произошло за последние два года, сильно отличается от прежней деятельности НАТО»¹ [Deni, 2024].

К началу 2024 г. наметилось стремление части американских элит, связанной преимущественно с Республиканской партией, дистанцироваться от оказания масштабной поддержки киевскому режиму и переложить основное бремя на европейских членов Североатлантического альянса [Kramer, Agachi, 2024]. Кроме того, обозначились расхождения в позициях европейских лидеров. Заявление президента Франции Э. Макрона 26 февраля 2024 г. о возможной отправке военного контингента НАТО на территорию Украины вызвало неоднозначную реакцию со стороны других членов блока². Позиция Вашингтона по вопросу членства Украины в НАТО заметно расходится с установками восточноевропейских членов альянса [Gramer, Detsch, 2024].

Политика администрации Дж. Байдена в сфере взаимоотношений с европейскими союзниками по НАТО привела к неоднозначным результатам. Вместе с успехами в укреплении внутреннего единства блока и синхронизации деятельности НАТО и ЕС сохраняются основания для внутренних разногласий. Ключевым выступает формирование дальнейшей коллективной стратегии в украинском конфликте. Неопределенность внешнеполитического курса США и возвращение Д. Трампа в Белый дом вызывают опасения европейских членов альянса.

Заключение

Стратегия администрации Дж. Байдена в отношении европейских союзников по НАТО сочетает нелиберальное идеологическое основание с элементами неореализма в реализации задач по консолидации евроатлантического пространства и мобилизации военно-политического потенциала союзников. Обозначаемая в доктринальных документах готовность США обеспечивать коллективную оборону европейских союзников путем применения всего спектра доступных военно-политических инструментов сочетается с прагматичным расчетом, связанным с использованием ресурсов альянса в интересах американской политической элиты за пределами Европейского континента.

В рамках модернизации системы функционирования альянса и повышения его эффективности Вашингтон уделяет особое внимание синхронизации взаимодей-

¹ Deni J.R. At 75, NATO Is Still Worth the Price. 04.04.2024. URL: <https://clck.ru/3F8dEB> (accessed: 07.04.2024).

² Macron vs. Scholz: Der Kampf um die Führungsrolle in Europa. TAGESSPIEGEL. 28.02.2024 URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/macron-vs-scholz-von-wegen-waffenbruder--kampf-um-die-fuehrungsrolle-in-europa-11276824.html> (дата обращения: 29.02.2024).

ствия в военно-политической сфере между НАТО и ЕС. Второе направление – уровень взаимодействия США и отдельных европейских государств в рамках двух объединений. В соответствии со стратегическими задачами в стратегии «НАТО-2022» результатом должна стать полная взаимодополняемость в оборонной политике всех членов Североатлантического альянса, а также государств – членов Евросоюза.

Реализация положений стратегии предусматривает параллельную реализацию горизонтального и вертикального направлений расширения сферы деятельности альянса. Первое предусматривает дальнейшее вовлечение в состав военно-политического блока новых участников, второе – максимальную унификацию целей и задач членов альянса в сфере обеспечения коллективных интересов. По мнению западных элит, конечная цель реализации этой стратегической линии – складывание общей трансатлантической идентичности, основанной на единых ценностях и предполагающей противостояние общим противникам.

Можно выделить два этапа эволюции стратегии администрации Дж. Байдена в сфере взаимоотношений с европейскими союзниками по НАТО. В период до начала СВО Вашингтон концентрировался на политической консолидации Североатлантического альянса и восстановлении. На втором этапе приоритетом становится мобилизация потенциала европейских союзников по НАТО для оказания помощи киевскому режиму. После достижения успеха в укреплении единства военно-политического блока на основе актуальных для американской политической элиты международных вызовов, к началу 2024 г. администрация Дж. Байдена столкнулась с внутренними трудностями в реализации своего курса. Обозначилось стремление части американского политического истеблишмента к перераспределению бремени расходов, связанных с украинским конфликтом. Независимо от развития внутренней ситуации, стратегическая цель по обеспечению единства альянса и максимальному использованию коллективного потенциала останется основным приоритетом внешнеполитической деятельности США на Европейском континенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешин А.А. (2022) Оборонные проекты PESCO и НАТО: координация или конкуренция? *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 4. С. 35–45. DOI: 10.20542/afij-2022-4-35-45
- Иванов О.П. (2022) Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике. *Обозреватель-Observer*. № 11–12. С. 5–17. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_11-12_5
- Лекаренко О.Г. (2022) Изменения в отношениях Европейского Союза с США после прихода администрации Дж. Байдена. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. Т. 9. № 1(33). С. 182–191. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).182-191
- Маматханов Р.С. (2023) Доктринальные основы политики США при администрации Дж. Байдена в отношении Китая и России. *Власть*. Т. 31. № 4. С. 294–298.
- Надточей Ю. (2021) Президентство Джо Байдена и трансатлантические отношения: «новый рассвет» или «сумеречная зона»? *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. Выпуск 60(76). Март 2021. С. 10–16.

Неймарк М.А. (2022) Что показывает стратегический компас Европы. *Обозреватель-Observer*. № 5–6. С. 40–49. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_5-6_40

Смирнов П.Е. (2021) Восточный фланг НАТО: преемственность и новые акценты в политике США в Восточной Европе при администрации Дж. Байдена. *Россия и Америка в XXI в.* № 4. DOI: 10.18254/S207054760017923-2

Тебин П.Ю. (2023) Наша священная оборона – их варварская агрессия. *Россия в глобальной политике*. Т. 21. № 1. С. 99–116. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116

Cordesman A.H. (2022) New Biden National Security Strategy. *CSIS*. 14.10. URL: <https://www.csis.org/analysis/newbiden-national-security> (дата обращения: 27.12.2023).

Gramer R., Detsch J. (2024) U.S. and Germany Push to Delay Ukraine NATO Membership Invite. Ukraine and its Eastern European allies want the invite to come soon, but Washington and Berlin are wary. *Foreign Policy*. 30.01. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/01/30/ukraine-nato-membership-delay-war-russia-alliance/> (дата обращения: 08.04.2024).

Hamilton R.E. (2022). Biden's National Security Strategy: A New Era in Eurasia. *FPRI*. 26.10. URL: <https://www.fpri.org/article/2022/10/bidens-national-security-strategy-a-new-era-in-eurasia/> (дата обращения: 27.11.2023).

Jakštaitė-Confortola G. (2022) US Foreign Policy during the Biden Presidency. A Reset in the US Approach towards the EU Strategic Autonomy? *European Strategic Autonomy and Small States' Security*. Ed. by G. Česnakas, J. Juozaitis. Routledge. P. 81–92. DOI:10.4324/9781003324867-6

Kramer F.D., Agachi A.I. (2024) Four NATO Defense Priorities for the Upcoming. *RAND*. 08.02. URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2024/02/four-nato-defense-priorities-for-the-upcoming-washington.html> (дата обращения: 11.04.2024).

Logan J., Friedman B.H. The Case for getting rid of the National Security Strategy. *War on the Rocks*. 04.11. URL: <https://warontherocks.com/2022/11/the-case-for-getting-rid-of-the-national-security-strategy/> (дата обращения: 05.04.2024).

Neuhard R. (2022). The New US National Security Strategy: Four Takeaways for Asia Policy. *FPRI*. 21.10. URL: <https://www.fpri.org/article/2022/10/the-new-us-national-security-strategy-four-takeaways-for-asiapolicy> (дата обращения: 09.12.2023).

Wright T. (2020) Between restoration and change. *The Brookings Institution*. 01.10. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/10/01/between-restoration-and-change/> (дата обращения: 15.12. 2023).

The Strategy of the Biden Administration Towards European NATO Allies

E.A. Antyukhova

*Doctor of Science (Politics), Associate Professor, Professor,
Department of World Political Processes, Moscow State Institute
of International Relations (University) MFA (MGIMO University)*

76 Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454

E-mail: *e.antyukhova@gmail.com*

Abstract. US relations with NATO allies are the key aspect of American foreign policy. At the present stage, the United States has a combined potential that exceeds the capabilities of other major international actors and the ability to project its influence in almost all regions of the world. The mechanism for shaping US foreign policy has been significantly affected by the contradictions caused by the activities of the D. Trump administration, which views on key foreign policy issues differed markedly from the position of most of the American political establishment. The concerns of US allies about the effectiveness of American security guarantees in these conditions have become a noticeable factor affecting relations within the North Atlantic Treaty Organisation, strengthening the sentiments of some European elites in favor of greater military and political autonomy. The victory of J. Biden was viewed as a return of American foreign policy to the traditional course, which presupposes the consolidation of NATO on the basis of key liberal principles and values. The purpose of this article is to study the key aspects of J. Biden administration's attitude towards European allies. This problem seems to be significant from the point of view of understanding the logic of the international behavior of the collective West, as well as the specifics of the activities of key institutions that ensure its international political influence, including the North Atlantic Treaty Organisation. Based on the application of a systematic approach, the use of general scientific and special methods, including the historical and political science method, as well as methods of comparative and formal logical analysis, the article solves research problems related to the analysis of the main policy directions of J. Biden administration's attitude towards European NATO allies. According to the results of the study, the strategy of the current US leadership in this direction is based mainly on the neoliberal ideological values. At the same time, it retains certain elements of continuity with D. Trump's policy, related to the US desire to redistribute costs within the bloc, shifting a significant part of the financial burden to the European members of NATO.

Keywords: Euro-Atlantic Space, Administration of J. Biden, strategic priorities in the field of foreign policy, problem of military-political autonomy

DOI: 10.31857/S0201708324070015

REFERENCES

- Aleshin A.A. (2022) Oboronny'e proekty` PESCO i NATO: koordinaciya ili konkurenciya? [PESCO and NATO defense projects: coordination or competition?], *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 4, pp. 35–45. DOI: 10.20542/afj-2022-4-35-45 (In Russian).
- Cordesman A.H. (2022) New Biden National Security Strategy, *CSIS*, 14.10. URL: <https://www.csis.org/analysis/newbiden-national-security> (accessed: 27.12.2023).
- Gramer R., Detsch J. (2024) U.S. and Germany Push to Delay Ukraine NATO Membership Invite. Ukraine and its Eastern European allies want the invite to come soon, but Washington and Berlin are wary, *Foreign Policy*, 30.01. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/01/30/ukraine-nato-membership-delay-war-russia-alliance/> (accessed: 08.04.2024).
- Hamilton R.E. (2022). Biden's National Security Strategy: A New Era in Eurasia, *FPRI*, 26.10. URL: <https://www.fpri.org/article/2022/10/bidens-national-security-strategy-a-new-era-in-eurasia/> (accessed: 27.11.2023).

Ivanov O.P. (2022) Transformaciya NATO: ot potepleniya klimata do zamerzaniya v politike. [The transformation of NATO: from climate warming to freezing in politics], *Obozrevatel – Observer*, 11–12, pp. 5–17. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_11-12_5 (In Russian).

Jakštaitė-Confortola G. (2022) US Foreign Policy during the Biden Presidency. A Reset in the US Approach towards the EU Strategic Autonomy?, in Česnakas G., Juozaitis J. (ed.) *European Strategic Autonomy and Small States' Security*, Routledge, pp. 81–92. DOI: 10.4324/9781003324867-6

Kramer F.D., Agachi A.I. (2024) Four NATO Defense Priorities for the Upcoming, *RAND*, 08.02. URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2024/02/four-nato-defense-priorities-for-the-upcoming-washington.html> (accessed: 11.04.2024).

Lekarenko O.G. (2022) Izmeneniya v otnosheniyax Evropejskogo Soyuza s SShA posle priхода administracii Dzh. Bajdena [Changes in the relations of the European Union with the United States after the arrival of the administration of J. Biden], *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences"*, 9, 1(33), pp. 182–191. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).182-191

Logan J., Friedman B.H. (2022) The Case for getting rid of the National Security Strategy, *War on the Rocks*, 04.11. URL: <https://warontherocks.com/2022/11/the-case-for-getting-rid-of-the-national-security-strategy/> (accessed: 05.04.2024).

Mamatxanov R.S. (2023) Doktrinal'ny'e osnovy' politiki SShA pri administracii Dzh. Bajdena v otnoshenii Kitaya i Rossii [The doctrinal foundations of U.S. policy under the administration of J. Biden's attitude towards China and Russia], *Power*, 31(4), pp. 294–298. (In Russian)

Nadtochej Yu. (2021) Prezidentstvo Dzh. Bajdena i transatlanticheskie otnosheniya: "novyj rassvet" ili "sumerechnaya zona"? [Joe Biden's Presidency and transatlantic relations: a "new dawn" or a "twilight zone"?], *European security: events, estimates, forecasts. Release*, 60(76), pp. 10–16.

Nejmark M.A. (2022) Chto pokazy'vaet strategicheskij kompas Evropy' [What the strategic compass of Europe shows], *Obozrevatel-Observer*, 5–6, pp. 40–49. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_5-6_40 (In Russian).

Neuhard R. (2022). The New US National Security Strategy: Four Takeaways for Asia Policy, *FPRI*, 21.10. URL: <https://www.fpri.org/article/2022/10/the-new-us-national-security-strategy-four-takeaways-for-asiapolicy/> (accessed: 09.12.2023).

Smirnov P.E. (2021) Vostochnyj flang NATO: preemstvennost' i novye akcenty' v politike SShA v Vostochnoj Evrope pri administracii Dzh. Bajdena [NATO's Eastern Flank: Continuity and New Accents in U.S. Policy in Eastern Europe under the administration of J. Biden], *Russia and America in the XXI century*, 4. DOI: 10.18254/S207054760017923-2 (In Russian).

Tebin P.Yu. (2023) Nasha svyashhennaya oborona – ix varvorskaya agressiya [Our sacred defense is their barbaric aggression], *Russia in global politics*, 21(1), pp. 99–116. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116 (In Russian).

Wright T. (2020) Between restoration and change, *The Brookings Institution*, 01.10. URL: <https://www.brookings.edu/articles/between-restoration-and-change/> (accessed: 15.12.2023).

УДК 327

ВЕНГРИЯ: ДВА ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА В СОВЕТЕ ЕС

© 2024 ШИШЕЛИНА Любовь Николаевна

Доктор исторических наук

*Заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы,
руководитель Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН*

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: l.shishelina@gmail.com

Поступила в редакцию 18.10.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В статье проведен анализ двух председательств Венгрии в Совете ЕС в 2011 и 2024 гг. Сделан вывод, что ряд приоритетов, обозначенных Венгрией ещё в первое председательство, за 13 лет, не получил должного решения. Это касается углубления связей с государствами Балкан, подключения к шенгенской зоне Болгарии и Румынии. Политика, проводимая Венгрией все эти годы в других статусах, продемонстрировала последовательность. В частности, зарекомендовала себя Стратегия Дунайского региона; в ЕС вошла Хорватия. Опыт по решению кризисной ситуации в арабских странах помог Будапешту выработать чёткую и последовательную позицию по проблемам миграции и военных конфликтов. Несмотря на то что на второе председательство страны в ЕС наложились выборы в Европарламент и другие наднациональные органы, Венгрия начала своё председательство достаточно громко, заявив о своих миротворческих намерениях в рамках украинского кризиса. Среди приоритетов венгерского председательства оказались укрепление обороноспособности ЕС, повышение его конкурентоспособности, проблема нелегальной миграции, аграрная политика. Свою несогласованную с руководством ЕС поездку на Украину, в Россию, Китай и США В. Орбан объяснил намерением не отсиживаться в кресле председателя, а действовать в поиске решения самых острых проблем, которые тормозят развитие ЕС.

Ключевые слова: Венгрия, Виктор Орбан, Европейский союз, Совет ЕС, Европейский парламент, председательство в Совете ЕС, Дональд Трамп, Россия, миссия мира

DOI: 10.31857/S0201708324070027

С 1 июля 2024 г. Венгрия второй раз со времени вступления в Евросоюз стала председателем в Совете ЕС. Предыдущее её председательство выпало на первую половину 2011 г., практически сразу вслед за возвращением к власти в Венгрии кабинета ФИДЕС/ХДНП после восьмилетнего правления социал-либералов. Тринадцать лет спустя начало председательства и представление главой страны программы действий было омрачено яростными нападками противников курса, проводимого Виктором Орбаном во внешней и внутренней политике. В Европарламенте (ЕП) ему даже толком не дали изложить свою программу. Если во время выступления Орбана в 2011 г. депутаты от разных стран учили его – одного из символов новой Центральной Европы – урокам революции 1956 г. и борьбы с коммунизмом (премьер Бельгии Ив Летерм запутался в датах венгерской революции, назвав вместо 1956-го 1965 г.), то члены нынешнего состава ЕП перешли к прямым оскорблениям.

Приоритеты и удаchi первого председательства

Будапешт, как и другие страны Центральной и Восточной Европы, готовился к тому, чтобы сказать своё слово в европейской политике в рамках председательства в Совете ЕС. К первому председательству правительство В. Орбана разработало программу восстановления Евросоюза после экономического кризиса 2008–2009 гг. Среди приоритетов были также реформа аграрной политики ЕС и социальная стратегия по преодолению бедности. Впервые на таком уровне была предложена программа социальной адаптации цыганского населения. Будапешт внёс предложения, основанные на его видении проблем энергосбережения и энергобезопасности, начал работу над первым рамочным вариантом многолетнего бюджета ЕС. Программа 2011 г. получила название «Более сильная Европа». Брюсселю была предложена Стратегия Дунайского региона и новый этап программы «Восточного партнёрства»¹. Однако в ходе подготовки последнего пункта в Брюсселе решили, что Будапешт должен уступить проведение саммита Восточного партнерства Варшаве, как законодательнице этого направления политики ЕС, тем более что её председательство следовало как раз за венгерским [Шишелина, 2011].

Стратегия Дунайского региона стала второй крупной региональной программой внутри ЕС, наряду с ранее принятой стратегией региона Балтийского моря. В рамках программы предусматривалось согласование общей макрорегиональной стратегии, которая должна была способствовать поступательному развитию Центральной и Восточной Европы. Ее положения включали защиту природы бассейна Дуная, охрану своеобразия ландшафта и культурного наследия. Проект должен был объединить восемь государств региона и его непосредственных соседей: Австрию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Венгрию, Германию (земли Баден-Вюртемберг и Бавария), Молдавию, Румынию, Словакию, Словению, Сербию, Черногорию, Чехию и Украину. В целях снижения различий уровня благосостояния стран региона, куда входят

¹ Priorities and programme of the Hungarian Presidency. European Parliament. 2011. 7 p. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/afet/dv/201/201101/20110125hupresidencypriorities_en.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

столь различающиеся страны как Болгария и Румыния, с одной стороны, и Германия и Австрия, с другой, в Стратегии предлагалось совершенствование коммуникационной структуры бассейна Дуная, а также принятие мер, которые могли бы стимулировать экономику региона и повысить его конкурентоспособность. За время председательства Венгрии потенциальным странам-участницам проекта удалось согласовать приоритетные направления сотрудничества и назначить лиц, ответственных за их исполнение. Фактически был дан старт программы.

Уже в первое свое председательство Будапешт заявил, что выполнение Дунайской стратегии будет возможным только при условии принятия в ЕС государств Западных Балкан. Венгрия ставила задачу ускорения процесса приема в ЕС соседней Хорватии, что ей во многом удалось. Уже в декабре 2011 г. – во время председательства принявшей эстафету Польши – в Брюсселе был подписан договор о вступлении Хорватии в ЕС, и страна получила право принимать участие в заседаниях ЕС в качестве наблюдателя без права голоса [Трофимова, 2013]. Летом 2013 г. Хорватия стала полноправным членом этой организации. Венгрия заявила о готовности начать переговоры о вступлении с бывшей югославской Республикой Македонией в своё председательство [A magyar EU-elnökség..., 2011] и продолжить переговоры о вступлении с Турцией и Исландией, расширить шенгенскую зону, подключив к ней Румынию и Болгарию.

В 2011 г. председательство пришлось на весьма сложный момент для Венгрии. Прошло лишь полгода после победы на парламентских выборах коалиции ФИДЕС/ХДНП, и правительство еще не завершило ревизию доставшегося ей хозяйства. Кроме бюджетной дыры в 3 млрд евро, оставленной правительством социал-либералов, новой команде пришлось ликвидировать последствия сразу двух катастроф: техногенной, произошедшей в октябре 2010 г. на алюминиевом заводе, расположенном на западе Венгрии, и природной – связанной с разрушительным наводнением. Причем эта работа велась на фоне нападок проигравшей на недавних парламентских выборах оппозиции, которая пыталась давить на Орбана и в Брюсселе.

Тогда звучала критика венгерского закона о СМИ и новой Конституции страны. В результате интриг оппозиции венгерский премьер был весьма недоброжелательно принят Европарламентом во время представления им программы председательства Будапешта. Однако продемонстрированное В. Орбаном в Брюсселе в январе 2011 г. умение держать удар при защите национальных интересов страны лишь еще больше укрепило его авторитет в Венгрии. Одновременно, действия европейских критиков внутренней венгерской политики консолидировали лагерь евроскептиков в Венгрии.

Председательство Венгрии сопровождалось и серьезным ухудшением международной обстановки, последовавшей на фоне революций в арабских странах. Приоритеты были скорректированы в пользу урегулирования в странах Средиземноморского соседства. Министр иностранных дел Венгрии Янош Мартони совершил несколько поездок в охваченные волнениями страны: Египет, Тунис, Ливию, Марокко. Тогда же Европа впервые столкнулась с затяжной проблемой беженцев из этих стран. О помощи запросила Италия, к берегам которой стали прибывать суда с нелегальны-

ми мигрантами и беженцами. Вместе с Кэтрин Эштон, Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности, венгерские дипломаты работали над урегулированием проблемы.

Стратегический ответ ЕС на «арабскую весну» был принят 8 марта 2011 г. и изложен в совместном документе Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности и Еврокомиссии под названием «Партнерство во имя демократии и совместного процветания с Южным Средиземноморьем». В документе была предложена конкретная поддержка для каждой из стран севера Африки по принципу «больше за большее» относительно процесса реформ. 25 мая этот подход был скорректирован в совместном документе под названием «Новый ответ на меняющиеся условия соседства».

В нем, в частности, говорилось, что ЕС «намерен как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе помогать своим партнерам решать две основные задачи: 1) построить “глубокую демократию”, то есть не только разработать демократические конституции и провести свободные и справедливые выборы, но и создать и поддерживать независимую судебную систему, свободную прессу, гражданское общество и все другие характеристики зрелой демократии; 2) обеспечить инклюзивный и устойчивый экономический рост и развитие, без которых демократия не сможет укорениться»¹.

Особое значение в условиях миграции приобрела задача создания значительно-го числа рабочих мест в этих странах. Отмечалось, что несмотря на проблемы, ЕС будет оказывать поддержку каждой стране на дифференцированной основе, обеспечивая учет индивидуальных потребностей и приоритетов.

Тем не менее вместе с проблемой «арабской весны» Янош Мартони не забывал о других приоритетах, одним из которых была программа Восточного партнерства и сближение ЕС с Украиной. Мартони заявлял о намерении и дальше поддерживать усилия Киева по сближению с Евросоюзом, назвав соседнюю страну главной в программе Восточного партнерства.

В самом начале председательства Венгрия также организовала две важных встречи по вопросам энергетики и развития рынка, по результатам которых было принято заключительное коммюнике об Энергетической стратегии 2020.

Политическая ситуация в стране накануне второго председательства Венгрии

Внешние и внутренние обстоятельства для начавшегося 1 июля 2024 г. председательства Венгрии в Совете ЕС вновь сложились неблагоприятно, в еще большей степени, чем в 2011 г. В сентябре вновь пришла водная стихия, нанеся стране многомиллиардный ущерб, из-за чего В. Орбан был вынужден отложить представление программы председательства страны в Брюсселе. Кроме того, полугодие

¹ The EU's response to the 'Arab Spring' // European Commission. Dec. 16, 2011. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_11_918 (дата обращения: 01.11.2024).

прошло под знаком прошедших в июле выборов в ЕП, за чем последовали процедуры назначения новых руководителей главных органов Евросоюза. Одновременно не в пользу правящей партии складывалась внутривнутриполитическая обстановка. Первую половину года страну один за другим сотрясали скандалы в высших эшелонах власти. В феврале в отставку подала президент страны Каталин Новак. Причиной стало резонансное помилование ею заместителя директора детского дома, которого осудили за то, что он принуждал пострадавших детей изменить ранее данные ими показания против своего бывшего шефа. Став достоянием гласности, скандал стал тяжелым репутационным ударом для ФИДЕС, позиционирующей себя не только в Венгрии, но и в Евросоюзе в качестве защитницы прав детей. В отставку со своего поста уполномоченной по делам ЕС подала и министр юстиции Венгрии Юдит Варга [Шишелина, 2024]. Поскольку на момент ухода из политики она занимала пост уполномоченного правительства по делам ЕС, то и это замедлило процесс разработки и координации программы венгерского председательства.

Оппозиция воспользовалась случаем, чтобы вывести людей на улицы и помешать партии В. Орбана переизбраться в ЕП в июне. 5 мая Государственное собрание избрало нового президента Томаша Шуйока, что также происходило не без попыток социал-либералов помешать этому назначению. В стране грянул еще один политический скандал. Его фигурантом стал бывший муж министра юстиции Юдит Варги – Петер Мадьяр, который выступил в прессе с обещанием громких разоблачений в ближайшем окружении премьер-министра. Конкретно, он обещал обнародовать сделанную им запись частного разговора с супругой, когда на посту министра она занималась коррупционным скандалом в среде высокопоставленных чинов венгерской юстиции. Используя запрос общества на перемены, Мадьяр стал лидером малоизвестной провинциальной партии ТИСА¹, разъезжал по стране и собирал многочисленные митинги. Партия ТИСА П. Мадьяра стала неожиданным и совершенно новым субъектом венгерской общественной жизни с весны 2024 г., повлияв на политический ландшафт в канун совмещенных выборов в ЕП и местные органы власти. В итоге самых непредсказуемых в венгерской истории выборов ТИСА прошла в ЕП с семью мандатами и стала членом оппозиционной В. Орбану Европейской народной партии.

Программа председательства

Программа председательства Венгрии готовилась очень долго, а ее представление пришлось не на первое июля, а только на 9 октября 2024 г., т.е. в середине срока председательства Будапешта. В преамбуле программы говорится: «Венгрия принимает на себя председательство в Совете ЕС во времена чрезвычайных обстоятельств и вызовов. Наш континент сталкивается с общими вызовами..., все большего отставания ЕС от своих глобальных конкурентов, нестабильной ситуации в области безопасности, нелегальной миграции, уязвимости международных цепочек поставок, стихийных бедствий, последствий изменения климата и демографических

¹ Tisztelet és Szabadság Párt (TISZA) – в переводе «Партия чести и свободы».

тенденций. Кроме того, поскольку 2024 г. является переходным, председательство Венгрии должно будет обеспечить непрерывность работы Совета в сотрудничестве с Европарламентом и Еврокомиссией. Также необходимо приступить к реализации Стратегической повестки на 2024–2029 гг., определяющей долгосрочные принципы будущей работы Союза». В программе отмечено, что «венгерское председательство и Европа должны быть готовы к тому, что войны, вооруженные конфликты, гуманитарные кризисы в мире и их последствия будут по-прежнему угрожать континенту во второй половине 2024 г.»¹.

Основные приоритеты председательства:

– *Новое Соглашение о европейской конкурентоспособности.* Венгрия ратует за восстановление экономического развития и создание условий для устойчивого роста, за углубление внутреннего рынка, сосредоточение внимания на поддержке малых и средних предприятий.

– *Укрепление европейской оборонной политики.* Конфликты на континенте и по всему миру ясно демонстрируют, – говорится в программе – что Европе необходимо значительно повысить свой оборонный потенциал, оперативность реагирования на международные кризисные ситуации и возможности по управлению ими.

– *Последовательная и основанная на заслугах политика расширения.* Для продолжения успешной истории расширений, по мнению Будапешта, важно, чтобы политика расширения основывалась на реальных заслугах, была сбалансированной и вызывала доверие. Поэтому венгерское председательство намерено продвигать сближение со странами Западных Балкан, «поскольку Сообщество не может быть полноценным без присоединения этого региона».

– *Борьба с нелегальной миграцией.* Миграционное давление является не только вызовом для Союза в целом, но и ложится огромным бременем на отдельные государства – члены, особенно на те, которые находятся на внешних границах Союза. Особое внимание уделено внешнему аспекту миграции, включая эффективное сотрудничество с соответствующими третьими странами по возвращению мигрантов и инновационные решения для правил предоставления убежища.

– *Формирование будущего политики сплочения.* Для обеспечения гармоничного и сбалансированного развития ЕС Европе необходимо сократить региональные различия, а также обеспечить экономическую, социальную и территориальную сплоченность.

– *Сельскохозяйственная политика ЕС, ориентированная на фермеров.* Чрезвычайные погодные условия, вызванные изменением климата, растущими затратами на сырье, увеличением импорта из третьих стран и чрезмерно жесткими правилами производства, значительно снизили конкурентоспособность отрасли. Поэтому долгосрочная гарантия продовольственного суверенитета и продовольственной безопасности должна быть частью стратегической автономии ЕС.

– *Решение демографических проблем.* Уважая компетенцию государств – членов, необходимо привлечь внимание к проблемам ускоряющегося старения европейских

¹ Az Európai Unió tanácsa 2024. Második félévi magyar elnökségének programja 2024. URL: <https://hungarian-presidency.consilium.europa.eu/hu/> (дата обращения: 01.11.2024).

обществ, неустойчивости системы социального обеспечения и нехватки рабочей силы, которые требуют срочного и эффективного решения.

Осуществление программы

Несмотря на позднее представление программы, В. Орбан сделал некоторые важные шаги в канун и первые дни председательства. 2 июля 2024 г. после 12-летнего перерыва лидер ФИДЕС посетил Киев и встретился с В. Зеленским¹. Газета *The Washington Post* в этой связи специально отметила, что Орбан приехал в Киев на второй день председательства Венгрии в Совете ЕС, что явно должно говорить о приоритете венгерской линии. Касательно предложенного Зеленским «Плана победы», Орбан заявил, что инициативы украинского президента «требуют много времени из-за международных дипломатических правил» и попросил Зеленского «подумать, можно ли было бы поступить немного по-другому: прекратить огонь, а затем начать переговоры с Россией, поскольку прекращение огня ускорило бы темпы этих переговоров»². Как подметили журналисты, освещавшие встречу, «во время совместного выступления В. Orbana и В. Зеленского язык жестов между ними не был теплым, и ни один из них не ответил на вопросы СМИ после того, как они сделали свои заявления»³.

5 июля неожиданно для всех Виктор Орбан прилетел в Москву на встречу с президентом России В. Путиным. На этот раз и он сам, и пресса заговорили о «миссии мира», которую взялся осуществить венгерский премьер.

После встречи, которая длилась несколько часов, премьер-министр Венгрии заявил, что Россия и Украина по-прежнему «далеки друг от друга» в своих взглядах на достижение мира⁴. «Необходимо предпринять много шагов, но мы сделали первый к восстановлению диалога», – сказал он. В свою очередь российский лидер назвал это «откровенным и полезным» разговором, подчеркнув, что Орбан находится с визитом «не просто как давний партнер», но и как представитель ЕС. Однако европейские лидеры не только осудили поездку Orbana в Москву, но и подчеркнули, что он не представлял ЕС. В частности, глава Евросовета Ш. Мишель написал, что «очередное председательство не имеет полномочий взаимодействовать с Россией от имени ЕС»⁵.

8 июля Орбан уже был в Пекине и встречался с китайским лидером Си Цзиньпином. Переговоры были посвящены «углубленному обсуждению» ситуации на Украине, говорилось в сообщении, опубликованном китайской государственной телекомпанией *CCTV*. Неожиданный визит Orbana состоялся за день до начала саммита

¹ Hungarian leader Viktor Orban visits Ukraine and suggests a cease-fire. *The Washington Post*. 02.07.2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/07/02/hungary-viktor-orban-visit-ukraine/> (дата обращения: 01.11.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Hungary's Russia-friendly PM meets Putin in Moscow. *BBC*. 05.07.2024 URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cml29r8d2zxo> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Hungarian leader Viktor...

НАТО в Вашингтоне, где президент США Джо Байден готовился принять лидеров блока и заручиться их дальнейшей поддержкой. Во время переговоров с Орбаном Си Цзиньпин повторил призыв к прекращению огня на Украине¹. Венгерский лидер в ответ заявил, что Китай является «ключевой державой в создании условий для мира». Си Цзиньпин заявил, что Китай и Венгрия имеют «одинаковые базовые предложения и направления усилий».

США стали последним пунктом миротворческой миссии В. Орбана. В ходе своего визита венгерский премьер посетил не только саммит НАТО. В первую очередь 9 июля он встретился с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом, с которым продолжил тему военного урегулирования восточноевропейского конфликта². По завершении переговоров В. Орбан повторил, что потребуются мирные инициативы, и, в частности, что он рассчитывает на поддержку Турции: «президент Эрдоган был единственным успешным государственным деятелем, который смог договориться о заключении российско-украинского соглашения о поставках зерна по Черному морю. Я попросил президента поддержать нас в нашей мирной миссии».

10 июля премьер Венгрии принял участие в проходившем в Вашингтоне саммите НАТО, а 12 июля встретился с тогда ещё кандидатом на пост президента США – Д. Трампом. Это уже вторая за год встреча венгерского премьера с кандидатом от республиканцев. Первая состоялась 8 марта 2024 г. Тогда двумя наиболее важными вопросами повестки встречи Орбана и Трампа стали: 1) как вернуть мир в Европу и 2) как вернуть венгерско-американские двусторонние отношения к тем высотам, на которых они находились во время первого президентского срока Трампа³. Как писал венгерский портал *VG*, «Трамп, как и Венгрия, выступает за мир и призывает к скорейшему прекращению конфликта»⁴. В том же ключе прошла и их вторая встреча в июле 2024 г., которая завершала миротворческое турне мира Орбана. После переговоров премьер-министр выпустил пост: «Встреча с президентом Трампом о мире. Хорошая новость дня: он решит эту проблему!»⁵.

¹ Hungary's Orban holds talks with Xi during surprise Beijing visit, days after meeting Putin. CNN. 08.07.2024. URL: <https://edition.cnn.com/2024/07/08/china/china-hungary-orban-xi-visit-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 01.11.2024).

² Kérést intézett a török elnökhöz Orbán Viktor. Portfolio. 10.07.2024. URL: <https://www.portfolio.hu/global/20240710/kerest-intezett-a-torok-elnokhoz-orban-viktor-697617> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Amerikai-magyar csúcs: nyilvánosságra hozták, miről fog tárgyalni egymással Trump és Orbán. Világgydaság. 05.03.2024. URL: <https://www.vg.hu/kozelet/2024/03/amerikai-magyar-csucs-nyilvanossagra-hoztak-mirol-fog-targyalni-egymassal-trump-es-orban> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Kiderült, miről beszélt Donald Trump Orbán Viktorral. Világgydaság. 09.03.2024. URL: <https://www.vg.hu/kozelet/2024/03/kiderult-mirol-beszelt-donald-trump-orban-viktorral> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Folytatódott a békemisszió: Orbán Viktor Donald Trumpgal tárgyalt a béke lehetőségeiről. Hirado. 12.07.2024. URL: <https://hirado.hu/kulfold/cikk/2024/07/12/folytatodott-a-bekemisszio-orban-viktor-donald-trumppal-targyalt-a-beke-lehetosegerol> (дата обращения: 01.11.2024).

Реакция Брюсселя

Завершив турне, В. Орбан составил обращение к руководителям ЕС с предложением начать переговоры с Россией. Он написал, что Трамп инициирует мирные переговоры России и Украины, если он победит на президентских выборах в США в ноябре, и у него есть «обоснованные планы»¹. По словам премьер-министра, это означает, что ЕС должен возобновить прямые дипломатические контакты с Россией и начать переговоры на высоком уровне с Китаем, чтобы урегулировать ситуацию на Украине мирным путем. Орбан также написал в письме, что, основываясь на своих недавних беседах с президентом РФ В. Путиным, председателем КНР Си Цзиньпином и В. Зеленским, он пришел к общему выводу, что интенсивность военного конфликта в ближайшем будущем радикально возрастет. Помимо этого, письмо состояло из ряда пунктов:

- напряженность не спадёт и стороны не начнут искать выход из конфликта без существенного вмешательства извне;

- три глобальных игрока способны влиять на развитие событий: ЕС, США и Китай. Также следует рассматривать Турцию как важного регионального игрока, единственного успешного посредника между Украиной и Россией с 2022 г.;

- можно быть уверенными, что вскоре после своей победы на выборах Д. Трамп не будет дожидаться своей инаугурации, а сразу же будет готов выступить в качестве мирного посредника;

- в случае вероятной победы Трампа соотношение финансового бремени между США и ЕС существенно изменится не в пользу ЕС, продолжающего финансовую поддержку Украины;

- европейская стратегия во имя трансатлантического единства скопировала провоенную политику США. У ЕС не было суверенной и независимой стратегии или плана действий. Поэтому предлагается обсудить, имеет ли смысл продолжать эту политику в будущем;

- в нынешней ситуации появляется возможность, опираясь на прочные моральные и рациональные основы, начать новую главу в европейской политике, предпринять усилия по снижению напряженности и/или созданию условий для временного прекращения огня и/или начала мирных переговоров.

При этом В. Орбан предложил начать обсуждение следующих предложений: а) инициативу по проведению политических переговоров на высоком уровне с Китаем об условиях проведения следующей мирной конференции; б) при сохранении достигнутого высокого уровня отношений с Украиной, возобновить прямые дипломатические и иные связи с Россией.

Письмо и действия В. Орбана были восприняты в штыки Урсулой фон дер Ляйен, и другими членами руководства ЕС. Послышались голоса, что венгерский пре-

¹ Orbán Viktor privát levelet írt az EU vezetőinek, hogy nyissák újra a diplomáciai kapcsolatokat Oroszországgal. Telex. 16.07.2024. URL: <https://telex.hu/belfold/2024/07/16/orban-viktor-eu-level-oroszorszag-diplomaciai-kapcsolatok> (дата обращения: 01.11.2024).

мьер не получал миротворческих полномочий от ЕС, а его встреча с российским президентом заслуживает осуждения. В кулуарах ЕС начал вызревать заговор с целью игнорировать председательство Венгрии и не ездить на организуемые в рамках венгерской повестки мероприятия в Будапешт. Особенно агрессивно встретили Виктора Орбана в Европарламенте. По сути, ему не дали представить программу председательства, вместо вопросов и прений начав беспрецедентную в истории этого органа ЕС кампанию оскорблений и обвинений. Однако опорой для В. Орбана стала созданная им вместе с чешскими и австрийскими коллегами новая европейская фракция «Патриоты за Европу», в которую удалось привлечь свыше 80 депутатов из 13 стран, входящих в ЕС.

За стенами ЕП по-разному отнеслись к мирной миссии Орбана. Выступая 4 ноября в Вене на организованной газетой *Die Welt* пресс-конференции с бывшим канцлером Германии Г. Шрёдером, лидер ФИДЕС так объяснил свои действия: «мы, венгры, могли бы, как и прошлый раз, просто выполнить набор необходимых для председательства предписаний. Однако ситуация в этот раз во многом чрезвычайная. Потому я попытался сделать что-то соответствующее этой ситуации»¹.

* * *

Премьер-министр Венгрии В. Орбан оказался единственным европейским и центральноевропейским политиком, которому дважды довелось возглавлять страну во время ее председательства в Совете ЕС. Второе председательство показало его возросший опыт, авторитет и укрепившийся бойцовский характер несмотря на агрессивные выпады против его политической позиции со стороны критиков внутри страны и извне. Программа председательства 2024 г. показала преемственность курса Венгрии на политику добрососедства в регионе и миротворчество. Если в первое председательство венгерской дипломатии пришлось усиленно работать над проблемой урегулирования последствий «арабской весны», то в этот раз над разрешением украинского кризиса.

Во второй программе в приоритете Будапешта осталась тема приема в ЕС и в Шенгенскую зону балканских государств. Венгрия за соблюдение очереди на прием в ЕС и правил, неоднократно подчеркивал В. Орбан. Несмотря на многочисленные противоречия с политикой Брюсселя, Венгрия не имеет намерений выходить из ЕС, а, напротив, поставила целью реформировать объединение. Создание новой фракции в Европарламенте «Патриоты за Европу» можно воспринимать как решимость венгерского премьера следовать и дальше курсу на преобразования в ЕС в целях повышения роли национальных парламентов. Из стран Вишеградской группы через два председательства уже прошла Чехия, с января ожидается председательство Польши. Чехия и Венгрия, столкнувшись с международными проблемами,

¹ In geopolitischen Fragen folge ich immer Herrn Schröder. *Die Welt*. 04.11.2024. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus254296334/Gerhard-Schroeder-und-Viktor-Orban-In-geopolitischen-Fragen-folge-ich-immer-Herrn-Schroeder.html> (дата обращения: 04.11.2024).

во многом схожими с теми, с которыми они уже имели дело в первое председательство, продемонстрировали курс на преемственность на основе общих установок внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ведерников М.В. (2016) Об итогах словацкого председательства в Совете ЕС. *Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях*. Под ред. Л.Н. Шишелиной. ИЕ РАН, Москва. С. 70–80.

Ведерников М.В. (2019) Преемственность «Вишеградского курса» в программах председательств Венгрии и Словакии в 2018 г. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 90–97. DOI: 10.15211/vestnikieran120199096

Русакова М.Ю. (2022) Вишеградские страны и Брюссель: спор о европейских ценностях. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*. № 4(16). С. 23–29.

Трофимова О.Е. (2013) Вступление Хорватии в Евросоюз. *ИМЭМО РАН*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vstuplenie-horvatii-v-evrosoyuz> (дата обращения: 01.11.2024).

Шишелина Л.Н. (2011) Венгрия: смена власти в ЕС и в Будапеште. *Современная Европа*. № 2. С. 67–78.

Шишелина Л.Н. (2016) Формирование внешней политики Вишеградской группы на фоне председательств в совете ЕС. *Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях*. Под ред. Л.Н. Шишелиной. ИЕ РАН, Москва. С. 14–38.

Шишелина Л.Н. (2022) Завершилось чешское председательство в Совете ЕС. *РСМД*. 29.12.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-soyuz-sovet-es-chehiya-vishegradskaya-gruppa-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения: 01.11.2024).

Шишелина Л.Н. (2024) Смена президента Венгрии: причины и последствия. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1(37). С. 106–113. DOI: 10.15211/vestnikieran12024106113

A magyar EU-elnökség prioritásai [Priorities of Hungarian presidency], *Kormany.hu*. URL: <https://2010-2014.kormany.hu/download/a/d1/10000/A%20magyar%20EU-elno%20ks%C3%B6ks%C3%A9g%20priorit%C3%A1sai.pdf> (accessed: 01.11.2024).

Dias A.V. (2014) A Critical Analysis of the EU's Response to the Arab Spring and its Implications for EU Security. *ETC*. URL: <https://estudogeral.uc.pt/bitstream/10316/101689/1/A%20Critical%20Analysis%20of%20the%20EUs%20response%20to%20the%20Arab%20Spring.pdf> (accessed: 01.11.2024).

Fekete Dániel, Schmidt Laura. Ed. (2023) *Szakpolitikai elemzések 2022. I. Félév*. Budapest, Ludovika Egyetemi Kiadó. 238 p.

Navracsics Tibor, Tárnok Balázs. Ed. (2024) *A 2024-es magyar EU-elnökség*. Budapest, Ludovika Egyetemi Kiadó. 512 p.

Reinprecht M., Levin H. (2015) Democratization through Public Diplomacy: An Analysis of the European Parliament's Reaction to the Arab Spring. *USC Center on Public Diplomacy*. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u33041/Democratization%20through%20PD.pdf> (accessed: 01.11.2024).

Schmidt Laura, Tárnok Balázs, Tóth Bettina – ed. (2023). *Szakpolitikai elemzések 2022. II. Félév*. Budapest, Ludovika Egyetemi Kiadó. 172 p.

Trócsányi L. (2024). *Hova tovább? Elmélkedések Európáról*. Budapest, L'Harmattan kiadó. 216 p.

Hungary: Two Presidencies of the Council of the EU

L.N. Shishelina

Doctor of Sciences (History)

*Head of Department of Central and Eastern European studies and
Center for Visegrad Studies at Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*

11-3, Mohovaja Str., Russia, Moscow, 125009

E-mail: l.shishelina@gmail.com

Abstract. Comparing Hungary's two presidencies in the Council of the EU in 2011 and 2024, the author comes to the conclusion that a number of priorities identified by Hungary during the first presidency for 13 years have not been properly resolved. This primarily concerns deepening ties with the Balkan states, connecting Bulgaria and Romania to the Schengen area, which was decided closer to her return to the position of chief strategist of the EU Council. Although the policy pursued by Hungary all these years in other statuses has demonstrated enviable consistency. In particular, the Danube Program has performed well over the years, and Croatia has joined the EU. Her experience in dealing with the crisis situation in Arab countries has helped her develop a clear and consistent position on migration and military conflicts in the intervening years. Despite the fact that the elections to the EU parliament were superimposed on the country's second presidency, and then other EU leadership bodies, Budapest began its presidency quite loudly – seriously declaring its peacemaking intentions. Thus, among the priorities of the Hungarian presidency were strengthening the EU's defense capability, increasing its competitiveness, the problem of illegal migration, agricultural policy and several other topics. Orbán explained his trip to Ukraine, Russia, China, Turkey and the United States, which was not coordinated with the EU leadership, with the intention not to sit in the chair, but to act, trying to find solutions to the most acute problems that hinder the development of the European Union.

Keywords: Hungary, Viktor Orbán, European Union, Council of the EU, European Parliament, presidency of the Council of the EU, Donald Trump, Russia, peace mission

DOI: 10.31857/S0201708324070027

REFERENCES

- A magyar EU-elnökség prioritásai [Priorities of Hungarian presidency], *Kormány.hu*. URL: <https://2010-2014.kormany.hu/download/a/d1/10000/A%20magyar%20EU-eln%C3%B6ks%C3%A9g%20priorit%C3%A1sai.pdf> (accessed 01.11.2024). (In Hungarian).
- Dias A.V. (2014) A Critical Analysis of the EU's Response to the Arab Spring and its Implications for EU Security. *ETC*. URL: <https://estudogeral.uc.pt/bitstream/10316/101689/1/A%20Critical%20Analysis%20of%20the%20EUs%20response%20to%20the%20Arab%20Spring.pdf> (accessed: 01.11.2024).
- Fekete Dániel, Schmidt Laura. Ed. (2023) *Szakpolitikai elemzések 2022. I. Félév*. Budapest, Ludovika Egyetemi Kiadó. (In Hungarian).
- Navracsics Tibor, Tárnok Balázs. Ed. (2024) *A 2024-es magyar EU-elnökség*. Budapest, Ludovika Egyetemi Kiadó. (In Hungarian).

Reinprecht M., Levin H. (2015) Democratization through Public Diplomacy: An Analysis of the European Parliament's Reaction to the Arab Spring. *USC Center on Public Diplomacy*. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u33041/Democratization%20through%20PD.pdf> (accessed: 01.11.2024).

Rusakova M.Yu. (2022) Vishegradskie strany i Bryussel': spor o evropeiskikh tsennostyakh [The Visegrad countries and Brussels: a dispute over European values], *Visegrad Europe. Central European Journal*, 4(16), pp. 23–29. (In Russian).

Schmidt Laura, Tárnok Balázs, Tóth Bettina. Ed. (2023) *Szakpolitikai elemzések 2022. II. Félév*. Budapest, Ludovika Egyetemi Kiadó. (In Hungarian).

Shishelina L.N. (2011) Vengriya: smena vlasti v ES I v Budapeshte [Hungary: Change of power in the EU and in Budapest], *Contemporary Europe* (2), pp. 67–78. (In Russian).

Shishelina L.N. (2016) Shaping the Visegrad Group's Foreign Policy in the Context of the EU Council Presidencies, in Shishelina L. (ed.) *Rossiya i Tsentral'naya Evropa v novykh geopoliticheskikh real'nostyakh* [Russia and Central Europe in new geopolitical realities], IE RAS, Moscow, Russia, pp. 14–38. (In Russian).

Shishelina L.N. (2022) *Zavershilos' cheshskoe predsedatel'stvo v Sovete ES* [The Czech Presidency of the EU Council has ended], RIAC. 29.12.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-soyuz-sovet-es-chekhiya-vishegradskaya-gruppa-ukrainskiy-krizis/> (accessed: 01.11.2024). (In Russian).

Shishelina L.N. (2024) Smena prezidenta Vengrii: prichiny i posledstviya [Change of the President of Hungary: Causes and Consequences], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1(37), pp. 106–113. DOI: 10.15211/vestnikieran12024106113 (In Russian).

Trócsányi L. (2024) *Hova tovább? Elmélkedések Európáról*. Budapest, L'Harmattan kiadó. (In Hungarian).

Trofimova O.E. (2013) Vstuplenie Khorvatii v Evrosoyuz [Croatia's accession to the European Union], *MEMO RAS*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vstuplenie-horvatii-v-evrosoyuz> (accessed: 01.11.2024). (In Russian).

Vedernikov M.V. (2016) On the results of the Slovak presidency of the EU Council, in Shishelina L. (ed.) *Rossiya i Tsentral'naya Evropa v novykh geopoliticheskikh real'nostyakh* [Russia and Central Europe in new geopolitical realities], IE RAS, Moscow, Russia, pp. 70–80. (In Russian).

Vedernikov M.V. (2019) Preemstvennost' «Vishegradskogo kursa» v programmakh predsedatel'stv Vengrii i Slovakii v 2018 g. [Continuity of the Visegrad Course in the programmes of the Hungarian and Slovak Presidencies in 2018], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1, pp. 90–97. DOI: 10.15211/vestnikieran120199096 (In Russian).

УДК 327

ДАНИЯ В ПРОЕКТАХ ПРОСТРАНСТВА СВОБОДЫ, БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОСУДИЯ И ОБОРОНЫ ЕС: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ¹

© 2024 БАБЫНИНА Людмила Олеговна

Кандидат политических наук

Отдел исследований европейской интеграции, Центр политической интеграции

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

E-mail: lbabynina@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. Европейский союз представляет собой сложную дифференцированную систему, в которой присутствуют постоянные и временные исключения. Наличие у государств-членов постоянных исключений, закрепленных в договорах, как правило, связано с евроскептическими взглядами значительной части общества. Однако, добившись исключений из общих правил и проектов Союза, такие государства в значительной теряют возможность влиять на принятие решений в будущем. В условиях углубления интеграции и роста наднационального законодательства издержки от наличия исключений возрастают. В статье рассмотрен случай Дании, ее попытки балансировать между имеющимися *opt-out* и желанием быть *opt-in* в сферах юстиции и внутренних дел и обороны. Сделан вывод, что для минимизации ущерба от неучастия в указанных проектах, датские политики используют прагматический подход, перенимая в различной степени и форме нормы и практики ЕС. В чувствительных для общественного мнения и национального суверенитета областях, например в сфере миграции, Дания проводит самостоятельную линию, присоединяясь только к тем проектам, которые лежат в русле ее политики.

Ключевые слова: Европейский союз, дифференцированная интеграция, Дания, юстиция и внутренние дела, ЕПБО, *opt-out*, национальный суверенитет, конвергенция, интеграционная дилемма, Балтийско-Скандинавский макрорегион

DOI: 10.31857/S0201708324070039

¹ Статья выполнена в рамках НИР FMZS-2024-0013 Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона, № госрегистрации 124100100053-9, дата регистрации 01.10.2024.

В наиболее общем смысле дифференцированная интеграция (ДИ) стала институциональным ответом на внутреннюю разнородность Евросоюза [Bickerton, 2019]. Для ее реализации используются гибкие подходы в отношении применения правил ЕС для отдельных государств-членов или групп государств-членов. С точки зрения межправительственного подхода, ДИ может рассматриваться как институциональная конструкция, помогающая преодолеть тупики в межправительственных переговорах, вызванных неоднородностью стран Союза и их государственных предпочтений [Schimmelfennig, 2019].

В рамках дифференцированной интеграции Шиммельфенниг и Винзен выделяют два типа «инструментальный» и «конституционный». В первом случае ДИ связана с процессом расширения, наличием переходных положений и постепенным выполнением новыми государствами-членами требований ЕС. Второй тип обусловлен наличием государств-евроскептиков, которые озабочены проблемами сохранения национального суверенитета и идентичности, выступают против усиления наднационального компонента и добиваются пересмотра основополагающего договора. Часто в таких государствах настроенная более проевропейски элита вынуждена действовать под давлением евроскептической общественности, которая призывает к большей автономии от ЕС. Инструментальная дифференциация достигает пика с каждым расширением ЕС и снижается по мере окончания переходных периодов и присоединения новых членов к таким проектам как Шенген и евро. Конституционная дифференциация, проявления которой стали быстро возрастать с принятием Маастрихтского договора, напротив, имеет долгосрочные последствия [Schimmelfennig & Winzen, 2014]. В других категориях эти два вида дифференцированной интеграции могут быть обозначены как разноскоростная интеграция, когда у государств-членов есть общие цели, к которым они продвигаются по мере выполнения необходимых требований, и изменяемая геометрия, при различных вариантах которой общие цели есть не у всех, но у значительного числа стран Союза [Бабынина, 2012]. Одним из проявлений изменяемой геометрии стала система исключений (*opt-out*), большая часть которых приходилась на три страны Соединенное Королевство, Данию и Ирландию. Исключения, имевшиеся у указанных стран, относятся к категории конституционной дифференциации, поскольку происходят из евроскептических настроений значительной части их населения (это утверждение в меньшей степени относилось к Ирландии), а также зафиксированы в основополагающем договоре как постоянные¹.

Страны, имеющие исключения в различных значимых сферах деятельности ЕС, при достижении интеграцией определенного уровня наднациональности, с одной стороны, получают «иммунитет от нежелательного европейского законодательства» [Wallace, 1997], но с другой стороны, формально теряют возможность участвовать в принятии решений в этих областях. Поэтому они вынуждены решать так

¹ Все три страны получили исключения в сфере юстиции и внутренних дел (оформленные с юридической точки зрения по-разному), Британия и Дания имели право не вводить единую европейскую валюту, у последней были также исключения в сфере обороны.

называемую интеграционную дилемму, выбирая между влиянием и автономией [Kelstrup, 2006]. Государство-член не может одновременно быть автономным от наднационального законодательства и влиять на его принятие. Страны, добившиеся *opt-out* в какой-либо сфере, выбирали меньшее влияние, чтобы сохранить большую автономию [Adler-Nissen, 2009]. Аналогичный подход предпочло Соединенное Королевство при подписании Соглашения о торговле и сотрудничестве с ЕС после брекзита¹.

По мере углубления интеграции и передачи все новых полномочий на наднациональный уровень «стоимость» неучастия может сильно возрасти, поскольку наблюдаются функциональные переливы, которые затрагивают, в том числе, страны имеющие исключения [Migliorati, 2022]. Особенно это ощутимо в рамках юстиции и внутренних дел, поскольку угрозы внутренней безопасности резко усилились. При этом взаимозависимость государств-членов стимулируется процессом интеграции, поскольку каждый шаг интеграции ведет к дополнительному взаимодействию между ними и между ними и институтами ЕС, что, приводит к новому запросу на интеграцию [Schimmelfennig et al, 2015] для более эффективного решения общих проблем. Усиление взаимодействия между акторами ведет, в свою очередь, к усилению конвергенции. Таким образом, политика ЕС все больше влияет на национальную политику, а государства-члены усиливают влияние друг на друга [Gilardi, 2014]. В ответ на функциональное давление, вызванное такой взаимозависимостью, страны ЕС, отказавшиеся от участия в отдельных проектах, вынуждены постепенно принимать правовые и политические инструменты близкие или идентичные существующим в ЕС [Migliorati, 2022]. Таким образом прагматические причины заставляют национальных политиков отступать от формальных правил [Heidbreder, 2013], стремясь приблизить национальное законодательство к нормам ЕС несмотря на существующие исключения или активизировать свое участие в законотворчестве на стадии обсуждения.

После отрицательного результата референдума по Маастрихтскому договору Дания получила исключения («датские оговорки», *opts-out*) в четырех сферах²: гражданство³, юстиция и внутренние дела (ЮВД⁴), оборона и введение единой европейской валюты, что оказало сильное влияние на ее позиционирование внутри Союза. Цель статьи – рассмотреть особенности участия Дании в проектах ЕС в рамках ЮВД и обороны на современном этапе, и то, каким образом государство решает интеграционную дилемму.

¹ Grant C. Ten reflections on a sovereignty-first Brexit. CER, 28 December, 2020. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/insight_CG_28.12.20.pdf (дата обращения: 5.10.2024).

² На основании добавленного к Маастрихтскому договору Эдинбургского компромисса.

³ Формулировка Дании о том, что европейское гражданство не заменяет национальное, а дополняет его, была внесена в основной текст договора. Поэтому фактически исключения действовали в трех оставшихся сферах.

⁴ Часто это понятие используется как эквивалент Пространству свободы, безопасности и правосудия.

Природа датских исключений

Природа датских исключений неоднородна. В рамках Экономического и валютного союза (ЭВС) Дания получила возможность не присоединяться к его третьей стадии: не вводить евро, сохранить национальную валюту и независимость Центрального банка¹. К наднациональному законодательству пространства свободы, безопасности и правосудия (ПСБП) Дания может присоединяться, но только через процедуру заключения двустороннего международного договора с ЕС. Причем, при обновлении законодательства Союза, автоматических изменений в применяемых в Дании нормах не происходит, если это возможно, продолжают действовать те, что прописаны в двустороннем соглашении, если нет, то они отменяются или заключается новое соглашение. В рамках Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) Дания не участвовала «в разработке и осуществлении решений и действий Союза, которые связаны с обороной»², и никаких параллельных соглашений заключать в этой сфере не могла.

Отменить или изменить характер «оговорок» может только сама Дания, причем для проведения изменений необходимо провести всенародное голосование. Согласно ст. 20 Конституции Датского Королевства, в случае передачи части национальных полномочий на наднациональный уровень необходимо, чтобы это одобрили минимум 5/6 членов Фолькетинга. Если такое количество парламентариев не набирается, но есть простое большинство, то необходимо провести референдум³. Для отмены *opt-out* в сфере обороны формально это требование необязательное, поскольку данная область функционирует в ЕС на межправительственной основе и трансфера полномочий не предполагает. Но в Эдинбургском соглашении прописана необходимость проведения референдума для изменения или отмены любых исключений⁴. Датские правительства дважды проводили неудачные референдумы по отмене и изменению «оговорок». В 2000 г. датчане высказались против перехода на евро, а в 2015 отказались изменить процедуру присоединения к проектам в рамках ПСБП. Только референдум 2023 г. по отмене *opt-out* в сфере обороны дал положительный результат.

Юстиция и внутренние дела

Область юстиции и внутренних дел претерпела наиболее впечатляющее развитие в эпоху после Маастрихта [Monar, 2012]. Перевод сотрудничества сначала частично в Амстердамском договоре, а затем полностью в Лиссабонском, в коммуни-

¹ Treaty on European Union (Consolidated version 2016). Protocol (No 16) on certain provisions relating to Denmark. Official Journal C 202 7.6.2016.

² Treaty on European Union (Consolidated version 2016). Protocol (No 22) on the position of Denmark. Official Journal C 202 7.6.2016.

³ Danmarks Riges Grundlov. Af 5 Juni 1953. Par.20.

⁴ Edinburgh-Afgørelsen af 12. december 1992 med de erklæringer. Pkt.3. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/ft/199212K00177> (дата обращения: 5.11.2024).

тарную сферу [Потемкина, 2011] привел к взрывному росту объема наднационального законодательства и повышению уровня взаимозависимости между государствами-членами. Дания, согласно Эдинбургскому компромиссу, в рамках ЮВД может автоматически участвовать только в той части, которая подлежит межправительственному регулированию, но после вступления в силу Лиссабонского договора, таких направлений не осталось. Поэтому объем датских исключений стал глубже и объемнее.

Несмотря на действующие *opt-out*, с 2001 г. Дания входит в шенгенскую зону. Для этого она полностью инкорпорировала в национальное право шенгенское законодательство, в том числе, Шенгенский кодекс о границах и визовый кодекс ЕС. Копенгаген работает в рамках Шенгенской информационной системы и агентства пограничного контроля ЕС *Frontex*¹. Датская полиция направляет своих национальных экспертов для работы Агентства в Варшаве с момента его создания в 2005 г., предоставляет персонал для совместных групп поддержки [Stevnsborg, 2013]. Однако весь комплекс взаимодействия осуществляется в рамках международного права, а не права ЕС. Дания регулярно обновляет шенгенское законодательство, иначе ей могут грозить дисциплинарные меры, вплоть до исключения [Adler-Nissen, 2014].

Дания не участвует в иммиграционной политике (кроме мер по стандартизированному списку стран, гражданам которых требуются и не требуются визы для въезда в ЕС) и политике предоставления убежища ЕС, проводя самостоятельную, более жесткую, чем Евросоюз в целом, линию, и не всегда готова здесь следовать его нормам [Gammeltoft-Hansen, 2017]. Однако Копенгаген присоединился к отдельным законам и проектам. В частности, к Дублинскому регламенту о предоставлении убежища и базе *Eurodac*², Брюссельскому регламенту о гражданской и коммерческой юрисдикции, регламенту о вручении документов. Страна также приняла Римскую конвенцию о коллизионном праве, но не регламент, который заменил ее позже³. Некоторые правила аналогичные европейским были приняты на национальном уровне, например, законы в области приема и квалификации просителей убежища [Kreischauf, 2020], в Уголовный кодекс Дании были внесены поправки для соответствия директиве «О предупреждении и борьбе с торговлей людьми».

В рамках полицейского и уголовного сотрудничества, Дания участвовала во всех проектах, принятых до вступления в силу Лиссабонского договора (Европол, Евроюст, Европейский ордер на арест), поскольку они принимались в рамках межправительственного сотрудничества. Все правила, принятые после 2009 г., автоматически не применяются к Дании.

Отсутствие автоматизма в обновлении законодательства и необходимость заключать новые межправительственные соглашения поставило Данию в сложное

¹ Актуальное название – Агентство пограничной и береговой охраны.

² Council Decision 2006/188/EC. Official Journal. 2006. L 66.

³ Peers S. Denmark and EU Justice and Home Affairs Law: Really Opting Back In? 2014. URL: <https://eulawanalysis.blogspot.com/2014/10/denmark-and-eu-justice-and-home-affairs.html> (дата обращения: 5.11.2024).

положение, когда на фоне миграционного кризиса в 2016 г. ЕС принял новый регламент о Европоле¹, расширив его полномочия, а позже обновил формат работы Евроюста. Таким образом, Дания утратила членство в обоих агентствах.

Чтобы сохранить сотрудничество с полицейскими агентствами ЕС датское правительство решило провести референдум в декабре 2015 г. с целью изменить формулировку *opt-out* в сфере юстиции и внутренних дел, сделав ее похожей на существовавшие исключения у Британии. Идея состояла в том, чтобы страна могла по своему выбору присоединяться к отдельным законам в рамках права ЕС, в таком случае на нее распространялись бы все требования принятого закона и юрисдикция Суда ЕС. В случае удачного исхода датское правительство предполагало присоединиться к целому списку законодательных актов Евросоюза². Однако на референдуме 53,11% голосовавших выступили против изменений. Эмоциональные призывы сохранить национальный суверенитет, с которыми выступала Датская народная партия, оказались сильнее прагматических аргументов о необходимости и преимуществах взаимодействия³.

Чтобы не утратить доступ к полицейскому сотрудничеству датское правительство в очередной раз пошло по пути заключения специального соглашения с Европолом⁴, по своему юридическому статусу оно отличалось от межправительственных соглашений, заключавшихся ранее с ЕС. Дания потеряла возможность прямого поиска в базах данных Европола, но может назначать до восьми сотрудников, говорящих на датском языке, для обработки своих запросов. Дании был предоставлен статус наблюдателя в совете Европола без права голоса, датские офицеры связи представлены в Агентстве, а офицеры Европола, в свою очередь, в Копенгагене. В целом, при отсутствии формального членства Дания получила достаточно либеральный доступ к данным Европола и режим взаимодействия с ним [Curtin, 2018]. Аналогичное соглашение было достигнуто с Евроюстом в 2019 г. В 2021 г. после очередной реформы Европола [Потемкина, 2021] соглашение продолжило свое действие⁵.

¹ Regulation (EU) 2016/794. Official Journal. 2016. L135.

² Peers S. Denmark and EU Justice and Home Affairs Law: Really Opting Back In? URL: <https://eulawanalysis.blogspot.com/2014/10/denmark-and-eu-justice-and-home-affairs.html> (дата обращения 5.11.2024).

³ Sørensen C. To be in, or to be out: Reflections on the Danish referendum. CEPS, 2015. URL: https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2015/12/Danish%20Referendum_0.pdf (дата обращения 5.11.2024).

⁴ Agreement on operation and strategic cooperation between the Kingdom of Denmark and European Police Office. https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/operational_agreement_europol_denmark.pdf (дата обращения 5.11.2024).

⁵ Report from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels, 23.2.2021 SWD(2021) 22 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=SWD:2021:0022:FIN:EN:PDF> (дата обращения 5.11.2024)

Таким образом, не имея возможности полноценно участвовать в общем сотрудничестве в рамках ЮВД, датские официальные лица старались гармонизировать национальное право с правом ЕС через заключение межправительственных соглашений по наиболее важным проектам, «копирование» права ЕС на национальном уровне или сотрудничество с полицейскими агентствами Союза [Adler-Nissen, 2014]. В результате исследователи отмечают возрастающую дивергенцию между исключениями и правовыми последствиями, прописанными в договоре, и практикой их реализации [Migliorati, 2022].

Политика предоставления убежища ЕС не распространяется на Данию, она не принимала участия в переговорах по новому Пакту о миграции и убежище¹, принятого весной 2024 г., и не подпадает под его действие. Но, поскольку страна ранее присоединилась к Дублинскому регламенту посредством межправительственного параллельного соглашения, датское правительство должно будет принять изменения, которые Пакт влечет за собой в этой области. Уже решено, что Дания присоединится к следующим частям Пакта: дактилоскопической информационной базе *Eurodac*, регламенту об управлении убежищем и миграцией, заменяющему регламент Дублин III, регламенту о кризисных и форс-мажорных ситуациях. Кроме того, в связи с участием в шенгенском сотрудничестве, Дания скорее всего примет директиву о возвращении и регламент скрининга (система проверок на внешних границах). Маловероятно, что Дания присоединится к механизму солидарности. Кроме того, датские власти разрабатывают национальный план по реализации положений Пакта ЕС, который должен быть завершен в декабре 2024 года. В нем могут расширить уже существующий механизм проверок без возможности апелляции и перевести большее число стран в разряд «безопасных», что облегчает процедуру отказа просителям убежища².

В датском законодательстве уже существовали нормы, сходные с положениями нового Пакта. В июне 2021 г. датский парламент изменил Закон об иностранцах, разрешив переводить просителей убежища в страну за пределами ЕС. Прецедентов таких переводов еще не было, так как не подписано обязывающее соглашение с какой-либо третьей страной. После принятия Пакта на уровне ЕС Дания вместе с другими государствами-членами ЕС намерена создать центр приема для просителей убежища за пределами Европы. В датском законе об иммиграции существует норма, согласно которой проситель убежища может быть задержан на основании опасений, что он скроется до вынесения решения. Это положение стало наиболее распространенной причиной размещения просителей убежища в Эллебэке (закрытом центре содержания под стражей для просителей убежища в Дании)³. Анало-

¹ Тексты законов опубликованы в: Official Journal L series daily view. 22 May 2024. URL: <https://eur-lex.europa.eu/oj/daily-view/L-series/default.html?&ojDate=22052024> (дата обращения: 5.11.2024).

² The new EU pact on migration and asylum: how does it affect Denmark? URL: <https://refugees.dk/en/focus/2024/february/the-new-eu-pact-on-migration-and-asylum-how-does-it-affect-denmark/> (дата обращения: 5.11.2024).

³ Danish Refugee Council. URL: <https://asyl.drc.ngo/en/> (дата обращения: 5.11.2024).

гичные правила теперь прописаны в регламенте о кризисных и форс-мажорных ситуациях в области миграции и убежища ЕС.

Дания активно сотрудничает с другими странами ЕС в разработке новых, более жестких правил в отношении просителей убежища и депортации не получивших этот статус. В мае 2024 г. группа из 15 государств-членов во главе с Данией выступила с совместным призывом усилить работу по аутсорсингу миграционной политики и предотвращению прибытия мигрантов на границы ЕС, для чего нужно стимулировать страны, не входящие в ЕС, расположенные вдоль миграционных маршрутов, принимать «большое количество» беженцев. В октябре 2024 г. Дания была среди 17 стран, которые призвали к пересмотру Директивы о возвращении и привлечении к ответственности тех, кто не имеет права находиться на территории Евросоюза и стран шенгенской зоны.

Таким образом гармонизация датского законодательства в рамках политики предоставления убежища в настоящее время активно реализуется, что подтверждает тезис о росте взаимозависимости государств-членов между собой и с институтами ЕС при углублении интеграции и расширении наднациональных полномочий.

Политика безопасности и обороны

Дания придерживается позиций атлантизма во внешней политике, до недавнего времени выступала строгим сторонником обеспечения военной безопасности в Европе через структуры НАТО и весьма скептически относилась к перспективам развития военного и оборонного сотрудничества в рамках Евросоюза. Этим было обусловлено наличие исключения в сфере обороны, прописанное в Эдинбургском компромиссе. В рамках Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) исключения для Дании относились к тем решениям и действиям, которые подпадали под действие статей 42 и 43-46 основополагающего Договора. Соответственно, Копенгаген не участвовал в реализации оборонной политики ЕС, но обязался «не препятствовать другим государствам-членам в дальнейшем развитии их сотрудничества в этой области». Согласно положениям Протокола, Дания не финансировала операционные расходы в сфере обороны, не предоставляла военный потенциал Союзу и не голосовала по вопросам, подпадающим под статьи 42 и 43-46¹. Таким образом, единогласным в Совете ЕС считалось решение, принятое без ее участия.

После саммита в Сен-Мало в 1998 г. сотрудничество в рамках Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) стало развиваться достаточно быстрыми темпами, и Дания формально оказалась за его пределами. Копенгаген не принимал участия в военных операциях ЕС и их финансировании, в работе Европейского оборонного агентства (ЕАО) и Европейского центра спутниковой навигации,

¹ Treaty on European Union (Consolidated version 2016). Protocol (No 22) on the position of Denmark. Art.5. Official Journal C 202 7.6.2016.

в любых проектах постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*). Датские военные не входили в состав боевых групп ЕС и, в частности, в *Nordic Battle-group*, образованную северными странами.

В тоже время датские власти, в частности Министерство иностранных дел, активно сотрудничали со структурами ЕС в рамках ОПБО и ЕПБО. Датские должностные лица участвовали в общем планировании ЕПБО и дискуссиях в Совете по данным вопросам, но воздерживались от оперативной деятельности. Датские государственные служащие входили в состав 30 рабочих групп в Брюсселе, в рамках ОПБО, включая все группы, занимающиеся вопросами обороны, за исключением Европейского оборонного агентства. Также как и в проектах ЮВД датские госслужащие стремились играть конструктивную роль в обсуждении вопросов в области ОПБО [Olsen, 2011].

Кроме того, Дания и датские компании с успехом участвовали в развитии оборонного потенциала Союза, если проекты формально находились за рамками ОПБО. Возможность участия или неучастия в каждом конкретном случае определялась специальными представителями Дании и Юридической службы Совета ЕС. При наличии разногласий решение принимал Суд ЕС, который обычно трактовал исключения в самом узком смысле¹. Датские чиновники активно продвигали вопросы, связанные с гражданскими компонентами ЕПБО, и разрабатывали концепции гражданских операций в рамках ЕПБО [Jakobsen, 2009], датские офицеры и специалисты участвовали в гражданских миссиях ЕС. Дания представлена в ряде инициатив военного взаимодействия, которые были учреждены европейскими государствами на межгосударственной основе вне рамок основополагающего Договора².

После неудачного референдума 2015 г. дискуссии о возможной отмене «оговорки» в оборонной сфере не были особенной актуальны, тем более что общественное мнение Дании было скептически настроено к изменениям. Однако ситуация изменилась после 24 февраля 2022 г. На фоне событий вокруг Украины в марте 2022 г. премьер-министр Дании Метте Фредериксен объявила, что с согласия большинства партий в Фолькетинге, на 1 июня назначен референдум об отмене исключений в области оборонной политики ЕС³. Результаты голосования совпали с ожиданиями политиков: 66,9% высказались за отмену, 33,1% проголосовали против⁴. С 1 июля 2022 г. Дания официально присоединилась к сотрудничеству ЕС в

¹ Подробнее см.: European defense cooperation and the Danish defense opt-out. DIIS, 2020. URL:

https://pure.diis.dk/ws/files/3400436/European_defence_cooperation_and_the_Danish_defence_opt_out_diis_april_2020.pdf (дата обращения: 5.11.2024).

² E12, JEF, FNC, NORDEFECO.

³ Подробнее о референдуме см.: Бабынина Л.О. (2022) Референдум об отмене исключений в сфере обороны ЕС в Дании. Аналитические записки Института Европы РАН. (Выпуск II) №19. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21920227379>

⁴ Indenrigs- og Boligministeriet. Sådan forløb folkeafstemningen den 1. Juni. URL: <https://im.dk/nyheder/nyhedsarkiv/2022/jun/saadan-forloeb-folkeafstemningen-den-1-juni> (дата обращения: 5.11.2024).

сфере обороны и безопасности, в марте 2023 г. – к работе Европейского оборонного агентства, а в мае 2023 г. – к *PESCO*¹, ликвидировав таким образом действовавшие 30 лет исключения. В период председательства Дании не придется теперь передавать председательство в Совете при обсуждении вопросов, связанных с обороной. Успешная отмена исключений в сфере обороны обусловлена в первую очередь внешними факторами и консенсусом между элитами и населением в данном вопросе в данный период времени.

Немного политики

Выход Соединенного Королевства из ЕС лишил Данию постоянного союзника на переговорах внутри Евросоюза. Однако уже в 2020 г. Дания нашла единомышленников и вошла в состав так называемой «бережливой четверки» (Дания, Нидерланды, Швеция и Австрия), которая представила консолидированную позицию при обсуждении финансовых рамок на 2021–2027 гг. В ходе переговоров «бережливая четверка» в сотрудничестве с Финляндией добилась более низкого общего бюджета ЕС, скидок для себя от взносов и изменила распределение между кредитами и грантами в фонде восстановления.

Датчане, сохраняя определенную настороженность в отношении передачи новых полномочий на наднациональный уровень, тем не менее рассматривают ЕС как положительный фактор в развитии страны. Опросы Евробарометра подтверждают, что в последние десять лет большинство датчан считают, что Дания выигрывает от членства в ЕС (в последние годы эта доля превышала 80 процентов)².

Однако позитивный настрой в отношении ЕС и отмена исключений в области обороны не означают, что за этим последуют отмены двух других «оговорок». Даже в специфических внешних условиях 2022 г. 33% пришедших на референдум высказались против отмены ограничений в сфере обороны. Поэтому положительный результат референдума не следует рассматривать как признак более широкого сдвига в политике Дании в отношении ЕС³. Известный евроскептицизм датчан связан с желанием значительной части общества сохранить национальный суверенитет, что ярко показали дискуссии перед референдумами и полевые исследования экспертов⁴. В тоже время экономические выгоды от участия в ЕС очевидны для маленькой страны.

¹ Council Decision (CFSP) 2023/1015 of 23 May 2023. Official Journal L 136.

² См., например, национальный профиль Дании в Standard Eurobarometer 102 - Autumn 2024. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3215> (дата обращения: 5.11.2024).

³ Friis L. & Schacke-Barfoed I.T. Denmark's Zeitenwende. ECFR. URL: <https://ecfr.eu/article/denmarks-zeitenwende/> (дата обращения: 5.11.2024).

⁴ Sørensen C. Evidence from Denmark: How attitudes toward sovereignty affect support for the EU. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/euoppblog/2018/04/03/evidence-from-denmark-how-attitudes-toward-sovereignty-affect-support-for-the-eu/> (дата обращения: 5.11.2024).

* * *

Государства-члены, добившиеся исключений из общих правил Евросоюза, делают выбор в пользу большей автономии в рамках ЕС и видимости сохранения национального суверенитета. Но, как правило, они нацелены на поддержание прагматического сотрудничества, поэтому вынуждены искать баланс между отказом от участия и конвергенцией. По мере углубления интеграции и роста наднационального компонента издержки от неучастия в общих проектах ЕС возрастают, в том числе, из-за усиливающейся взаимозависимости государств-членов.

Обладая значительным набором исключений, Дания постоянно сталкивается необходимостью решать «интеграционную дилемму». В таких условиях датские официальные лица проводят прагматичную политику, направленную на минимизацию издержек от наличия исключений. Для этого существует несколько подходов. Во-первых, они стремятся влиять на повседневную работу органов ЕС и доносить свою позицию на стадии обсуждения будущих решений. Во-вторых, активно проводят политику конвергенции, либо через заключение параллельных межправительственных соглашений, либо максимально копируя законодательство ЕС на национальном уровне. В-третьих, там, где невозможны первые два подхода, как это было в области обороны, используют возможности сотрудничества в сопредельных сферах.

Наряду с этим Дания активно проводит собственную политику там, где считает это необходимым, например, в рамках чувствительной для общественного мнения иммиграционной политики, перенимая только самые рестриктивные практики ЕС, отвечающие жесткой национальной линии. Это актуально для реализации нового Пакта о миграции и убежище.

Проевропейски настроенная элита Дании, возможно, хотела бы полностью отменить «оговорки», но вынуждена учитывать трепетное отношение к национальному суверенитету значительной части населения, а также влияние евроскептической Датской народной партии. Поэтому баланс между эмоциями и прагматизмом будет сохраняться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабынина Л.О. (2012) *Гибкая интеграция в Европейском союзе: теория и практика применения*. Издательство ЛКИ, Москва. 304 стр.

Потемкина О.Ю. (2011) *Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского союза*. Гриф и К, Москва. 368 стр.

Потемкина О.Ю. (2021) Новый мандат Европола: между безопасностью и свободами граждан. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 7–14. DOI: 10.15211/vestnikieran62021714

Adler-Nissen R. (2009) Behind the scenes of differentiated integration: circumventing national opt-outs in Justice and Home Affairs, *Journal of European Public Policy*. No. 16:1. P. 62–80. DOI: 10.1080/13501760802453239

Adler-Nissen, R. (2014). Justice and home affairs: Denmark as an active differential European. In L. Miles & A. Wivel (Eds.), *Denmark and the European Union*. Routledge. P. 65–79.

Bickerton C. (2019) The limits of differentiation: capitalist diversity and labour mobility as drivers of Brexit. *Comparative European Politics*. Vol. 17. P. 231–245. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41295-019-00160-x>

Curtin, D. (2018). The ties that bind: Securing information-sharing after Brexit. In B. Martill & U. Staiger (Eds.), *Brexit and beyond, rethinking the futures of Europe*. P. 148–155. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt20krxf8.22?seq=4>

Gammeltoft-Hansen, T. (2017). Refugee policy as “negative nation branding”: The case of Denmark and the Nordics. In F. Kristian & H. Mouritzen (Eds.), *Foreign Policy Yearbook*. P. 97–119. DIIS.

Gilardi F. (2014). Methods for the analysis of policy interdependence. In I. Engeli & C. R. Allison (Eds.), *Comparative policy studies: Conceptual and methodological challenges*, Research Methods Series. Palgrave Macmillan UK. P. 185–204.

Heidbreder E. G. (2013). European Union governance in the shadow of contradicting ideas: the decoupling of policy ideas and policy instruments. *European Political Science Review*. No. 5. P. 133–150. DOI:10.1017/S1755773912000069

Jakobsen P.V. (2009) Small States, Big Influence: The Overlooked Nordic Influence on the Civilian ESDP. *Journal of Common Market Studies*. 2009. Vol. 47. No. 1. P. 81–102. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2008.01833.x>

Kelstrup M. (2006) ‘Denmark in the process of European integration: dilemmas, problems and perspectives’, in J.L. Cambell, J.A. Hall and O.K. Pedersen (eds), *National Identity and the Varieties of Capitalism: The Danish Experience*, Montreal: McGill-Queen’s University Press.

Kreichauf R. (2020). Legal paradigm shifts and their impacts on the socio-spatial exclusion of asylum seekers in Denmark. In B. Glorius & J. Doornik (Eds.), *Geographies of asylum in Europe and the role of European localities* (pp. 45–67). Springer International Publishing. DOI: https://doi.org/https://doi.org/10.1007/978-3-030-25666-1_3

Migliorati M. (2022) Postfunctional differentiation, functional reintegration: the Danish case in Justice and Home Affairs. *Journal of European Public Policy*. Vol. 29. Iss. 7. P. 1112–1134. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1921831>

Monar, J. (2012). Justice and Home Affairs: The treaty of Maastricht as a decisive intergovernmental gate opener. *Journal of European Integration*. No. 34(7). P. 717–734. <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/07036337.2012.726011>(open in a new window)

Olsen, G. R. (2011). How Strong Is Europeanisation, Really? The Danish Defence Administration and the Opt-Out from the European Security and Defence Policy. *Perspectives on European Politics and Society*. No. 12(1). P. 13–28. DOI: <https://doi.org/10.1080/15705854.2011.546141>

Schimmelfennig, F. (2019). The choice for differentiated Europe: An intergovernmentalist theoretical framework. *Comparative European Politics*. No. 17(2). P. 176–191. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.1057/s41295-019-00166-5>

Schimmelfennig F. & Winzen T. (2014) Instrumental and Constitutional Differentiation in the European Union JCMS 2014. Vol. 52. No. 2. P. 354–370. DOI: 10.1111/jcms.12103

Schimmelfennig, F., Leuffen, D., & Rittberger, B. (2015). The European Union as a system of differentiated integration: Interdependence, politicization and differentiation. *Journal of European Public Policy*. No. 22(6). P. 764–782. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1020835>

Stevnsborg, H. (2013). Frontex and Denmark. *Journal of Police Studies/Cahiers Politiques*. Iss. 2. DOI: 10.5553/EJPS/2034760X2013001002004

Wallace, H. (1997) At odds with Europe. *Political Studies*. Vol. 4, Iss. 4. P. 677–688. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00104>

Denmark in the EU Justice and Home Affairs and Defense Projects: Opportunities and Limitations

L.O. Babynina

Candidate of Sciences (Politics),

Department of European Integration Studies

Head of the Center for Political Integration Studies, Institute of Europe

Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: lbabynina@yandex.ru

Abstract. The European Union is a complex differentiated system, which includes permanent and temporary exceptions. The existence of permanent treaty-based exceptions for member states is usually linked to the Eurosceptic views of a significant part of the society. However, having achieved exemptions from the EU's common rules and projects, such states largely lose the opportunity to influence on decision-making in the future. With deepening integration and the growth of supranational legislation, the costs of having exceptions increase. The article considers the case of Denmark and its attempts to balance between having opt-outs and wanting to be opt-in in the areas of Justice and Home Affairs and defence. It is concluded that in order to minimize the damage caused by non-participation in these projects, Danish politicians have taken a pragmatic approach, adopting to varying degrees and forms the norms and practices of the European Union. However, in areas that are sensitive to public opinion and national sovereignty, such as migration, Denmark takes an independent line, joining only those projects that are in line with its policy.

Keywords: European Union, differentiated integration, Denmark, Justice and Home Affairs, ESDP, opt-out, national sovereignty, convergence, integration dilemma, Baltic-Scandinavian macroregion

DOI: 10.31857/S0201708324070039

REFERENCES

- Adler-Nissen R. (2009) Behind the scenes of differentiated integration: circumventing national opt-outs in Justice and Home Affairs, *Journal of European Public Policy*, 16:1, pp. 62–80, DOI: 10.1080/13501760802453239
- Adler-Nissen, R. (2014). Justice and home affairs: Denmark as an active differential European. In L. Miles & A. Wivel (Eds.), *Denmark and the European Union*. Routledge, pp. 65–79.
- Babynina L.O. (2012) Gибкая integraciya v Evropejskom soyuze: teoriya i praktika primeneniya [Flexible integration in the European Union: theory and practice]. Moscow: LKI. (In Russian).
- Bickerton C. (2019) The limits of differentiation: capitalist diversity and labour mobility as drivers of Brexit. *Comparative European Politics*, 17, pp. 231–245. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41295-019-00160-x>
- Curtin, D. (2018). The ties that bind: Securing information-sharing after Brexit. In B. Martill & U. Staiger (Eds.), *Brexit and beyond, rethinking the futures of Europe*, pp. 148–155. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt20krxf8.22?seq=4>
- Gammeltoft-Hansen, T. (2017). Refugee policy as “negative nation branding”: The case of Denmark and the Nordics. In F. Kristian & H. Mouritzen (Eds.), *Foreign Policy Yearbook*, pp. 97–119. DIIS.

Gilardi F. (2014). Methods for the analysis of policy interdependence. In I. Engeli & C. R. Allison (Eds.), *Comparative policy studies: Conceptual and methodological challenges*, Research Methods Series. Palgrave Macmillan UK, pp. 185–204.

Heidbreder E. G. (2013). European Union governance in the shadow of contradicting ideas: the decoupling of policy ideas and policy instruments. *European Political Science Review*, 5, pp. 133–150. DOI:10.1017/S1755773912000069

Jakobsen P.V. (2009) Small States, Big Influence: The Overlooked Nordic Influence on the Civilian ESDP. *Journal of Common Market Studies*. 2009, 47(1), pp. 81–102. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2008.01833.x>

Kelstrup M. (2006) 'Denmark in the process of European integration: dilemmas, problems and perspectives', in J.L. Cambell, J.A. Hall and O.K. Pedersen (eds), *National Identity and the Varieties of Capitalism: The Danish Experience*, Montreal: McGill-Queen's University Press.

Kreichauf R. (2020). Legal paradigm shifts and their impacts on the socio-spatial exclusion of asylum seekers in Denmark. In B. Glorius & J. Doomernik (Eds.), *Geographies of asylum in Europe and the role of European localities* (pp. 45–67). Springer International Publishing. DOI: https://doi.org/https://doi.org/10.1007/978-3-030-25666-1_3

Migliorati M. (2022) Postfunctional differentiation, functional reintegration: the Danish case in Justice and Home Affairs. *Journal of European Public Policy*, 29(7), pp. 1112–1134. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1921831>

Monar, J. (2012). Justice and Home Affairs: The treaty of Maastricht as a decisive intergovernmental gate opener. *Journal of European Integration*, 34(7), pp. 717–734. <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/07036337.2012.726011>

Olsen, G. R. (2011). How Strong Is Europeanisation, Really? The Danish Defence Administration and the Opt-Out from the European Security and Defence Policy. *Perspectives on European Politics and Society*, 12(1), pp. 13–28. DOI: <https://doi.org/10.1080/15705854.2011.546141>

Potemkina, O.Yu. (2011). *Prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravosudiya Evropejskogo soyuza* [The European Union's Common Spease of Freedom, Security and Justice]. Moscow. Grif&K. (In Russian).

Potemkina, O.Yu. (2021). Novyj mandat Evropola: mezhdubezopasnost'yu i svobodami grazhdan [Europol's New Mandate: between security and civil freedoms]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 24(6), pp. 7–14. (In Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran62021714 (in Russian).

Schimmelfennig, F. (2019). The choice for differentiated Europe: An intergovernmentalist theoretical framework. *Comparative European Politics*, 17(2), pp. 176–191. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.1057/s41295-019-00166-5>

Schimmelfennig F. & Winzen T. (2014) Instrumental and Constitutional Differentiation in the European Union *JCMS* 2014, 52(2), pp. 354–370. DOI: 10.1111/jcms.12103

Schimmelfennig, F., Leuffen, D., & Rittberger, B. (2015). The European Union as a system of differentiated integration: Interdependence, politicization and differentiation. *Journal of European Public Policy*, 22(6), pp. 764–782. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1020835>

Stevnsborg, H. (2013). Frontex and Denmark. *Journal of Police Studies/Cahiers Politiques-tudies*, 2. DOI: 10.5553/EJPS/2034760X2013001002004

Wallace, H. (1997) At odds with Europe. *Political Studies*, 4(4), pp. 677–688. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00104>

УДК 323-053.66/81-052 (075)

«ПРОГРЕССИВНЫЙ РЕАЛИЗМ»: МЕЖДУ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬЮ И ПЕРЕМЕНАМИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БРИТАНИИ

© 2024 ГОДОВАНЮК Кира Анатольевна

Кандидат политических наук

Отдел страновых исследований, Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

Поступила в редакцию 18.10.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В статье проанализированы контуры внешнеполитического курса лейбористского правительства К. Стармера в условиях стратегических дилемм. На основе теории изменений в анализе внешней политики изучены попытки лейбористского Кабинета сформулировать идеологическую рамку. При этом стимулы внешней среды (фрагментация и появление новых глобальных центров силы), внутренние факторы (наследие брекзитеров, межпартийный консенсус по ключевым направлениям внешней политики, общественное мнение), а также прежние цели внешней политики оставляют лейбористам небольшое поле для маневра. Во внешнеполитическом планировании правительство, с одной стороны, отталкивается от практических наработок оппонентов-тори в духе неолиберализма, с другой – лавирует между реализмом и идеализмом предыдущих лейбористских правительств. Концептуальной основой Кабинета К. Стармера стал «прогрессивный реализм». Главная новелла подхода – попытки институционализировать диалог с Брюсселем, а также укрепить связи со странами глобального Юга на фоне отказа от риторики о «Глобальной Британии». НАТО-центризм как базовый параметр внешней политики остается неизменным и диктует логику отношений с основными центрами силы в треугольнике Вашингтон – Брюссель – Пекин, что соответствует подходу предыдущих консервативных правительств. В статье представлен анализ первых внешнеполитических шагов лейбористов на евроатлантическом и индо-тихоокеанском направлениях. Попытки Лондона построить имидж ответственного игрока, который дистанцируется от постколониальных практик, руководствуется правами человека и «моральным лидерством» фундаментально не меняют внешнеполитическую линию. Бескомпромиссная позиция по Украине на фоне зависимости от фактора США подтверждает противоречивый характер концепции лейбористов, которая может быть скорректирована с приходом новой администрации Белого дома.

Ключевые слова: «прогрессивный реализм», внешняя политика, Британия, российско-британские отношения, США, ЕС, Украина, Китай, глобальный Юг, изменения

DOI: 10.31857/S0201708324070040

Стратегическое планирование Лондона после выхода из ЕС исходило из нескольких допущений. С одной стороны, его определяли отсылки к самостоятельной внешней политике, необходимости отделиться от Евросоюза и достичь значимой роли на международной арене в том числе через особую идентичность [Hadfield, Whitman, 2023; Martill, Mesarovich, 2024]. С другой – важнейшим стимулом для выработки внешнеполитического курса стали изменения международной среды и связанные с этим высокие риски проиграть конкуренцию с новыми центрами силы [Martill, Rogstad, 2024]. Сторонники выхода из ЕС пытались разрешить дилеммы внешнеполитического планирования через дискурсивную конструкцию «Глобальная Британия» [Parnell, 2022]. Однако концептуальный подход идеологических сторонников выхода из ЕС уже к 2023 г. фактически был признан несостоятельным. Во-первых, негативные коннотации внешнеполитической линии брекзитеров с «постимперской ностальгией» ограничивали диалог с партнерами вне ЕС¹. Во-вторых, продолжались дискуссии относительно того, что нормативное противопоставление Евросоюзу должно проходить в русле отдаления от Брюсселя как актора международных отношений².

Для Лейбористской партии, которая с 2010 г. находилась в оппозиции, последние всеобщие выборы стали импульсом к обновлению внешнеполитической идеологии. Исходя из политической традиции [Vickers, 2011], наследие консерваторов стало отправной точкой для стратегического планирования лейбористов. В период предвыборной кампании оппозиция подчеркивала, что отойдет от нереалистичных и завышенных ожиданий брекзитеров и продолжит искать возможности для качественных изменений.

В науке о международных отношениях принято считать, что внешнеполитический курс регулярно подвергается незначительным корректировкам, поэтому ученые предлагают анализировать наиболее значимые изменения во внешней политике. Исследователь Ч. Херманн предложил комплексную типологию изменений на основе степени воздействия на внешнеполитический курс страны и соотношения целей и методов во внешней политике [Hermann, 1990]. Первый тип предполагает количественные изменения на отдельных направлениях, например в динамике политического диалога или реформах системы принятия решений, что не меняет цели или методы внешнеполитического курса. Второй – учитывает изменения внешнеполитической программы, что включает корректировку методов, но не целей внешней политики. Третий – обусловлен изменениями целей внешней политики. Четвертый тип охватывает переоценку подхода к мирополитическим процессам, что проявляется в фундаментальном изменении внешнеполитического курса.

¹ См. подробнее [Громыко, 2023: 89].

² См. подробнее [Haugevik, Svendsen, 2023; Ананьева, Охошин, 2023].

Цель статьи – анализ основных параметров внешнеполитического курса Кабинета К. Стармера на основе заявлений официальных лиц, а также отдельных внешнеполитических шагов правительства. Компаративистский метод позволяет оценить степень качественных изменений или корректировок внешней политики на различных уровнях [Potter, 2017].

Теоретические интерпретации и отправные точки внешнеполитического планирования

Победа лейбористов на всеобщих выборах в июле 2024 г. обусловлена низкой популярностью правительства консерваторов и запросом общества на перемены [Ананьева, 2024]. Однако вопреки заявлениям о значительных отличиях программы оппозиционной партии от линии правящей Консервативной партии, именно идеологическое сходство еще на этапе предвыборной гонки вызвало образное сравнение лейбористов с «диетическими тори»¹. Оппозиция не предполагала фундаментальный пересмотр внешнеполитического курса, руководствуясь прежними интересами и целями на международной арене, что было обусловлено рядом внутривнутриполитических и внешнеполитических предпосылок.

Важнейшие факторы, которые влияют на планирование внешней политики, – отношение политических элит и общественности к новому статусу Лондона вне ЕС², а также осложнение военно-политической ситуации в Европе, связанной с конфликтом на Украине. Партии мейнстрима согласились с брекзитом, однако модальность диалога с Евросоюзом в сфере внешней политики и безопасности остается предметом дискуссий. Консенсусное мнение истеблишмента и общества состоит в том, что политика на украинском направлении (с императивом «Путин должен проиграть») позволила правительству сформулировать стратегическую цель в эпоху постбрекзита и позиционировать страну в качестве лидера коллективного Запада [Алешин, 2023]. Согласно опросам, 58% респондентов считали, что брекзит повредил репутации Британии; в то же время 62% признали, что именно поддержка киевского режима помогла укрепить статус Лондона³.

Другим значимым параметром для стратегического планирования сменявших друг друга консервативных кабинетов выступало состояние международной среды [McDonald, 2023]. В обновленном Обзоре национальной безопасности 2023 г. подчеркнут переход мировой политики к состоянию полицентричности, что для Лондона означает фрагментацию и волатильность с высокими рисками. В действующей

¹ Smith M. Are the Labour and Conservative parties and their policies similar or different? YouGov. 19.02.2024. URL: <https://yougov.co.uk/politics/articles/48688-are-the-labour-and-conservative-parties-and-their-policies-similar-or-different> (дата обращения: 15.09.2024).

² Gaughan C., Oliver T., Denham J. How people voted in the Brexit referendum still shapes their view of the world. UK in a Changing Europe. 08.11.2024. URL: <https://ukandeu.ac.uk/how-people-voted-in-the-brexit-referendum-still-shapes-their-view-of-the-world/> (дата обращения: 07.09.2024).

³ Aspinall E., Keogh E. UK Public Opinion on Foreign Policy and Global Affairs Annual Survey – 2023. The British Foreign Policy Group. 2023. URL: <https://bfp.g.wpenginpowered.com/wp-content/uploads/2023/07/BFPG-UK-Opinion-Report-July-2023.pdf> (дата обращения: 07.09.2024).

щем доктринальном документе предыдущее правительство сформулировало «стратегическую установку до 2025 г. способствовать формированию открытого и стабильного мирового порядка»¹. В евроатлантическом регионе воздействие на формирование подсистемы международных отношений, по замыслу тори, должно быть максимальным. Поворот в Индо-Тихоокеанский регион в большей степени предполагал адаптацию к региональной системе. Третьим приоритетным направлением объявлено «широкое соседство» (wider neighbourhood) в Африке, Латинской Америке, Арктике и Антарктике, где консерваторы стремились строить долгосрочные партнерства в рамках доктрины «терпеливой дипломатии», нацеленной на длительные союзы со странами периферии.

Признавая, что Лондон проигрывает в глобальной конкуренции, лейбористы провозгласили главной целью исправление ущерба, нанесенного брекзитерами репутации страны. На тот момент теневой министр иностранных дел Д. Лэмми скомбинировал реалистскую внешнюю политику послевоенного правительства К. Эттли и этическую внешнюю политику правительства Т. Блэра, сформулировав свое прочтение концепции «прогрессивного реализма»². В программной статье Д. Лэмми отмечено, что «в духе Э. Бевина³ внешняя политика должна реалистично оценивать роль государства в современном мире, однако вслед за Р. Куком⁴ следует принять прогрессивную веру в способность защищать демократию, отстаивать верховенство закона, бороться с бедностью и изменением климата»⁵.

Новый Кабинет обращает внимание на необходимость «реалистичных оценок возможности влиять на мировой порядок», а саму концепцию «прогрессивного реализма» определил как «достижение прогрессивных целей реалистичными методами»⁶. Эксперты согласны, что такую формулировку не следует трактовать как привязку к реалистской парадигме в науке о международных отношениях. Отсылки к реализму призваны противопоставить новое правительство консерваторам, чье стратегическое планирование ограничивала идеология брекзитеров. Лейбористы не отказываются учитывать ценности при разработке внешней политики, а исходят из того, что их необходимо использовать для достижения «прогрессивных целей». Таким образом, они выстраивают внешнюю политику на стыке реалистской и неолиберальной парадигм, продолжая дискурс консерваторов об антагонизме демократии и автократии в контексте борьбы за глобальный Юг.

Внешнеполитический слоган лейбористов «*Britain Reconnected*»⁷, сформулированный в памфлете в 2023 г.¹ и предвыборном манифесте 2024 г.², фактически заме-

¹ Integrated Review Refresh 2023 Responding to a more contested and volatile world. P. 6. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/641d72f45155a2000c6ad5d5/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (дата обращения: 07.09.2024).

² В 2006 г. этот термин появился в трудах Д. Ная (Nye, Jr., Joseph S. *Progressive Realism*. Bangkok Post, August 25, 2006). Кроме того, британская концепция «прогрессивного реализма» перекликается с концепцией «принципиального прагматизма», изложенной в Глобальной стратегии ЕС 2016 г.

³ Министр иностранных дел в правительстве К. Эттли.

⁴ Министр иностранных дел в правительстве Т. Блэра.

⁵ Lammy D. The Case for Progressive Realism. Why Britain Must Chart a New Global Course.

⁶ Там же.

⁷ Варианты перевода: «Британия возвращается» или «Британия переподключается».

нил установку консерваторов на «Глобальную Британию», предлагая иную интерпретацию роли страны на мировой арене. Если брекзитеры делали акцент на самостоятельности (что не исключало вовлечения в новые партнерства и альянсы) после выхода из ЕС, то лейбористы в центр внешнеполитического планирования ставят партнерства и альянсы через восстановление имиджа «ответственного актора». Отсылки к этической внешней политике служат обоснованием попыток позиционировать Британию как моральный компас не только в рамках особых отношений с США, но и в диалоге с новыми центрами силы за счет привязки среди прочего к международному праву.

На контрасте с правительством Р. Сунака новый Кабинет отмежевывается от постимперской ностальгии и обещает бросить вызов «путинскому империализму», «обеспечить поддержку суверенитету стран глобального Юга», что означает снижение влияния в них России и Китая³. Правительство К. Стармера пообещало укрепить связи с Европой и новыми центрами силы в Африке, Азии и Латинской Америке при сохраняющихся дилеммах стратегического выбора между атлантизмом и европоцентризмом.

«Прогрессивный реализм» лейбористов вызвал дискуссии в аналитических кругах⁴ не только противоречивой привязкой к теоретической рамке реализма, но и ссылками на прогрессивный подход. Условное различие трактовок консерваторов и лейбористов свидетельствует о том, что новое правительство не спешит с формулировками принципов внешней политики, которая сохраняет зависимость от внешней среды и фактора неопределенности. Отсутствие ясности относительно инструментов и методов вызывает аналогии с попытками тори обосновать концепцию «Глобальная Британия» в 2021 г. уже после ее объявления в 2017 г. В 2025 г. лейбористы предполагают опубликовать новый Обзор оборонной политики по итогам комплексной оценки стратегических угроз до 2050 г.

Конфликты как тест для «прогрессивного реализма»

Магистральным направлением для лейбористов, как и для их предшественников, остаются «особые отношения» с США, которые во многом определяют параметры диалога с европейскими партнерами. В преддверии саммита НАТО в Вашингтоне в июле 2024 г. министр иностранных дел Британии Д. Лэмми и министр обороны Дж. Хили в совместной статье подтвердили приверженность НАТО-центристскому подходу как основе оборонной стратегии государства⁵. Вместе с тем в условиях дефици-

¹ Lammy D. Britain reconnected a foreign policy for security and prosperity at home. London. Fabian Society. 2023. 42 p. URL: <https://fabians.org.uk/wp-content/uploads/2023/03/David-Lammy-Britain-Reconnected-240323.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

² Change Labour Party Manifesto 2024. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2024/06/Change-Labour-Party-Manifesto-2024-large-print.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³ Lammy D. The Case for Progressive Realism. Why Britain Must Chart a New Global Course.

⁴ Is Progressive Realism Real? Foreign Affairs. 20.08.2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/progressive-realism-real> (дата обращения: 10.10.2024).

⁵ This government will have a “NATO first” defence strategy: article by the Foreign Secretary and Defence Secretary. GOV.UK. 09.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/this-labour-government-will-have-a-nato-first-defence-strategy-article-by-the-foreign-secretary-and-defence-secretary> (дата обращения: 30.07.2024).

та бюджета лейбористы не увеличили показатели расходов на оборону до обещанных 2,5% ВВП, отложив это решение на неопределенный срок¹.

Основная задача трансатлантических союзников – помощь Украине. На этом направлении лейбористы продолжают позиционировать Британию как ведущего донора и союзника Киева. Несмотря на то что К. Стармер не нанес официальный визит в Киев, глава британского Кабинета подтвердил намерение поддерживать Украину «сколько это будет необходимо»². Во время первой официальной встречи с К. Стармером 19 июля 2024 г. В. Зеленский выступил перед британским кабинетом, что стало первым обращением с 1997 г. после выступления Б. Клинтона. Лейбористы продолжили милитаризацию Украины в рамках нового многолетнего плана военной помощи (3 млрд ф.ст. в год до 2030/31 гг.).

В первый день работы нового правительства министр обороны Дж. Хили посетил Одессу, где было принято решение о дополнительных поставках военной техники – 10 артиллерийских установок «АС-90» (*AS-90*) и 90 ракет класса воздух – воздух «Бримстоун» (*Brimstone*)³. Британия также пообещала ассигнования по линии Международного фонда для закупки 120 тыс. снарядов калибра 152 мм на сумму 300 млн ф. ст. для Украины.⁴

В сентябре 2024 г. в первой в истории совместной статье главы МИ6 и ЦРУ признали Китай главной угрозой современным процессам в мировой политике, а противодействие России – важнейшей текущей задачей⁵. Лейбористы продемонстрировали единый подход с США по Украине совместным визитом глав внешнеполитических ведомств Э. Блинкена и Д. Лэмми в Киев в сентябре 2024 г., где последний пообещал выделить дополнительно 242 млн ф. ст. на поддержку Украины, а также 484 млн долл. в виде кредита Всемирного банка на поставки военной техники⁶.

Демонстрация единой британо-американской линии (при администрации Дж. Байдена) в отношении Украины важна не только для укрепления имиджа Британии как

¹ Martin T. UK pledges additional \$3.8 billion on defense spending, stops short of 2.5 percent GDP timeline. *Breaking Defense*. 30.10.2024. URL: <https://clck.ru/3F7U5W> (дата обращения: 30.10.2024).

² UK to stand with Ukraine for as long as it takes, PM to tell NATO. *GOV.UK*. 10.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-stand-with-ukraine-for-as-long-as-it-takes-pm-to-tell-nato> (дата обращения: 02.09.2024).

³ New Defence Secretary pledges to step up support for Ukraine on visit to Odesa. *GOV.UK*. 07.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/new-defence-secretary-pledges-to-step-up-support-for-ukraine-on-visit-to-odesa> (дата обращения: 30.10.2024).

⁴ Defence Secretary welcomes Ukrainian counterpart to UK and confirms £1bn milestone in UK-administered fund. *GOV.UK*. 03.09.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/defence-secretary-welcomes-ukrainian-counterpart-to-uk-and-confirms-1bn-milestone-in-uk-administered-fund> (дата обращения: 30.09.2024).

⁵ Bill Burns and Richard Moore: Intelligence partnership helps the US and UK stay ahead in an uncertain world. *Financial Times*. 07.09.2024. URL: <https://www.ft.com/content/252d7cc6-27de-46c0-9697-f3eb04888e70> (дата обращения 30.10.2024).

⁶ UK Foreign Secretary and US Secretary of State in Kyiv in first ever joint visit, as David Lammy announces over £600 million worth of support for Ukraine. *GOV.UK*. 11.09.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-foreign-secretary-and-us-secretary-of-state-in-kyiv-in-first-ever-joint-visit-as-david-lammy-announces-over-600-million-worth-of-support-for-ukra> (дата обращения 25.10.2024).

страны, способной оказывать влияние на динамику процессов в Евроатлантике, но и как ближайшего союзника Вашингтона, который воздействует на его решения.

Однако лейбористы пошли дальше предшественников в создании условий для эскалации конфликта вокруг Украины. В сентябре 2024 г. в разгар предвыборной кампании в США К. Стармер во время визита в Вашингтон обсуждал с Дж. Байденом возможность разрешить Киеву наносить удары вглубь российской территории дальнобойными ракетами¹. СМИ сообщали, что глава британского Кабинета пытался побудить американского коллегу «пойти как можно дальше на украинском направлении»². Очередной виток эскалации произошел в ноябре 2024 г. на фоне победы Д. Трампа на выборах в США. Администрация Дж. Байдена при содействии правительства К. Стармера фактически санкционировала удары со стороны Киева дальнобойными ракетами западного производства по территории РФ 19 и 21 ноября 2024 г. Ответный удар российской баллистической ракетой средней дальности «Орешник» по оборонному заводу в Днепропетровске был, по словам В.В. Путина, «предупреждением, что Россия будет жестко реагировать», а «спровоцированный Западом региональный конфликт на Украине приобрел элементы глобального характера»³. А.В. Келин, посол РФ в Лондоне заявил, что «Британия непосредственно вступила в войну»⁴. К. Стармер опроверг эту формулировку, подчеркнув, что «Лондон продолжит оказывать военную помощь Киеву»⁵.

Демонстрируя готовность повышать ставки на украинском направлении, лейбористы продолжили подпитывать антироссийские настроения в Британии через дискурс о российской угрозе. Так, в рамках публичного расследования «дела Скрипалей» в сентябре 2024 г. было заявлено, что из соображений безопасности С. Скрипаль предоставит показания в письменном виде и не покажется на публике⁶.

Бескомпромиссная политика поддержки Украины при лейбористах привела к еще большей эскалации конфликта, на фоне которой Лондон по-прежнему не готов проявлять гибкость и договороспособность, что расходится с декларируемыми принципами «прогрессивного реализма».

¹ PM meeting with President Biden of the United States: 13 September 2024. GOV.UK. 14.09.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-meeting-with-president-biden-of-the-united-states-13-september-2024> (дата обращения 25.10.2024).

² With Russia in Mind, U.K. Prime Minister Keir Starmer Goes to Washington. The New York Times. 23.09.2024. <https://www.nytimes.com/2024/09/13/world/europe/keir-starmer-biden-russia-missiles.html> (дата обращения 06.11.2024).

³ Заявление Президента Российской Федерации. 21.11.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75614> (дата обращения: 22.11.2024).

⁴ Britain “directly involved” in Ukraine war, Russian ambassador tells Sky News. Sky UK. 22.11.2024. URL: <https://news.sky.com/story/britain-directly-involved-in-ukraine-war-russian-ambassador-tells-sky-news-13257896> (дата обращения: 22.11.2024).

⁵ UK will stand by Ukraine despite Putin’s “irresponsible rhetoric”, vows minister. The Independent. 22.11.2024. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/vladimir-putin-ukraine-keir-starmer-yvette-cooper-sky-news-b2652068.html> (дата обращения: 22.11.2024).

⁶ Holden M. Putin ordered Novichok attack, double agent Skripal tells UK inquiry. Reuters. 14.10.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/uk/inquiry-into-british-womans-2018-novichok-poisoning-start-2024-10-13/> (дата обращения: 25.09.2024).

В отличие от украинского кризиса Лейбористская партия придерживается противоречивой позиции относительно палестино-израильского конфликта, который с 2023 г. подрывал единство партии [Ананьева, 2024]. Кабинет К. Стармера, как и предшественники-тори, выразил поддержку Израилю, одновременно добиваясь прекращения огня и освобождения заложников в Газе. Лейбористы продолжили операцию «Страж процветания» (*Prosperity Guardian*)¹ по защите торгового судоходства в Красном море. Однако британский Кабинет для улучшения имиджа и осуществления «прогрессивных целей», во-первых, приостановил действие 30 из 350 лицензий на экспорт оружия из Британии в Израиль², во-вторых, Британия отмежевалась от позиции консерваторов в отношении ордеров на арест министра обороны Израиля Й. Галанта и премьер-министра Б.Нетаньяху, объявив о готовности арестовать последнего, если он придет в Британию³. Лейбористы также возобновили финансирование Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), приостановленного ранее консерваторами⁴.

Вопросы безопасности как основа «перезагрузки отношений с Европой»

На европейском направлении правительство К. Стармера балансирует между несколькими задачами: с одной стороны, укрепить связи с ЕС, а с другой – сохранить позиции самостоятельного центра, который влияет на европейскую политику. Правительство Т. Мэй еще в 2018 г. предложило Брюсселю заключить договор по безопасности с тем, чтобы у Лондона была возможность на разных уровнях участвовать в Общей политике безопасности и обороны Евросоюза. Однако предложение не встретило поддержки сторонников брекзита, которые опасались, что Лондон останется стороной, которая подчиняется правилам ЕС (*rule-taker*). В итоге консерваторы сделали акцент на билатерализации – выстраивании двусторонних партнерств с отдельными странами ЕС, стремясь компенсировать утрату влияния на стратегическое планирование Брюсселя и сохранить автономность принятия решений. Изменение в настроениях британского истеблишмента частично произошло под влиянием российской СВО, когда появилась необходимость более тесной кооперации с Брюсселем. Распространилось мнение, что на фоне военного конфликта в Европе статус аутсайдера нецелесообразен в условиях «разделения полномочий» между НАТО и ЕС» [Martill, 2024].

¹ Royal Navy Destroyer HMS Diamond joins Operation Prosperity Guardian, a new international task force to protect merchant shipping in the Red Sea and Gulf of Aden. GOV.UK. 19.12.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/hms-diamond-joins-new-international-task-force-to-protect-shipping-in-the-red-sea> (дата обращения: 25.09.2024).

² UK policy on arms export licences to Israel: Foreign Secretary's statement. GOV.UK. 02.09.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-statement-on-uk-policy-on-arms-export-licenses-to-israel> (дата обращения: 25.09.2024).

³ UK signals it would arrest Netanyahu if he travelled to the country. Financial Times. 22.11.2024 URL: <https://www.ft.com/content/78d05cd2-b483-4d89-87d7-b5229cfb24ab> (дата обращения: 22.11.2024).

⁴ UK to restart funding to UNRWA. GOV.UK. 19.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-restart-funding-to-unrwa> (дата обращения: 25.09.2024).

В первом выступлении в должности главы Форин-офиса Д. Лэмми заявил, что «переподключение к Европе будет означать связку безопасности и процветания»¹. В этом отношении позиция лейбористов не является новой, поскольку еще брекзитеры определили лидерство в сфере безопасности в Евро-Атлантике ключевой задачей. Президент США Дж. Байден в июле 2024 г. приветствовал сближение Лондона и Брюсселя, которое начали еще консерваторы².

Крупным внешнеполитическим событием для нового правительства стало проведение четвертого саммита Европейского политического сообщества 18 июля 2024 г. в Соединенном Королевстве с участием 46 европейских государств. Накануне мероприятия К. Стармер подтвердил, что именно «безопасность составляет сердцевину перезагрузки отношений Британии с Европой»³. В наследство от предыдущего правительства лейбористы получили ключевые пункты повестки саммита: поддержка Киева, сотрудничество в области искусственного интеллекта и противодействие нелегальной миграции⁴.

В целом новый Кабинет продолжил линию тори на укрепление двусторонних контактов с европейскими странами, уделяя особое внимание ядру ЕС. Отталкиваясь от Ланкастерского договора, Британия и Франция подтвердили намерение активизировать оборонное сотрудничество и запланировали двусторонний саммит на 2025 г.⁵ В октябре лейбористы подписали военное соглашение с Германией⁶, политико-правовую основу для которого заложили консерваторы Совместной декларацией о координации работы в сфере внешней политики в 2021 г. и британо-германским стратегическим диалогом 2023 г. По логике лейбористов, именно через двусторонние связи удастся изменить общую тональность диалога с ЕС и в будущем заключить договор/пакт по безопасности. В начале октября 2024 г. К. Стармер и глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен договорились укреплять диалог по вопросам внешней политики и миграции, среди прочего в рамках ежегодных саммитов

¹ Reconnecting Britain for our security and prosperity: Foreign Secretary David Lammy's statement. GOV.UK. 06.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/reconnecting-britain-for-our-security-and-prosperity-foreign-secretary-david-lammys-statement> (дата обращения: 30.07.2024).

² Joe Biden hints UK should move closer to EU in Starmer meeting. Guardian. 11.07.2024. URL: <https://www.theguardian.com/politics/article/2024/jul/11/joe-biden-keir-starmer-labour-us-relationship-uk-nato-summit> (дата обращения: 30.07.2024).

³ 'Security at the heart of UK's reset with Europe': PM to tell world leaders as he pledges closer cooperation to dismantle European smuggling rings and bring order to British borders. GOV.UK. 17.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/security-at-the-heart-of-uks-reset-with-europe-pm-to-tell-world-leaders-as-he-pledges-closer-cooperation-to-dismantle-european-smuggling-rings-and> (дата обращения: 30.07.2024).

⁴ UK to host European Political Community meeting in July 2024 at Blenheim Palace. GOV.UK. 19.03.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-host-european-political-community-meeting-in-july-2024-at-blenheim-palace> (дата обращения: 30.07.2024).

⁵ Prime Minister Keir Starmer and President of France Emmanuel Macron released a joint statement today. GOV.UK. 18.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-between-uk-and-france-18-july-2024> (дата обращения: 30.07.2024).

⁶ Landmark UK-Germany defence agreement to strengthen our security and prosperity. GOV.UK. 22.10.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/landmark-uk-germany-defence-agreement-to-strengthen-our-security-and-prosperity> (дата обращения: 30.07.2024).

Британия – ЕС¹. 13 октября 2024 г. Д. Лэмми впервые после брекзита принял участие в заседании Совета по иностранным делам ЕС.

Несмотря на ряд позитивных подвижек в отношениях с Брюсселем, линия лейбористов качественно не отличается от курса предшественников. Движение в сторону институционализации диалога по внешней политике и безопасности с ЕС стало следствием решений предыдущих правительств, а также военно-политической динамики в Европе.

Китайское направление и противоречия «прогрессивного реализма»

Отношения с Китаем оставались одним из самых противоречивых и непоследовательных направлений политики предыдущего правительства тори, которое балансировало между попытками нормализовать торгово-экономический диалог с Пекином, противодействовать внешнему давлению со стороны США и внутреннему лобби синофобов в консервативной фракции, которая лоббирует ужесточение политики в отношении КНР [Годованюк, 2024]. Широко распространенное представление о Китае как угрозе, зафиксированное в британских стратегических документах, значительно ослабило позиции прокитайски настроенной части истеблишмента. В предвыборном манифесте Лейбористская партия призвала провести аудит двусторонних отношений с целью «укрепить способность Соединенного Королевства понимать и реагировать на вызовы со стороны Китая и на возможности, предоставляемые им»². В программной статье Д. Лэмми Китай обозначен «как сверхдержава, чья конкуренция с США определяет параметры современной мировой политики»³.

С одной стороны, лейбористы продолжают политику в отношении КНР в русле общей линии Запада под эгидой США. В итоговом документе саммита НАТО в Вашингтоне, например, зафиксированы более жесткие формулировки в отношении Пекина как «пособника войны России на Украине»⁴. С другой – остаются предпосылки к стабилизации британо-китайского диалога. Во-первых, экономика Британии по-прежнему заинтересована в привлечении китайских инвестиций. Во-вторых, через диалог с КНР Лондон стремится усилить позиции в странах глобального Юга. В-третьих, в условиях продолжающейся экономической и технологической конкуренции крупных игроков лейбористы предпочитают уклониться от прямого участия в экономической войне с Китаем. Так, Лондон не ввел пошлины на электромобили из Китая вслед за США и ЕС в октябре 2024 г.

Уже в июле 2024 г. Д. Лэмми встретился со китайским визави Ван И на полях саммита АСЕАН в Лаосе и подтвердил подход, сформулированный в предвыборном

¹ Statement by the President of the European Commission and the Prime Minister of the United Kingdom on Enhancing Strategic Cooperation. European Commission. 02.10.2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_24_5003 (дата обращения: 25.10.2024).

² Change Labour Party Manifesto 2024, p. 120.

³ Lammy D. The Case for Progressive Realism. Why Britain Must Chart a New Global Course

⁴ Washington Summit Declaration. 10.07.2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (дата обращения: 15.09.2024).

манифесте: «сотрудничать с КНР, где возможно, конкурировать, где требуется, и бросать вызов, где необходимо»¹. С августа 2024 г. в британских СМИ циркулировала информация о готовящейся поездке министра иностранных дел в Китай. Ранее лейбористы критиковали тори за попытки в августе 2023 г. улучшить диалог с КНР, а визит главы Форин-офиса Дж. Клеверли в Пекин назвали «политикой умиротворения» Поднебесной. Теперь Лондон объявил новый подход, нацеленный на стабильное и последовательное взаимодействие с Китаем, за которым признал роль глобального актора.

В ходе двухдневного визита Д. Лэмми в Пекин и Шанхай в октябре 2024 г. британская дипломатия поставила цель подчеркнуть «последовательный, стратегический и прагматичный подход в отношении КНР», а также призвать Китай прекратить политическую и экономическую поддержку российских военных усилий на Украине². Министр иностранных дел ожидаемо сделал жесткие заявления по вопросам прав человека в Китае, в т. ч. относительно ситуации в Синьцзяне и задержания гонимого предпринимателя и британского подданного Джимми Лая³.

«Прагматичный подход», заявленный лейбористами, будет сдерживаться антикитайским лобби внутри Британии, кампанией о «злонамеренном влиянии» Китая на внутривнутриполитические процессы в Соединенном Королевстве, особым акцентом на права человека, которые останутся раздражителем в двусторонних отношениях, а также давлением со стороны США. Возможности Лондона как посредника между США, ЕС и Китаем ограничены фактом вовлечения в антикитайские форматы в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), прежде всего *AUKUS*.

Лейбористы, несмотря на критику политики тори в отношении ИТР, еще в предвыборном манифесте называли регион приоритетным. При этом дилемму выбора между Евроатлантикой и Индопацификой лейбористы решают в пользу первой, но не отказываются от попытки консерваторов распространить принципы евроатлантической безопасности на пространства Индийского и Тихого океанов⁴.

В качестве главной новеллы лейбористы анонсировали меры в отношении тройственного военно-политического союза *AUKUS* с тем, чтобы сделать его «работающим». В отличие от тори, которые представляли соглашение Британии, Австралии и США как иллюстрацию поворота в ИТР, лейбористы называют его отправной точкой для продвижения в регионе. В сентябре 2024 г. состоялся первый саммит министров обороны *AUKUS*, где Лондон и Канберра обсудили параметры

¹ Foreign Secretary's meeting with China's Director of Foreign Affairs Commission Office and Foreign Minister, July 2024. GOV.UK. 26.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/readout-of-foreign-secretary-meeting-with-chinas-director-of-foreign-affairs-commission-office-and-foreign-minister> (дата обращения: 20.10.2024).

² Foreign Secretary visits China. GOV.UK. 18.10.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-visits-china--2> (дата обращения: 20.10.2024).

³ Readout: Foreign Secretary meeting with Chinese Foreign Minister. GOV.UK. 18.10.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/readout-foreign-secretary-meeting-with-chinese-foreign-minister> (дата обращения: 18.10.2024).

⁴ Shetler-Jones Ph., Capie D. NATO Emerges as a Platform for Coordinating Indo-Pacific Security Policies. RUSI. 02.09.2024. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/nato-emerges-platform-coordinating-indo-pacific-security-policies> (дата обращения: 02.09.2024).

будущего оборонного соглашения, включая условия строительства атомных подводных лодок для Австралии класса *SSN-AUKUS* с обычным вооружением¹.

Как и предыдущее правительство, лейбористы намерены активно использовать инструменты «мягкой силы» в регионе. В августе 2024 г. заместитель министра иностранных дел Британии по делам ИТР К. Уэст в ходе визита в Новую Зеландию и Тонга объявила о поддержке климатических программ на сумму 12,9 млн ф.ст. в том числе в рамках Форума тихоокеанских островов. В октябре 2024 г. в Самоа состоялся юбилейный саммит Содружества наций, где Лондон выделил дополнительное финансирование программ возобновляемых источников энергии в шести островных тихоокеанских странах².

Наиболее резонансным событием первых 100 дней правительства К. Стармера стало заявление о политическом соглашении с Маврикием касательно передачи суверенитета над спорным архипелагом Чагос с сохранением за Британией военной базы на острове Диего Гарсия на 99 лет³. Переговоры шли в течение двух лет. Стоимость сделки и срок вступления в силу пока не обнародованы. Решение направлено на поддержку имиджа Лондона как страны, которая отмежеввалась от колониального наследия, стремится усилить позиции в ИТР и снизить напряженность в отношениях с Индией. Однако негативная позиция администрации Д. Трампа по этому вопросу может стать препятствием для практической реализации договоренностей. Более того, политический скандал, вызванный участием лейбористов в избирательной кампании К. Харрис на выборах США, осложнит британо-американские отношения, но не будет означать отход Лондона от поддержки США в его видении системы международных отношений. Расхождения с Вашингтоном по ряду международных вопросов потребуют от лейбористов внести очередные корректировки во внешнеполитическую линию в условиях тарифных войн и непредсказуемой политики Д. Трампа, который симпатизирует жестким брекзитерам⁴.

Выводы

Смена правящего Кабинета в Британии в июле 2024 г. незначительно отразилась на внешнеполитическом курсе страны. Цель «прогрессивного реализма» (концептуальный подход) и «*Britain Reconnected*» (внешнеполитический лозунг) – продемонстрировать избирателям корректировки во внешнеполитическом планировании, однако на практике новая терминология существенно не меняет содержание политики. Как и в послевоенный период, у лейбористов и тори сложился межпартийный

¹ AUKUS statement: 26 September 2024. GOV.UK. 26.09.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/aukus-statement-26-september-2024> (дата обращения: 02.09.2024).

² 75 years of the modern Commonwealth: Foreign Secretary's speech. GOV.UK. 06.09.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/75-years-of-the-modern-commonwealth-foreign-secretarys-speech> (дата обращения: 02.09.2024).

³ UK and Mauritius joint statement, 3 October 2024. GOV.UK. 03.10.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-between-uk-and-mauritius-3-october-2024> (дата обращения: 02.09.2024).

⁴ Аняева Е.В. Кукушка ругает петуха за то, что ругает он кукушку. Международная жизнь. 28.10.2024. URL: https://interaffairs.ru/news/show/48503#_ftn2 (дата обращения: 10.11.2024).

консенсус относительно внешнеполитических целей, а незначительные изменения в динамике диалога с ключевыми игроками и акцентах на отдельных направлениях не меняют методы и фундаментальный подход к мирополитическим процессам.

Первые внешнеполитические шаги правительства показали, что на европейском направлении оно продолжает укреплять двусторонние связи как залог общего потепления в отношениях с Брюсселем. Лондон стремится закрыть политико-правовые лакуны за счет договора по безопасности и институционализировать диалог по вопросам внешней политики. Межпартийный консенсус в отношении европейской безопасности и лидерской роли Лондона в противодействии РФ и помощи Украине составляют основу дальнейшего курса в унисон с политикой предыдущего правительства консерваторов.

На китайском направлении Лондон стремится установить регулярные политические контакты на высоком уровне. Главные задачи – стабильный и последовательный политический диалог с КНР для создания преимуществ британскому бизнесу в условиях конкуренции Китая и США и поиск рычагов давления на Поднебесную, чтобы остановить сближение Пекина с Москвой. Более обширная цель лейбористов – выиграть конкуренцию вокруг стран глобального Юга, в т. ч. в ИТР и Африке.

Противоречивость новой концепции состоит в сохраняющихся дилеммах внешнеполитического планирования. Заявления о ценностях, правах человека, а также декларируемый отход от неокOLONиализма носят имиджевый характер, выступают ограничителем политики в отношении стран глобального Юга и сужают поле для маневра. Некоторая корректировка линии в отношении ситуации в Газе не меняют общей поддержки Израиля. На украинском направлении лейбористы выступили за существенную эскалацию конфликта в условиях смены администрации в США. Противоречивость стратегии, сформулированной на стыке реализма и неолиберализма, а также большая зависимость внешнеполитического курса Лондона от внешней среды и фактора США оставляют открытым вопрос о жизнеспособности «прогрессивного реализма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешин А.А. (2023) Роль Британии в формировании антироссийской политики Запада. *Современная Европа*. № 5. С. 44–56. DOI: 10.31857/S0201708323050042 EDN: xzprri
- Ананьева Е.В. (2024) Парламентские выборы в Британии 2024 г. Нетриумфальный триумф лейбористов. *Современная Европа*. № 5. С. 98–111. DOI: 10.31857/S0201708324050085
- Ананьева Е.В., Охошин О.В. (2023) Британия-2022: смена премьеров, смена монарха. ИЕ РАН, Москва. 194 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22023_399
- Годованюк К.А. (2024) Китайская стратегия Великобритании: непоследовательная последовательность на фоне внутренних дебатов. *Актуальные проблемы Европы*. № 4(124). С. 144–164. DOI 10.31249/ape/2024.04.08 EDN: MXVNEP
- Громько Ал.А. (ред.) (2023) Европа в глобальной пересборке. Весь Мир, Москва. 508 с.
- Hadfield A., Whitman R.G. (2023) The diplomacy of “Global Britain”: settling, safeguarding and seeking status. *Int Polit.* 05.07. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-023-00489-x>
- Hermann C.F. (1990) Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy. *International Studies Quarterly*. No. 34. P. 3–21.
- Haugevik K., Svendsen Ø. (2023) On safer ground? The emergence and evolution of “Global Britain”. *International Affairs*. No. 99. P. 2387–2404. DOI: 10.1093/ia/iiad186

Martill B., Rogstad A. (2024) A Debate of the Highest Order: The Brexit Referendum as Second-Order Role Contestation. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 20. Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1093/fpa/orae013>

Martill B., Mesarovich A. (2024) Foreign Policy as Compensation: Why Brexit Became a Foreign and Security Policy Issue. *International Studies Quarterly*. Vol. 68. Issue 2. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqae014>

Martill B. (2024) Return to Europe? Institutional choice, outsider status, and Britain's response to the Ukraine War. *The British Journal of Politics and International Relations*. P. 1–23. DOI: [10.1177/13691481241291431](https://doi.org/10.1177/13691481241291431)

McDonald S. (2023) *Beyond Britannia. Reshaping UK Foreign policy*. Haus Publishing Ltd, London, UK. 278 p.

Parnell T. (2022). Unravelling the Global Britain vision? International relationships and national identity in UK Government documents about Brexit, 2016–2019. *Discourse & Society*. No. 33(3). P. 391–410. DOI: <https://doi.org/10.1177/09579265221076588>

Potter Ph.B.K. (2017) Methods of Foreign Policy Analysis. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 30.11. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.34>

Vickers R. (2011) *The Labour Party and the World. Volume 2: Labour's Foreign Policy Since 1951*. Manchester University Press, Manchester, UK. 256 p.

“Progressive realism”: between continuity and change of the UK foreign policy

K.A. Godovanyuk

Candidate of Sciences (Politics),

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

Abstract. The article explores the contours of the UK foreign policy of the Labour government of K. Starmer in the context of persistent strategic dilemmas. Through the use of the theory of change, the author's analysis of the new Cabinet's foreign policy focuses on its attempts to refurbish the ideology behind the international course, driven by the goals of change and the departure from the Tory legacy. At the same time, external stimuli (fragmentation and newly emerged centers), domestic political factors (the political legacy of the Brexiteers, inter-party consensus on key areas of foreign policy, public opinion), as well as previous foreign policy goals leave Labour little room for maneuver and a qualitative change of course. In foreign policy planning, the new government, on the one hand, draws upon the practical developments of its Tory opponents in the spirit of neoliberalism. On the other hand, it maneuvers between the realism and idealism of previous Labour governments. The novelty introduced by the Labour Cabinet has been “progressive realism”. Central to this approach is shifting of emphasis in relation to Europe and trade, economic and military-political rapprochement with Brussels, as well as strengthening ties with the countries of the Global South while dropping the Global Britain rhetoric. NATO-first as a basic parameter of foreign policy stays put and dictates the logic of relations with the main centers of power in the Washington-Brussels-Beijing triangle, which corresponds to the approach of previous Conservative governments. At the same time, London promotes itself as a responsible player, keen on distancing itself from postcolonial practices. The article looks in detail at the first steps of the incumbent Cabinet in the foreign policy arena in the Euro-Atlantic

and Indo-Pacific directions. London's attempts to build an image of a responsible player that distances itself from postcolonial practices and is guided by human rights and "moral leadership", do not fundamentally change London's foreign policy line. The uncompromising position on Ukraine against the backdrop of dependence on the "US factor" confirms the contradictory nature of the new concept, which may be adjusted with the arrival of a new White House administration.

Keywords: progressive realism, foreign policy, UK, UK–Russia relations, US, EU, Ukraine, China, goals, methods, Global South, changes

DOI: 10.31857/S0201708324070040

REFERENCES

- Aleshin A.A. (2023) Rol' Britanii v formirovanii antirossijskoj politiki Zapada [The UK's Role in Shaping the Anti-Russian Policy of the West], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 44–56. DOI: 10.31857/S0201708323050042 EDN: xzppri (In Russian).
- Ananieva E.V. (2024) Parlamentskie vybory v Britanii 2024 g. Netriumfal'nyj triumf lejboristov [UK General Election-2024: Labour's Untriumphant Triumph], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 98–111. DOI: 10.31857/S0201708324050085 (In Russian).
- Ananieva E.V., Okhoshin O.V. (ed.) (2023) *Britaniya-2022: smena prem'erov, smena monarkha* [The UK-2022: Change of Prime Ministers, Change of Monarch], IE RAN, Moscow, Russia. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22023_399 (In Russian).
- Godovanyuk K.A. (2024) Kitajskaya strategiya Velikobritanii: neposledovatel'naya posledovatel'nost' na fone vnutrennih debatov [UK strategy towards China: inconsistent consistency amid internal political debate], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4(124), pp. 144–164. DOI: 10.31249/ape/2024.04.08 EDN: MXVHEP (In Russian).
- Gromyko A.I. (ed.) (2022) *Evropa v global'noj peresborke* [Europe in a global reassembly], Ves' Mir, Moscow, Russia. DOI: 10.55604/9785777708953 (In Russian).
- Hadfield A., Whitman R.G. (2023) The diplomacy of "Global Britain": settling, safeguarding and seeking status, *Int Polit*, 05.07. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-023-00489-x>
- Haugevik K., Svendsen Ø. (2023) On safer ground? The emergence and evolution of "Global Britain", *International Affairs*, 99(6), pp. 2387–2404. DOI: 10.1093/ia/iia186
- Martill B., Rogstad A. (2024) A Debate of the Highest Order: The Brexit Referendum as Second-Order Role Contestation, *Foreign Policy Analysis*, 20(3). DOI: <https://doi.org/10.1093/fpa/orae013>
- Martill B., Mesarovich A. (2024) Foreign Policy as Compensation: Why Brexit Became a Foreign and Security Policy Issue, *International Studies Quarterly*, 68(2). DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqae014>
- Martill B. (2024) Return to Europe? Institutional choice, outsider status, and Britain's response to the Ukraine War, *The British Journal of Politics and International Relations*, pp. 1–23. DOI: 10.1177/13691481241291431
- McDonald S. (2023) *Beyond Britannia. Reshaping UK Foreign policy*, Haus Publishing Ltd, London, UK.
- Parnell T. (2022). Unravelling the Global Britain vision? International relationships and national identity in UK Government documents about Brexit, 2016–2019, *Discourse & Society*, 33(3), pp. 391–410. DOI: <https://doi.org/10.1177/09579265221076588>
- Potter Ph. B.K. (2017) Methods of Foreign Policy Analysis, *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*, 30.11. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.34>
- Vickers R. (2011) *The Labour Party and the World. Volume 2: Labour's Foreign Policy Since 1951*, Manchester University Press, Manchester, UK.

УДК 324; 328; 329

«ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ» В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ НА ВЫБОРАХ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ 2024: ФИНСКИЙ КАЗУС

© 2024 ПЛЕВАКО Наталия Сергеевна

*Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3*

E-mail: natalia_plevako@mail.ru

Поступила в редакцию 15.10.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. Статья посвящена анализу политических процессов последних лет в ряде скандинавских стран. Автор показал, как вслед за подъемом праворадикального и националистического движения и ослаблением центристских сил активизировались партии на левом фланге. Главное внимание уделено левому сегменту политического спектра в Финляндии (и частично в Швеции). Проведен анализ результатов выборов в Европейский парламент, где консолидированные левые впервые после долгого перерыва достигли впечатляющих итогов. С привлечением разнообразных источников автор рассматривает экономические, социальные, политические, идеологические предпосылки наметившегося поворота влево в жизни Финляндии. Раскрыто, каким образом новый расклад политических сил в Финляндии породил ситуацию, когда правоцентристские партии все более поддаются давлению националистов, а основным фактором противостояния дальнейшему сдвигу вправо выступают левые. Кроме того, показано, что социально-политические противоречия в стране нарастают по мере обострения ситуации в экономике и интенсификации попыток властей «лечить» ее путем сокращения бюджетных ассигнований на социальные нужды. Прежняя блоковая система, допускавшая возможность тактического сотрудничества, перестала функционировать, а новая еще не создана. Автор фиксирует дальнейшую поляризацию политических сил, при которой ослабление позиций той части политически активного класса, которая тяготела к «центру», сопровождалось обретением дополнитель-

ных ресурсов сначала на правом, а затем и на левом флангах. В статье отмечается, что нарастающее размежевание по проблемам внутренней политики не находит отражения в дискуссиях по вопросам внешней политики, где пока доминирует консенсус.

Ключевые слова: Европарламент, Левый союз, «Истинные финны», Социал-демократическая партия Финляндии, Зеленые, Ли Андерссон

DOI: 10.31857/S0201708324070052

Электоральная сенсация в Северной Европе

Сенсационные результаты последних выборов в Европарламент в североевропейском регионе привлекли повышенное внимание средств массовой информации, политиков и наблюдателей. Действительно, в отличие от общеевропейского тренда с наступлением правых и националистических партий (прежде всего в Германии, Франции и Италии), финские и шведские избиратели демонстрировали меньший интерес к крайне правым и националистам – главным бенефициарам на недавно прошедших парламентских выборах. Одновременно заметно усилился левый и левоцентристский сегмент, состоящий из красно-зеленых партий и части либералов, озабоченных обострением социальных проблем. Электоральные итоги вызвали прилив оптимизма у избирателей, десятилетиями голосовавших за партии левого крыла, и надежду на перелом в противоборстве с союзом консервативных партий и националистов. Однако остается вопрос: насколько долговременны успехи левых в Северных странах, смогут ли красно-зеленые захватить и укрепить политическую инициативу.

Выборы национальные и выборы Европейские

Выборы в национальные законодательные органы отличаются от выборов в Европарламент (ЕП) как более высокой активностью избирателей, так и формированием более устойчивых электоральных трендов. На внутренних выборах голосуют «умом», прислушиваясь к обещаниям политических лидеров, размышляя, как соперничающие партии отвечают на злободневные темы, волнующие широкие слои населения. Здесь и большая содержательность программных заявлений конкурентов, и большая ответственность избирателей, понимающих, что их благополучие определяется в первую очередь тем, как действует Копенгаген, Стокгольм с Хельсинки, а не Брюссель, Страсбург или Люксембург. Национальный принцип политической организации хотя и отступает под натиском наднациональных сил и интересов, но в глазах рядовых избирателей остается главенствующим.

Итоги общеевропейских выборов в Северных странах многозначны. Во-первых, они показали известную независимость политического сознания избирателей в этом регионе от общеевропейских настроений, позволяющих крайне правым и националистам последовательно усиливать свои позиции. Во-вторых, на таких выборах голосуют сердцем. Результаты мало прогнозируемы, поскольку голосование

отражает настроения и чаяния избирателей, руководствующихся не идеями, навязываемыми партийными лозунгами, неизбежными на выборах депутатов в свои парламенты («голосуй только за своих»), а более общими настроениями, выходящими за рамки приверженности к «своей» партии. На таких выборах во главу угла ставят не сиюминутные запросы, а более развернутые представления о ценностях. В-третьих, итоги выборов поставили вопрос о перспективах в Северной Европе националистов и правых радикалов, так стремящихся к власти. Наконец, действительно ли утихли ветры «слева», всегда наполнявшие политические паруса и социал-демократов, и социалистов, а прежде и коммунистов?

Известно, что в Швеции и Финляндии по итогам предыдущих парламентских выборов (2022 и 2023 гг. соответственно) существенно усилились националистические партии. У националистов Финляндии есть опыт недолгого участия в правительстве, что привело к расколу их партии. В Швеции националисты долгое время были персонами *non grata*, когда даже разговоры о сотрудничестве с ними считались плохим тоном. В этой стране политическая культура всегда диктовала умеренную линию, отказ от радикальных решений назревших проблем. Соответственно политические группы и течения, находившиеся на крайних флангах политического спектра, не допускались до власти. Реформа всегда оставалась основным способом политического действия. Даже переход от традиционного аграрного общества к индустриальному не сопровождался катастрофическими революционными потрясениями, как это случилось со многими странами Европы. Понятно, что немислимый еще несколько лет назад союз правых шведских партий с националистами, беспрецедентная уступка последним части властных полномочий стала вынужденным шагом в условиях фрагментации сил буржуазного блока, ослабления правоцентристов и роста популярности националистической партии «Шведские демократы» (ШД). Без опоры на националистов правому блоку было бы трудно рассчитывать на победу над красно-зелеными, конкретнее – Умеренной коалиционной партии (УКП) над Социал-демократической рабочей партией Швеции (СДРПШ).

Неожиданно значительного прироста голосов на евровыборах в Швеции добились Левая партия (+4,3%), которая получила 11,06% голосов, а также партия Зеленых (+2,5%) – 13,85% голосов. Результаты первой оказались лучшими за последние 20 лет. Она набрала на 60% голосов больше, чем на парламентских и евровыборах 2019 г. Такой результат свидетельствует о том, что лозунги социальной справедливости, борьбы с изменениями климата, которые находятся в центре программ левоцентристов, находят отклик у избирателей. Улучшили свои показатели и социал-демократы (+1,3%) – 24,77%, заняв по числу голосов первое место. Налицо усиление левой и левоцентристской оппозиции¹. В то же время Шведские

¹ По многочисленным опросам последнего времени явный перевес голосов у красно-зеленых.

демократы, которым прочили новые успехи, набрали 13,17%¹ голосов (-2,2%), пропустив вперед Зеленых и заняли лишь четвертое место. Для ШД это первая неудача с 2010 г.

Еще более впечатляющими оказались результаты выборов в ЕП в Финляндии. Партия «Левый союз» (ЛС) оказалась на втором месте после правящей Национальной коалиционной партии (Н КП), прибавив с последних выборов сразу 10,4% (17,3% голосов). Для сравнения на парламентских выборах 2023 г. партия получила лишь 6,9% голосов и во многом из-за «тактического голосования» в пользу прежде всего Н КП. «Истинные финны» (ИФ) потеряли 6,2% голосов, набрав всего 7,6%, т.е. их представительство уменьшилось вдвое, и они оказались на шестом месте². На парламентских выборах 2023 г. ИФ заняли второе место и набрали 20,1% голосов [Raunio, 2023]. Таким образом, и в Швеции, и в Финляндии, где у власти находятся коалиционные правительства правых партий, вступивших в союз с националистами, на евровыборах избиратели отдали предпочтение левым.

В Дании зеленые партии (социал-демократы, Социалистическая народная партия, Единый список, более умеренная «Радикальная Венстре» и «Альтернатива») получили 50% голосов. Социалистическая народная партия, расположенная слева от социал-демократов и отстаивающая идеи экосоциализма, стала крупнейшей по представительству, набрав 17,42% голосов и опередив социал-демократов. Меньшая по численности красно-зеленая партия «Единый список» также отличилась на выборах (7,04%). Крайне-правая Датская народная партия набрала всего 6,37% голосов³.

Причины поражения правых партий

Причин поражения правых партий в Финляндии и Швеции на европейских выборах несколько. Получение министерских портфелей представителями «Истинных финнов» и беспрецедентное влияние на правительство Шведских демократов неизбежно поставило вопрос об ответственности этих партий за проводимую правительством социальную политику, ведущую к сокращению социальных расходов, ухудшению материального положения различных категорий трудящихся, растущей преступности, отказу от климатической повестки. Еще одной немаловажной причиной является то, что антииммиграционные программы националистических партий были взяты на вооружение правящими партиями и даже находящимися в оппозиции социал-демократами. Да и предвыборные опросы в Швеции свидетельство-

¹ Valresultatet i EU-val 2024. 15.08.2024. URL: <https://www.val.se/valresultat/europaparlamentet/2024/valresultat.html> (дата обращения: 30.10.2024).

² 2024 European election results. 23.07.2024. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/> (дата обращения: 30.10.2024).

³ Resultat per nationellt parti - 2024-2029. 15.07.2024. URL: <https://results.elections.europa.eu/sv/nationella-resultat/danmark/2024-2029/> (дата обращения: 30.10.2024).

вали, что 58% респондентов считали самыми актуальными проблемами климатические изменения и безопасность, а не иммиграцию. Кроме того, представители националистических партий признавали, что им не удается мобилизовать избирателей. Имел значение и поблекший имидж партии Шведские демократы после скандала с так называемой фабрикой троллей, анонимными аккаунтами (их создание считается делом рук националистов) в социальных сетях, где критиковались и высмеивались не только оппозиционные партии, но и партии правительственной коалиции, с которыми сотрудничают ШД.

Почему Левый союз в Финляндии оказался на подъеме?

Успех Левого союза в Финляндии на европейских выборах удивил не только политических обозревателей, но и членов самой партии, назвавших свой триумф историческим. В чем причины такого электорального взлета?

Левые в политической жизни Финляндии – явление стабильное, и представлены они в парламенте не только Левым союзом, но Социал-демократической партией и Зелеными. Существуют еще небольшие общественно-политические группы, ведущие свое родство от прежних, некогда сильных и влиятельных Коммунистической партии Финляндии и Демократического союза народа Финляндии. Их члены в основном и составили с конца минувшего столетия основу Левого союза. В повестке дня нынешних левых партий: мир и права человека, проблемы социальной справедливости, борьба с изменениями климата, социальная экономическая политика в интересах народа. Мало различим и состав электората этих партий. Сдвиг социал-демократической партии вправо, к либерализму, в последние десятилетия побуждает ее прежних избирателей, столкнувшихся с ухудшением социального положения, искать адекватную их надеждам политическую платформу. Они часто находят ее в Левом союзе, который становится все более привлекательным для них. Речь, в первую очередь, идет о части финской интеллигенции с левыми взглядами. Неслучайно, именно в пяти крупнейших университетских городах страны ЛС увеличил свою долю голосов с 10,3 до 23,4%, тогда как социал-демократы набрали в этих городах всего 12,9% голосов [Pietiläinen, 2024]. В 2024 г. ЛС на выборах в ЕП во второй раз получил больше голосов, чем социал-демократы (первый раз в первом туре президентских выборов в январе 2024 г).

По опросам общественного мнения, более 60% избирателей социал-демократов и зеленых заявили, что также могли бы проголосовать за ЛС, то же самое относится и к избирателям Левого союза по отношению к социал-демократам и зеленым [Pietiläinen, 2024]. Отсутствие высоких барьеров между этими политическими силами предоставляет легкую возможность перетекания электората в зависимости от искусства политического маневрирования партийных лидеров и их харизматичности.

На выборах в Европарламент судьба благоприятствовала ЛС неслучайно: партию возглавляла молодая, но уже опытная и популярная председатель Левого сою-

за с 2016 г. Ли Андерссон¹. Личность политика имеет большое значение в Финляндии, что показала карьера премьер-министра Санни Марин и недавние выборы президента страны. Ли Андерссон получила 78% голосов, отданных за представителей ЛС, и в Финляндии она стала самым популярным кандидатом на европейских выборах в истории. 247 723 голоса за кандидатуру Л. Андерссон – наивысший показатель среди всех кандидатов [Pietiläinen, 2024]. У Л. Андерссон амбициозные планы активизировать и модернизировать работу фракции Левых в Европарламенте, усилить сотрудничество европейских левых партий. Особое внимание она уделяет консолидации левых сил Северных стран, но отдает себе отчет в том, что разногласия между левыми партиями в ЕП по вопросам внешней политики и безопасности значительно больше, чем на национальном уровне. Л. Андерссон относится к числу наиболее решительных критиков СВО и, в отличие от некоторых лидеров европейских левых партий, выступает за предоставление военной помощи Украине [Lindroos, 2024]. Пока это достаточно популярная позиция в Финляндии, соответствующая настроениям значительных слоев общества, и Л. Андерссон пользуется бесспорной поддержкой со стороны членов ЛС и избирателей. Согласно соцопросу, 58% сторонников Левого союза готовы «отправить солдат на Украину в случае, если она будет проигрывать войну» [Pietiläinen, 2024].

Вместе с тем в интервью левому журналу Jacobin Л. Андерссон специально подчеркнула, что члены партии и прежде всего ее молодые избиратели выступают за осуждение действий Израиля в секторе Газа, считая их грубым нарушением международного права: «Это такой нелогичный способ действия: сначала требовать, чтобы все присоединилось к осуждению России, но затем отказываться делать то же самое, когда дело касается Израиля» [Dite, 2024]. Левый альянс призвал к экономическим санкциям против Тель-Авива, к заморозке Соглашения о свободной торговле между ЕС и Израилем как способу оказать давление на Израиль, а также поддержке инициативы Ирландии и Испании о приостановке Соглашения об ассоциации с еврейским государством.

Что касается позиции ЛС по проблеме вступления в НАТО, то, несмотря на определенные колебания в выработке позиции по данному вопросу², большинство ее членов проголосовало в 2022 г. за вступление в альянс. Однако из-за разного отношения членов партии и ее сторонников к этому вопросу было принято решение о свободном голосовании, что вызвало резкую критику в правой прессе. Такое решение, по словам Л. Андерссон, позволило членам партии «конструктивно не согласиться» с большинством и соблюсти принцип доверия.

Вступление в НАТО неизбежно внесло в повестку дня еще ряд важнейших проблем. Прежде всего, речь идет о возможном размещении на территории Финляндии

¹ Ли Андерссон, депутат финского парламента с 2015 по 2024 гг., занимала пост министра образования в правительстве С. Марин с 2019 по 2023 гг. В 2024 г. стала членом Европарламента.

² До 2022 г. ЛС был противником вступления в НАТО.

и транспортировке ядерного оружия¹, о военных базах США, участии в операциях за пределами страны. Левый союз активно оппонирует правым партиям, допускающим размещение ядерного оружия, и тут мнение консолидировано. Он выступает за неизменность закона страны, запрещающего импорт и хранение ядерного оружия на финской территории. В интервью Л. Андерссон Фонду Розы Люксембург, звучит нотка извинения за решения, принятые ЛС и противоречащие антимилиитаристским и антивоенным настроениям финнов. «Мы были вынуждены занимать позиции по вопросам, которые мы бы не хотели занимать», и продолжает: «пока идет война на Украине, всегда есть риск эскалации, а это значит, что европейские страны должны не только поддерживать Украину – в том числе оружием, но и думать о вопросах обороны» [Andersson, Fertl, 2024]. Вместе с тем она подчеркнула необходимость усиления дипломатических методов разрешения нынешних конфликтов.

Политика безопасности, несомненно, одна из важнейших составляющих программы действий ЛС, как и других парламентских партий, которые по проблеме отношения к украинским событиям и по вопросам, связанным со вступлением страны в НАТО, выработали консенсусное решение.

Дискуссии по внутриполитическим вопросам

По внутриполитической повестке имелись глубокие межпартийные разногласия. Левый союз именует себя экосоциалистической партией, что означает сочетание «зеленой» и «красной» составляющих: экологической и климатической программы с традиционными подходами левых в рамках демократического социализма: политика на рынке труда, инвестиции в институты социального страхования, справедливое распределение доходов, равноправие женщин и т. д. В условиях, когда у власти находится правое правительство, основу которого составляют две партии – Национальная коалиционная партия и «Истинные финны», а оппозиционная Социал-демократическая партия с ее дрейфом вправо переживает не лучшие времена, ЛС позиционирует себя в качестве альтернативной силы. Подобный процесс можно наблюдать и в Швеции, где Левая партия ставит вопрос о вхождении в правительство в случае победы красно-зеленых на следующих выборах.

Главным антагонистом Левого союза в вопросе идеологии и политической практики являются «Истинные финны», которые занимают ключевые позиции в правительстве и сотрудничают с традиционными правыми партиями. Именно поэтому в предвыборную кампанию в Европарламент Левый союз стремился разъяснить, что опыт Финляндии должен служить предостережением для других стран ЕС, в которых наблюдается схожая тенденция усиления правого радикализма. В Финляндии, утверждают идеологи ЛС, «мы видим беспрецедентные атаки на профсоюзы и рабочих на национальном уровне с жесткими мерами строжайшей

¹ При вступлении в НАТО Финляндия не оговаривала специальные условия по размещению ядерных вооружений. Это дает сторонникам размещения некую фору и вызывает протесты антивоенных сил.

экономии в сфере социального обеспечения и здравоохранения, с понятным движением в политике по климату и окружающей среде» [Andersson, Fertl, 2024]. «Истинные финны» давно не являются «партией одного вопроса», не ограничиваются проблемой иммиграции, к которой правительство ныне применяет лекала националистов. Направленность его социальной политики определяет министр финансов Р. Пурра (ее часто именуют второй М. Тэтчер) – жесткая поборница курса на сокращение социальных расходов.

Правые партии критиковали предыдущее правительство С. Марин за беспрецедентно высокий государственный долг, и правительство П. Орпо с самого начала объявило своим приоритетом его сокращение¹. В данных обстоятельствах активизировались «Истинные финны». Они потребовали сокращения государственного бюджета на 5,5 млрд евро (что в дальнейшем оказалось недостаточным), прежде всего за счет социальных пособий и реформ в сфере труда. Правые давно стремятся реформировать базовые элементы скандинавской социально-экономической модели, в соответствии с которой вопросы трудовой жизни, в частности оплата и условия труда, при заключении коллективных договоров решаются профсоюзами и союзами предпринимателей при сохранении роли государства как наблюдателя. Законодательное изменение этой системы вызывает сопротивление финских профсоюзов, способных противостоять консолидированной воле предпринимателей. Кроме того, профсоюзы выступают против передачи коллективных переговоров на низовой уровень, так как это может привести к ревизии национальных коллективных соглашений не в пользу трудящихся. Часто на малых предприятиях профсоюзы отсутствуют, и это облегчает принятие условий, выдвинутых работодателями. Тогда решающее слово остается за юристами, формально занятыми согласованием интересов, но нередко занимающими позицию в пользу предпринимателей.

С формированием коалиционного правительства П. Орпо началось активное наступление на социальные права трудящихся. Прежде чем приступить к обсуждению реформ, ставивших целью сокращение социальных расходов, правительство решило ограничить право на политические забастовки, штраф за участие в которых составляет 200 евро с физического лица и 10 000–150 000 евро с профсоюзной организации. Оговаривалось и время участия в забастовке: в течение года можно участвовать лишь в одной, длительность которой ограничена 24 часами.

В случае болезни заработная плата не выплачивается за первый день заболевания; для увольнения работающего достаточно «веской причины» без объяснения мотивов; на предприятиях усиливается контрактная система; обязательство о трудоустройстве увольняемых не распространяется на предприятия с менее чем 50 занятых [Walder, 2024]. Реформы ведут к ухудшению материального положения работников: трудовой стаж для получения пособия, исчисляемого из суммы

¹ Долг составил к концу 2023 г. 75,8% ВВП, а в конце второго квартала 2024 г. уже 80% ВВП (рост больше, чем в какой-либо стране ЕС). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/w/2-22102024-bp> (дата обращения: 30.10.2024).

заработка, должен быть увеличен, пособия по безработице и на жилье – сокращены [Walder, 2024]. Одной из характерных черт государства всеобщего благосостояния стран Северной Европы являлось наличие значительного государственного сектора социальных услуг. Приватизация системы здравоохранения и социального обеспечения вслед за Швецией началась и в Финляндии. Такая социальная политика спровоцировала политические забастовки, которые буквально парализовали на долгое время жизнь в стране. До прихода нынешней власти они были редкостью в Финляндии. С июня 2023 г. произошло больше политических забастовок, чем за последние 30 лет.

Успехи Левого союза на евровыборах, в результате которых увеличилось число депутатов до трех членов во фракции Левых в Европарламенте (вместо одного на выборах 2019 г.), и рост авторитета в стране партия объясняет ее активным противодействием правительственной программе. Вместе с тем ЛС признает, что в целом силы левых разобщены и пока рано говорить о существенных сдвигах в Финляндии в пользу левого движения.

Выводы

В последние годы в Швеции и Финляндии произошли значимые перемены, которые продиктованы как внутренними причинами, так и внешними обстоятельствами. Поскольку обе страны давно и неуклонно придерживаются демократических принципов, все изменения в жизни людей и их оценки деятельности политиков лучше всего фиксируются на выборах. Имеет значение голосование на всех уровнях – муниципальном, национальном и европейском, но их результаты различаются. Они следуют общему тренду, но со зримыми вариациями. Поэтому для исследователей равно важны все стороны электорального процесса, на всех его этапах. Последние выборы в Европарламент предоставляют ценный материал для характеристики настроения населения в данных странах.

Финляндский вариант показывает, что, как и в Швеции, происходит укрепление флангов политического спектра. Правые радикалы наращивают свое влияние за счет ослабления центра. Растет потенциал и левых сил, переживавших нелегкие времена после кризиса и крушения коммунистических режимов в Европе в конце XX века. Они пока в дисперсном состоянии, но их шансы растут. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, ростом угрозы справа. Если центр размягчается и уступает давлению правых, то левые снова, как и не раз случалось в истории, оказываются силой, готовой к защите не только своих опорных представлений (социализм, коммунизм, анархизм, синдикализм), но и общедемократических ценностей. Неслучайно левые на выборах, по мнению многих социологов, получили наибольшую поддержку в университетских городах, где концентрируется интеллигенция, и в индустриальных центрах, где трудящиеся в наибольшей степени испытывают наступление капитала и власть имущих на свои права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Плевако Н.С. (2023) *Парламентские выборы в Финляндии 2023 года*. Европейская аналитика 2023. Москва. С. 112–123.

Плевако Н.С., Бабынина Л.О., Скрипка И.Р. (2023) *Политические процессы в странах Северной Европы в конце 2010-х – начале 2020-х гг.* Европа в глобальной пересборке. Москва. С. 122–144.

Топорикова Я. (2024) *Выборы в Европарламент-2024: эпохальное событие или череда закономерностей?* Актуальные комментарии. ИМЭМО. 17.06.2024. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vibori-v-evroparlament-2024-epochalnoe-sobitie-ili-chereda-zakonovernostey> (дата обращения: 30.10.2024).

Энтин М., Энтина Е. (2024) *Прогноз итогов выборов в Европарламент – 2024*. РСМД 23.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prognoz-itogov-vyborov-v-evroparlament-2024/> (дата обращения: 30.10.2024).

Andersson L., Fertl D. (2024) *Opposing Finland's Thatcherist Turn*. Interview 16.05.2024. Rosa Luxemburg Stiftung. URL: <https://www.rosalux.de/en/news/id/52044/opposing-finlands-thatcherist-turn> (дата обращения: 30.10.2024).

A Strong and Committed Finland Programme of Prime Minister Petteri Orpo's Government. (2023) 20 June 2023 Publications of the Finnish Government. 2023:60.

Dite C. (2024) *In Finland, the Left Alliance Just Trowned the Far Right. An interview with Li Andersson*. Jacobin. 12.06.2024. URL: <https://jacobin.com/2024/06/finland-left-alliance-european-elections> (дата обращения: 30.10.2024).

Lindroos I. (2024) *Röstmagneten som chockade Finland. Dagens Nyheter*. 12.06.2024. URL: <https://www.dn.se/varlden/rostmagneten-som-chockade-finland/> (дата обращения: 30.10.2024).

Pietiläinen J. (2024) *A Post-electoral Analysis of the 2024 European Elections in Finland*. Transform Europe. 26.06.2024. URL: https://transform-network.net/blog/_ep-2024-elections-the-left-wing-observatory_/a-post-electoral-analysis-of-the-2024-european-elections-in-finland/ (дата обращения: 30.10.2024).

Publications of the Finish Government. (2023) A strong and committed Finland Programme of Prime Minister Petteri Orpo's Government 20 June 2023.

Rauno T. (2023) *Parliamentary Elections in Finland*, 2 April 2023. 2023. Groupe d'études géopolitiques. URL: <https://geopolitique.eu/en/articles/parliamentary-election-in-finland-2-april-2023/> (дата обращения: 30.10.2024).

Walder C. (2024) *Varför strejkar facken mot rgeringens politik? Vi förklarar i tre punkter*. Svenska. Yle. 31.01.2024. URL: <https://svenska.yle.fi/a/7-10050233> (дата обращения: 30.10.2024).

The Scandinavian “Left turn” in the European Parliament Elections 2024: the Finnish Case

N.S. Plevako

*Candidate of Sciences (History),
Head of the Centre for Northern Europe Studies,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.
E-mail: natalia_plevako@mail.ru*

Abstract. The article explores the political processes of recent years in several Scandinavian countries. The author shows how, following the rise of the right-wing radical and nationalist movement and the weakening of centrist forces, left-wing political parties reemerged. The main focus is on the left segment of the political spectrum in Finland (and partly in Sweden). During the elections to the European Parliament the consolidated Left, for the first time after a long break, achieved impressive results. Using various sources and taking into consideration economic, social, political, ideological context of the emerging Left the turn in Finnish life is considered. It is revealed how the new alignment of political forces in Finland has created a situation where the center-right parties are increasingly yielding to the pressure of nationalists, and the main factor in opposing the further shift to the Right of the entire Finnish state machine is the Left. It is also demonstrated that socio-political contradictions are growing as long as the economic situation worsens and the current authorities' cuts budget allocations for social needs and introduces restrictive measures that directly affect the interests of significant masses of the working population. Although the previous block system, which allowed tactical cooperation has ceased, a new one has not yet been created.

Keywords: European Parliament, Left Union, True Finns, Social Democratic Party of Finland, Greens, Li Andersson

DOI: 10.31857/S0201708324070052

REFERENCES

- Andersson L., Fertl D. (2024) *Opposing Finland's Thatcherist Turn*. Interview 16.05.2024. Rosa Luxemburg Stiftung. URL: <https://www.rosalux.de/en/news/id/52044/opposing-finlands-thatcherist-turn> (accessed: 30.10.2024).
- A strong and committed Finland Programme of Prime Minister Petteri Orpo's Government*. (2023) 20 June 2023 Publications of the Finnish Government. 2023:60.
- Entin M., Entina E. (2023) *Prognoz itogov vyborov v Evroparlament-2024* [Forecast of the results of the elections to the European Parliament – 2024]. PSMD. 23.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prognoz-itogov-vyborov-v-evroparlament-2024/> (accessed: 30.10.2024). (In Russian).
- Dite C. (2024) *In Finland, the Left Alliance Just Trowned the Far Right. An interview with Li Andersson*. Jacobin. 12.06.2024. URL: <https://jacobin.com/2024/06/finland-left-alliance-european-elections> (accessed: 30.10.2024).
- Lindroos I. (2024) *Röstmagneten som chockade Finland. Dagens Nyheter*. 12.06.2024. URL: <https://www.dn.se/varlden/rostmagneten-som-chockade-finland/> (accessed: 30.10.2024).
- Pietiläinen J. (2024) *A Post-electoral Analysis of the 2024 European Elections in Finland*. Transform Europe. 26.06.2024. URL: https://transform-network.net/blog/_ep-2024-elections-the-left-wing-observatory_/a-post-electoral-analysis-of-the-2024-european-elections-in-finland/ (accessed: 30.10.2024).
- Plevako N. (2023) *Parlamentskiye vybory v Finlandii 2023 goda* [Parliamentary elections in Finland in 2023]. Evropejskaya Analitika 2023. Moscow, Russia, pp. 112–123. (In Russian).

Plevako N., Babynina L., Skripka I. (2023) *Politicheskiye protsessy v Severnoj Evrope v kontse 2010 – nachale 2020 godov* [Political processes in the Nordic countries in the late 2010s – early 2020s]. *Evropa v globalnoj peresborke*, pp. 122–144. (In Russian).

Publications of the Finish Government. (2023) A strong and committed Finland Programme of Prime Minister Petteri Orpo's Government 20 June 2023.

Rauno T. (2023) *Parliamentary Elections in Finland*, 2 April 2023. 2023. Groupe d'études géopolitiques. URL: <https://geopolitique.eu/en/articles/parliamentary-election-in-finland-2-april-2023/> (accessed: 30.10.2024).

Toporikova J. (2024) *Vybory v Evroparlament 2024: epokhalnoje sobytije ili chereda zakonornostej?* [Elections to the European Parliament-2024: an epoch-making event or a series of patterns?]. Aktualnije komentarii. IMEMO. 17.06.2024. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vibori-v-evroparlament-2024-epohalnoe-sobitie-ili-chereda-zakonornostey> (accessed: 30.10.2024). (In Russian).

Walder C. (2024) *Varför strejkar facken mot rgeringens politik? Vi förklarar i tre punkter*. Svenska. Yle. 31.01.2024. URL: <https://svenska.yle.fi/a/7-10050233> (accessed: 30.10.2024).

УДК 327, 328, 329

ЕВРОПЕЙСКИЕ ВЫБОРЫ С НЕМЕЦКИМ АКЦЕНТОМ¹

© 2024 ТИМОШЕНКОВА Екатерина Петровна

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Отдела социальных и политических исследований,

Институт Европы Российской академии наук

125009, Россия, Москва, ул. Моховая 11-3

E-mail: katerinatim@mail.ru

Поступила в редакцию 26.10.2023

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В статье проанализированы итоги выборов в Европейский парламент и их последствия для внешней политики ЕС в отношении России и Украины. Автор рассматривает ЕС как один из глобальных центров силы в международной политике, от позиции которого зависит не только развитие украинского конфликта, но и будущий мировой порядок. С точки зрения российских интересов очень важно понимать, какие партийно-политические силы будут влиять на принятие решений в Евросоюзе в ближайшие пять лет. В работе дан анализ партийного расклада в Европарламенте 2024 г., роли правых партий, их позиций по украинскому вопросу. Автор рассматривает позицию председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и ее основные принципы в выборе союзников. Значительное внимание в статье уделено исследованию внешнеполитической стратегии ЕС, экспертной оценке будущих отношений с США, влиянию избрания Д. Трампа на распределение ролей внутри «коллективного Запада», дальнейшим шагам Германии.

Ключевые слова: ЕС, Германия, Россия, НАТО, центры силы, мировой порядок, Европейский парламент, ультраправые партии, земельные выборы в Германии, Альтернатива для Германии, Союз Сары Вагенкнехт, выборы в Бундестаг

DOI: 10.31857/S0201708324070064

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Европейский союз как центр глобальной силы играет важную роль в мировой политике. От его позиции зависит не только развитие событий на Европейском континенте, но и будущая система международных отношений. С 6 по 9 июня 2024 г. в ЕС состоялись выборы в Европейский парламент (ЕП). Их итоги можно анализировать по-разному: с точки зрения стабильности и устойчивости европейской системы; актуальных для европейского избирателя тем, и, следовательно, выявления насущных и потенциальных проблем в развитии ЕС; расстановки партийно-политических сил в парламенте и роли отдельных стран¹. В современных международных условиях, когда вопросы внешней политики и внутреннего развития тесно переплетены, несомненно, важно понимать, кто и как будет определять политику ЕС в ближайшие пять лет, его внешнеполитическую и военную стратегию, отношения с Россией и позицию в украинском вопросе. Среди многочисленных исследований по данной теме особенно следует выделить монографические работы Института Европы РАН и Института мировой экономики и международных отношений РАН. Они последовательно на протяжении многих лет изучают развитие ЕС в динамике, сочетая проблемно-хронологический и страновой подходы².

Выборы в ЕП как протест против национальных элит

Европейские политологи традиционно считают, что выборы в Европарламент не имеют принципиального значения для граждан, т. к. находятся на втором и третьем месте по значимости после национальных выборов федерального и коммунального масштаба. Эту точку зрения подтверждают опросы общественного мнения и невысокая явка избирателей [Neu V., Roose J., 2024: 1–3]. В 2024 г. она составила 50,74%³. Из-за недооцененной значимости ЕП и упрощенного понимания его роли граждане часто используют эти выборы для демонстрации своего недовольства национальным правительствам. Итоги евровыборов воспринимаются, скорее, как тест популярности национальных партий и отношения к национальным элитам [«Wahl-Beben», 2024].

В этот раз неприятный сюрприз от избирателей получили лидеры локомотива ЕС: Германия и Франция, а также Бельгия. В этих странах правопопулистские силы обогнали правящие партии, нанеся существенный урон их имиджу. Правое «Национальное объединение» Марин ле Пен набрало вдвое больше голосов (31,4%), чем партия президента Э. Макрона «Возрождение» (14,5%). Немецкая Социал-демократическая партия канцлера О. Шольца продемонстрировала худший результат в истории (13,9%), пропустив вперед оппозиционных христианских демократов (30%) и ультраправую «Альтернативу для Германии» (15,9%). Предпоследней в

¹ См.: [Семенова, 2024: 248–257; Гуселетов, 2024: 68–81; Чернега, 2024: 26–32; Доманов, 2024: 77–87; Белов, 2024: 42–54; Крапивницкая, 2024: 25–36].

² См.: [Европа в глобальной пересборке, 2023; Европа между трех океанов, 2019; Невоенные угрозы безопасности ЕС, 2023; Европейский Союз на перепутье..., 2016].

³ Wahlbeteiligung nach Land. Ergebnisse der Europawahl 2024. Europäische Union. Europäisches Parlament. URL: [www.https://results.elections.europa.eu/de/](https://results.elections.europa.eu/de/) (дата обращения: 19.09.2024).

избирательной гонке пришла и партия премьер-министра Бельгии А. Де Коро¹. Отношение правящих элит к выборам в ЕП во многом зависит от особенностей национальной политической культуры. Так, правительство Бельгии сразу же подало в отставку. Французский президент объявил о роспуске Национальной ассамблеи и назначил новые выборы в конце июня. Немцы же по своей природе ценят стабильность и не склонны рисковать потерей власти. Для них гораздо важнее исход земельных выборов на востоке страны. Поражение правительственных партий в ведущих странах ЕС Германии и Франции послужило поводом для восточноевропейских стран заявить о себе с большей силой. Теперь им легче позиционировать себя в качестве стабильных и надежных игроков и требовать дополнительного внимания, хотя у них меньше мандатов в ЕП².

Судьбоносный характер выборов в ЕП 2024 г.

Выборы в Европарламент 2024 г. имели особое значение не только для ЕС в целом и для каждой из стран-участниц, но и для мировой политики. Не случайно бывший глава европейской дипломатии Ж. Боррель сравнил их с выборами президента в США и назвал судьбоносными³. Впервые после завершения холодной войны выборы в ЕП проходили на фоне открытого военного конфликта в центре Европы в условиях жесткой конфронтации коллективного Запада с Россией. ЕС не только ввел экономические санкции против нашей страны, поддерживает Украину финансово, но и поставляет оружие, обучает украинских военных, размышляет об отправке собственного военного контингента. Фактически он представляет партию войны в этом конфликте. И от того, какие силы окажутся в ЕП, зависит дальнейшая стратегия ЕС в этом принципиально важном для Европейского континента вопросе. Политики на первый план старались выдвинуть вопросы экологии и иммиграции, но позиционирование партий по отношению к Украине и России имело принципиальное значение.

К тому же участие в военном конфликте, экономические последствия пандемии коронавируса и одновременная экологическая перестройка дорого обходятся простым европейским гражданам, недовольство которых выливается в масштабные забастовки. Начало 2024 г. стало особенно тяжелым для Германии и Франции, фермеры которых с протестами вышли на улицы. Подобные настроения и страхи избирателей хорошо понимают и используют оппозиционные силы, прежде всего, правого спектра. По данным Европейского совета по международным отношениям,

¹ Verfügbare Ergebnisse nach Mitgliedstaat. Ergebnisse der Europawahl 2024. Europäische Union. Europäisches Parlament. URL: [www.https://results.elections.europa.eu/de/](https://results.elections.europa.eu/de/) (дата обращения: 19.09.2024).

² Распределение мест в парламенте зависит от численности населения страны. Согласно этому правилу больше всего мандатов получает Германия, за ней следуют Франция, Италия, Испания, Польша. Замыкают этот ряд Кипр, Мальта и Люксембург. (Прим. авт.).

³ EU foreign policy chief fears rightwing surge in June elections. 24.12.23. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/24/eu-foreign-policy-chief-fears-rightwing-surge-in-june-elections> (дата обращения: 19.09.2024).

ультраправые партии могли стать самой большой политической силой в ЕС: в трети стран им прогнозировали первое место, еще в одной трети – второе или третье¹. Именно их взлета больше всего боялись европейские элиты. Поэтому призывы к борьбе с правами популистами, действительно, носили судьбоносный характер и были главным лейтмотивом избирательной кампании во многих государствах, особенно в Германии.

Ситуация оказалась настолько серьезной, что ряд экспертов порекомендовали Урсуле фон дер Ляйен не исключать возможность сотрудничества с правыми игроками в будущем. Они предложили придерживаться следующих критериев при выборе союзников: правые партии должны уважать демократию и правовое государство, быть «проевропейскими» и «проукраинскими», то есть поддерживать ЕС и НАТО, выступать на стороне Украины в конфликте с Россией². Разработанная накануне выборов в ЕП формула взаимодействия с правыми партиями будет применяться и после. Она вполне может стать универсальной и распространиться на новые политические образования любого идеологического спектра.

Итоги выборов в Европарламент сенсацией не стали. Правые силы добились серьезного успеха и значительно увеличили свое представительство в ЕП. Однако выиграли эту избирательную гонку представители политического мейнстрима, прежде всего, консервативного блока. Победителем оказалась правоцентристская фракция «Европейская народная партия» («EVP») – 186 мест, которую на уровне ЕС представляет глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен. Социал-демократы («S&D») заняли второе место – 135 мест, фракция либералов «Обновляя Европу» («Renew Europe») получила 79 мандатов. Серьезное поражение в этот раз потерпели «Зелёные» – 53 депутата (-19). «Левые» могут отправить в ЕП всего 35 представителей (-2)³. Правым и ультраправым силам удалось завоевать более 20% от общего количества мест в парламенте – практически четверть. Этого результата недостаточно, чтобы определять политику, но вполне хватит, чтобы расставлять акценты и выступать ситуативными союзниками для консервативного центра. Таким образом, резкого поворота вправо не произошло несмотря на возросшее недовольство европейского населения политикой Брюсселя.

¹ Согласно результатам социологического исследования Европейского совета по международным отношениям (ECFR) ультраправые партии могли стать самой сильной силой в Бельгии, Франции, Италии, Нидерландах, Австрии, Польше, Словакии, Чехии и Венгрии. Прийти к финишу на выборах в ЕП вторыми или третьими в Болгарии, Германии, Эстонии, Финляндии, Латвии, Португалии, Румынии, Испании и Швеции. Цит. по: Kevin Cunningham, Simon Hix, Susi Dennison, Imogen Learmonth: A sharp right turn: A forecast for the 2024 European Parliament elections. URL: [www.http://ecfr.eu](http://ecfr.eu) (дата обращения: 23.03.2024).

² Europa auf dem Weg nach recht (III) 11.06.24. URL: [www.http://german-foreign-policy.com](http://german-foreign-policy.com) (дата доступа 12.06.2024), Vasques E.: Von der Leyen ponders conservatives parties joining centre-right in next EU Parliament. URL: [www.http://euractiv.com](http://euractiv.com) (дата обращения: 22.02.2024).

³ Europäisches Parlament 2024–2029. Konstituierende Sitzung. Ergebnisse der Europawahl 2024. Europäische Union. Europäisches Parlament. URL: [www.https://results.elections.europa.eu/de/](https://results.elections.europa.eu/de/) (дата обращения: 19.09.2024).

«Правый лагерь» в Европейском парламенте

Правый лагерь в новом парламенте представляют несколько групп. Это «Европейские консерваторы и реформисты» (EKR) – 73 мандата, «Идентичность и демократия» (ID) – 58 мест¹. В первой тон задает партия итальянского премьер-министра Д. Мелони «Братья Италии», а также польская «Право и справедливость». Во второй доминирует французское «Национальное объединение» Марин Ле Пен. К ней присоединились Австрийская партия свободы и итальянская «Лига». Немецкая правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» оказалась после оглашения результатов выборов вне фракций, т. к. Марин Ле Пен исключила возможность кооперации с ней. Однако «АдГ» удалось договориться о создании новой парламентской группы «Европа суверенных наций»². Премьер-министр Венгрии В. Орбан сформировал объединение «Патриоты за Европу» (84 депутата), которое стало третьим по величине в ЕП³.

Ситуация с образованием групп в правом лагере демонстрирует нам главную проблему евроскептиков – отсутствие единства. Они не только преследуют разные национальные интересы, отличаются по целям, ради которых стремятся в Европарламент, но и расходятся по ряду принципиальных вопросов. Особенно это заметно на примере отношения к России. Премьер-министр Дж. Мелони и «Право и справедливость» всецело поддерживают Украину. Венгерская партия «Фидес» во главе с В. Орбаном, Австрийская партия свободы и «Альтернатива для Германии» выступают за прекращение конфликта. Лидер французского «Национального объединения» Марин Ле Пен, которая с пониманием относилась к российской политике, накануне выборов изменила свою позицию, что связано с ее личными президентскими амбициями.

Учитывая «формулу У. фон дер Ляйен» о принципах сотрудничества с правыми партиями, можно сделать вывод: если европейские партии стремятся к признанию в ЕП, они должны занять проукраинскую позицию – заплатить за участие в большой политике. Именно этот фактор повлиял на избирательную кампанию Марин Ле Пен и на ее отказ от союза с немецкой «АдГ». Депутаты «Альтернативы» и раньше выступали с громкими компрометирующими заявлениями. Высказывание ее главного кандидата на евровыборах М. Краха о том, что не все, кто служил в «СС» во время Второй мировой войны были преступниками, послужило скорее поводом для расставания с неудобным и непредсказуемым партнером [«Krah über die SS», 2024].

¹ Europäisches Parlament 2024–2029. Fraktionen im Europäischen Parlament URL: <https://results.elections.europa.eu/de/wahlergebnisse/2024-2029/> (дата обращения: 19.09.2024).

² В новую фракцию «Европа суверенных наций» входит 28 депутатов из девяти стран, половина из которых представители «АдГ» (Прим. авт.).

³ «"Альтернатива для Германии" создаст новую фракцию в Европарламенте», URL: www.ria.ru/20240710/evroparlament-1958759155.html?ysclid=mltb5zzfqu826889163 (дата обращения: 10.07.2024).

На протяжении всей избирательной гонки «АдГ» активно критиковали СМИ. Она уверенно занимала вторую, а иногда и первую строчку в рейтинге популярности немецких партий и поэтому стала главной мишенью для всех политических игроков. Массивная информационная атака и обвинения некоторых ее лидеров в связях с Россией и Китаем, шпионаже и получении денежных вознаграждений от Москвы негативно отразились на ее имидже и повлияли на результаты выборов. Тем не менее немецкие ультраправые смогли прийти к финишу вторыми (15,9%), а в некоторых восточных землях ФРГ за них проголосовало более 30% жителей [Neu, Roose, 2024: 3].

Причины победы этаблированных партий заключаются не только в эффективности их призыва объединиться против правых популистов, но и в определенной степени в психологии европейских избирателей, которые не готовы к резким переменам. Быстрая смена политической повестки не приносит уверенности в завтрашнем дне. Анализ значимости тем для европейских избирателей показывает, что на первом месте находились вопросы социальной безопасности и мира, на втором – ограничение иммиграции и только затем – защита окружающей среды [«Analyse der Europawahl», 2024: 14]. Речь идет, скорее, о разочаровании значительной части населения в зеленом курсе Брюсселя. Разумеется, вопросы социальной защищенности и стабильности были в приоритете при голосовании. Итоги выборов продемонстрировали: рядовые граждане понимают, что в условиях кризисов лучше быть в составе ЕС, хотя и начинают сомневаться в его способности быть весомым и самостоятельным игроком на международной арене [«Die Stimmung vor der Europawahl», 2024: 13].

Успех правых сил на выборах в ЕП значительно усложнил планы У. фон дер Ляйен на переизбрание – одной из самых спорных и скандальных руководящих фигур в ЕС. Ей официально было выдвинуто обвинение в совершении махинаций, связанных с покупкой вакцины против COVID-19 в 2021 г. у американской компании *Pfizer*. Она не только совершила сделку по завышенной цене без согласования со структурами ЕС, но закупила гораздо больше доз, чем было необходимо. В результате часть вакцины впоследствии пришлось уничтожить, что нанесло ущерб бюджету Евросоюза. Расследование было приостановлено, ее переписка по данному вопросу исчезла. Тем не менее У. фон дер Ляйен не просто представитель системы – проевропейской и проатлантической, она во многом выступает ее гарантом на современном этапе.

Будучи главным кандидатом от партии-победителя на этих выборах, она заранее объявила о своем желании продолжить возглавлять Еврокомиссию. Для этого было необходимо выиграть два раунда: в Европейском совете и ЕП. Однако для организации голосования в парламенте нового созыва в поддержку своей кандидатуры У. фон дер Ляйен были нужны дополнительные голоса зеленых или ультраправых. При этом экологи понимали, что на повестке дня ужесточение борьбы с нелегальными беженцами, а не вопросы климата. Союз с ультраправыми вызвал бы недовольство не только Европейской народной партии, но и ее союзников: социал-демократов и либералов. 18 июня 2024 г. за действующую главу Еврокомиссии

проголосовали 401 депутата против 281, что означало объединение партий политического мейнстрима против блока правых¹.

Однако говорить о формировании эффективного инструмента борьбы с ультраправыми силами в ЕП преждевременно. Преодолев важный этап в карьере, У. фон дер Ляйен еще прибегнет к помощи правых партий для достижения своих целей. К тому же ее неаккуратность в финансовых вопросах, тесная связь с американскими компаниями и тянувшийся за ней шлейф скандалов могут стать главной мишенью для критики оппозиции и серьезной проблемой в будущем. Сразу после выборов председатель ЕК пообещала, что парламент будет проевропейским и проукраинским. Это заявление следует расценивать как оглашение главных приоритетов ЕС во внешней политике.

ЕС, Германия и украинский вопрос

Итоги выборов в Европарламент показали, что в ЕС победили политические силы, которые последовательно осуществляют антироссийский курс и готовы на обострение украинского конфликта. Значительное влияние на позицию ЕС в этом вопросе оказывают США. Поэтому американские выборы 5 ноября 2024 г. судьбоносны и для Европейского континента. Кандидат от Демократической партии вице-президент США К. Харрис, с точки зрения Брюсселя, была более надежным и предсказуемым партнером, чем избранный президентом республиканец Д. Трамп. Однако анализ усилий со стороны ЕС во внешней политике и обороне свидетельствует о том, что европейские лидеры готовились играть ведущую роль в поддержке Украины независимо от того, кто займет президентское кресло в Вашингтоне. Согласно подсчетам Института мировой экономики г. Киля (ФРГ), Европа (ЕС, Исландия, Норвегия, Швейцария и Британия) с февраля 2022 г. опережает США по объему выделенных пакетов помощи Киеву. По состоянию на 30 апреля 2024 г. европейцы предоставили 102 млрд евро – примерно на 25% больше США (74 млрд евро). Ведущее место среди них занимает ЕС (35,49 млрд) и, в частности, Германия (13,71 млрд). При этом американцы лидируют в оказании военной поддержки Украине (50,37 млрд евро, что на 2,5 млрд больше европейских стран) [Ukraine Support Tracker, 2024].

Эксперты немецкого фонда Науки и политики (Stiftung Wissenschaft und Politik) уверены, что в современных условиях новый американский президент независимо от его партийной принадлежности продолжит перекладывать на Брюссель военные и финансовые издержки участия в украинском конфликте [Kaim M., Kempin R., 2024: 1]. США отдадут приоритет во внешней политике борьбе с основным системным противником Китаем². Бывший глава Белого дома Барак Обама в 2011 г. подчеркивал, что Америка не может позволить себе вести две войны одновременно и

¹ EU-Kommissionspräsident:in 2024. Ursula von der Leyen erhält zweite Amtszeit. URL: <https://www.europawahl-bw.de/eu-kommissionspraesident> (дата обращения: 16.06.2024).

² Эту точку зрения представляют и другие немецкие эксперты, например: [Effenberger, 2023; Auernheimer, 2024; Münkler, 2015].

рассматривал возможную эскалацию на Украине как «периферийную войну в восточных предгорьях Европы», которая не оправдывает значительных усилий США [Kaim M., Kempin R., 2024: 15]. Сегодня же речь идет уже о трех конфликтах одновременно – против России, на Ближнем Востоке и против Китая. Такое противоборство коллективный Запад может выиграть только перераспределив нагрузку внутри себя.

Именно этой цели должны служить новая «Оборонно-промышленная стратегия» ЕС («European Defence Industry Strategy», EDIS, 5.03.2024) и Договор о безопасности с Украиной от 27 июня 2024 г. Согласно этому документу, Евросоюз обещает оказывать Украине «необходимую политическую, финансовую, экономическую, гуманитарную, военную и дипломатическую поддержку так интенсивно и долго, как это необходимо»¹. Договор действует в течение 10 лет и представляет собой политическую декларацию о намерениях². Оборонно-промышленная стратегия предусматривает шаги, направленные на то, чтобы сделать производство военной техники независимым от поставок из стран, которые не входят в состав ЕС и не являются его союзниками. Для реализации своих планов Еврокомиссия планирует не только составить «карту» оборонной промышленности ЕС и цепочек поставок, но и получить возможность напрямую вмешиваться в производство в случае кризиса или войны. Это позволит отдавать приоритет военным товарам перед гражданскими [«A new European Defence Industrial Strategy», 2024]. Таким образом, Евросоюз готовится пойти по пути «европеизации НАТО».

По мнению немецких экспертов, «европеизация НАТО» выводит на передний план Германию³. Поэтому главной задачей немецкой внешней и внутренней политики должно стать обеспечение безопасности ЕС и европейских стран НАТО против «агрессивной» России. Все аспекты перевооружения ФРГ следует направить на достижение этой цели. Начиная с 2028 г., бюджет бундесвера должен составлять не менее 75-80 млрд евро в год. Такая концентрация на борьбе с Россией потребует в будущем отказа от участия немецкой армии в других международных миссиях, например, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, т. к. рассредоточение сил может навредить репутации Германии как серьезного партнера в сфере безопасности [Kaim M., Kempin R., 2024].

Призыв экспертов «собрать все ресурсы для возможной войны с Россией» поддерживают и ведущие немецкие политики. Уходящий председатель комитета по обороне в бундестаге М.-А. Штрак-Циммерманн (от либералов), теперь уже депутат ЕП, потребовала набрать 900 тысяч резервистов, чтобы как можно скорее уси-

¹ „EU unterzeichnet Sicherheitsabkommen mit Ukraine“, Gipfeltreffen in Brüssel. 27.06.24. <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/eu-ukraine-sicherheitsabkommen-100.html> (дата обращения: 19.09.2024).

² Аналогичные соглашения о безопасности с Украиной заключили 19 стран, включая США, Германию, Францию и Британию.

³ Имеются ввиду эксперты немецкого Фонда политики и науки (SWP) и Немецкого общества внешней политики (DGAP). (Прим авт).

лить обороноспособность страны¹. Министр обороны Б. Писториус (СДПГ) призвал немцев «быть готовыми к войне» к 2029 г.² Для этого он, пока безуспешно, пытается возродить всеобщую воинскую повинность.

На этом фоне действующий канцлер ФРГ О. Шольц выглядит недостаточно решительным. Особенно сильно его критиковали за отказ предоставить Киеву дальнобойные крылатые ракеты «Таурус». Несмотря на широкую поддержку Украины, в том числе в военном обеспечении, глава немецкого правительства старается избежать непосредственного участия ФРГ в военном столкновении с Москвой. Он неоднократно обещал населению Германии, что не будет отправлять немецких солдат на украинский фронт. Тем не менее, как показывает практика, спустя некоторое время О. Шольц сдает свои позиции. Так было с поставками украинской армии танков «Леопард» и разрешением Киеву применять немецкое оружие для поражения военных целей на территории России. В реальности немецкий канцлер находится под огромным прессингом со стороны своих партнеров по правительственной коалиции, оппозиционного блока ХДС/ХСС и союзников по НАТО.

Его сдержанность во многом зависит от настроений в немецком обществе, которое устало от участия страны в затяжном конфликте с Россией и опасается еще большей военной эскалации и растущих экономических издержек. По данным социологических опросов в январе 2024 г., почти половина граждан ФРГ (51%) считали дипломатические усилия Германии недостаточными. 41% респондентов заявили о слишком большой военной поддержке Украины, и столько же (41%) о финансовой. Практически в два раза с мая 2022 г. сократилась готовность немцев оказывать гостеприимство украинским беженцам (с 46 до 25%) [«Germany and Russia's War», 2024: 6–10]. Таким образом, несмотря на то что политика правящей элиты Германии в отношении России и Украины претерпела фундаментальные изменения за прошедшие два года и нацелена на победу Киева, немецкое общество теряет энтузиазм в этом вопросе. Оно ожидает от руководства страны большего усердия в поиске дипломатического решения. Понимая настроения немецких граждан, эксперты немецкого Общества внешней политики опасаются, что правительство О. Шольца замедлит курс на милитаризацию Германии [Meister S., 2024: 7]. Однако согласие канцлера разместить на территории ФРГ в 2026-ом г. американское дальнобойное оружие, включая гиперзвуковое, и открытие в Ростове 21 октября 2024 г. военно-морского штаба НАТО для отслеживания обстановки в Балтийском регионе свидетельствуют о жесткости проводимой политики правящей коалиции и ее согласованности с США³.

¹ Strack-Zimmermann fordert Aktivierung von 900.000 Reservisten in Deutschland. www.spiegel.de (дата обращения: 01.06.2024).

² Pistorius B.: “Wir müssen bis 2029 kriegstüchtig sein“. www.bundestag.de (дата обращения: 05.06.2024).

³ Wegen NATO-Kommando in Rostock: Moskau zitiert deutschen Botschafter ins Außenministerium. 22.10.24 URL: <https://de.rt.com/inland/223301-wegen-nato-kommando-in-rostock-botschafter-einbestellt/> (дата обращения: 24.10.24).

Пацифистские настроения немецких избирателей хорошо улавливают «Альтернатива для Германии» и левый Союз Сары Вагенкнехт («ССВ»). Это единственные немецкие политические силы, которые выступают за скорейшее прекращение конфликта на Украине и против размещения американских ракет на территории ФРГ. Их успех в сентябре 2024 г. на земельных выборах в Тюрингии, Саксонии и Бранденбурге оказался серьезным вызовом не только для правящей коалиции, но и для их главного конкурента на выборах в бундестаг в 2025 г. ХДС/ХСС¹. Разумеется, немецкая политическая элита предпримет все усилия, чтобы не допустить «АдГ» к власти даже на земельном уровне. Однако вернуть поддержку населения правительству будет сложно. Негибкая позиция партий мейнстрима открывает хорошие перспективы для С. Вагенкнехт. Она успешно выдержала свой первый политический экзамен как лидер новой партии. У нее сильные позиции для участия в переговорах о земельных коалициях, и теперь уже подкрепленные амбиции для выхода на федеральный уровень.

Исторически, экономически и культурно жители бывшей ГДР с большим пониманием относятся к России, чем бывшие западные немцы. Однако игнорировать позицию восточных земель для правительства О. Шольца критически опасно. Канцлеру придется учитывать настроения всех избирателей, в том числе в вопросах внешней политики. Определяющим для Германии станет 2025 год. Победители земельных выборов «АдГ» и «ССВ» сыграют важную роль в борьбе за места в новом бундестаге. Дискуссии о внешнеполитическом курсе Германии в отношении России и позиции Берлина по украинскому конфликту будут носить общегерманский характер. От того, какие партии окажутся в бундестаге, и кто возглавит правительственную коалицию, зависит не только будущее Германии, особенности ее военной стратегии, но и роль страны в ЕС а, следовательно, и баланс сил на Европейском континенте.

Заключение

Итоги выборов в Европарламент показали: политической элите ЕС в целом удалось обеспечить преемственность внешнеполитического курса. Переизбрание У. фон дер Ляйен председателем ЕК во многом гарантирует, что ЕС продолжит поддерживать Украину и жестко противостоять России. Европейские и, в частности, немецкие политики понимают, что от военных успехов / неудач Киева зависит не только, где пройдет новая граница противостояния коллективного Запада с Россией, но и кто будет играть решающую роль в определении нового мирового устройства. Соперничество с Китаем, военные конфликты на Ближнем Востоке, в Центральной и в Северной Африке заставляют США и их союзников задуматься о пе-

¹ 1 сентября 2024 г. выборы состоялись в Саксонии (результаты: «АдГ» – 30,6%, «ССВ» – 11,8%) и Тюрингии («АдГ» – 32,8%, «ССВ» – 15,8%). 22 сентября 2024 г. выборы прошли в Бранденбурге. («АдГ» – 29,2%, «ССВ» – 13,5%). Ист.: Statistiken und Umfragen zu Landtagswahlen. URL: <https://de.statista.com/themen/168/wahl-brandenburg/#topicOverview> (дата обращения: 19.09.2024).

пераспределении нагрузки и «европеизации» НАТО. Политики ЕС готовятся нести большую военную и экономическую ответственность за развитие событий на Европейском континенте.

Усталость населения Евросоюза от финансовых, военных и гуманитарных издержек украинского конфликта способствовала успеху правых сил на выборах во многих странах. Национальным правительствам, как и партиям политического мейнстрима в ЕП, будет сложно игнорировать их голоса. Главная задача, которую ставит перед собой У. фон дер Ляйен в новом легислатурном периоде заключается в том, чтобы политика ЕС продолжала оставаться проатлантической и проукраинской. Соответствие этим критериям поможет стать «рукопожатными» не только правым партиям, но и представителям других политических течений, которые вошли в ЕП.

При этом не все политические силы готовы платить такую цену за признание. «Альтернатива для Германии» и Союз Сары Вагенкнехт завоевали популярность избирателей во многом благодаря требованиям скорее завершить военный конфликт на Украине дипломатическим путем. Их позиции не смогут кардинально изменить политику ЕС по украинскому вопросу, но повлияют на дискуссии внутри Германии, что отразится на составе будущего бундестага, и на том, кто возглавит следующее немецкое правительство. Серьезные электоральные успехи ультраправой «АдГ» меняют облик страны. Они расшатывают привычную партийно-политическую стабильность ФРГ, и побуждают союзников Германии задуматься о надежности лидерских амбиций Берлина, в т. ч. в вопросе «европеизации» НАТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2024) Партийно-политический ландшафт Германии после выборов в Европарламент. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 3 (39). С. 42–54.

Гуселетов В.П. (2024) Позиции ведущих европартий накануне выборов в Европейский парламент 2024 г. *Современная Европа*. № 3(124). С. 68–81.

Доманов А.О. (2024) проницаемость «санитарного кордона» против евроскептиков в европейском парламенте. *Современная Европа*. № 1(122). С. 77–87.

Европа в глобальной пересборке. (2023) ИЕ РАН; Отв. ред. Ал.А. Громыко. Издательство «Весь Мир», Институт Европы РАН. Старый Свет – новые времена. Москва. DOI: 10.15211/978-5-98163-209-9

Европа между трех океанов. (2019) Отв. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федоров. ИЕ РАН, Санкт-Петербург Нестор-История, Москва,

Крапивницкая Е. (2024) Выборы в Европарламент 2024: успех ультраправых и усиление центристов. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. № 73 (89). С. 25–36.

Невоенные угрозы безопасности ЕС. (2023). Отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев, Е.Г. Черкасова. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Изд. «Весь Мир». Москва.

Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты) (2016). Отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. ИМЭМО РАН. Москва.

Семенова Е.Н. (2024) Правый поворот: национальные внутривнутриполитические тенденции в Европейском союзе. *Власть*. Т. 32. № 4. С. 248–257.

Чернега В. (2024) Франция накануне выборов в Европарламент: стратегий Э. Макрона. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. № 72 (88). С. 26–32.

A new European Defence Industrial Strategy: *Achieving EU readiness through a responsive and resilient European Defence Industry*. European Commission, Brussels, 5.03.2024.

Auernheimer G. (2024) Die Strategische Falle. *Die Ukraine im Weltordnungskrieg*, Köln.

Bomprezzi P., Kharitinov I., Trebesch Ch. (2024) Ukraine Support Tracker – Methodological Update & New Results on Aid “Allocation” URL: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/Subject_Dossiers_Topics/Ukraine/Ukraine_Support_Tracker/Ukraine_Support_Tracker_-_Research_Note.pdf (accessed: 21.09.2024).

Cunningham K., Hix S., Dennison S., Learmonth I. A sharp right turn: A forecast for the 2024 European Parliament elections. URL: [www.http://ecfr.eu](http://ecfr.eu) (accessed: 21.09.2024).

Effenberger W. Schwarzbuch EU&NATO. Warum die Welt keinen Frieden findet. *Zeitgeist*. 2023.

Kaim M., Kempin R. (2024) Die Neuvermessung der amerikanisch-europäischen Sicherheitsbeziehungen. Von Zeitenwende zu Zeitenwende. *SWP-Studie*. doi:10.18449/2024S15 (in Deutsch).

Krah über die SS: Totenköpfe dividiert. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wissen/geist-soziales/maximilian-krah-ueber-die-ss-19748330.html> (accessed: 28.05.2024).

Meister, S. (2024) The West and Russia’s War of Aggression against Ukraine. *Journal Issue Germany and Russia’s War of Aggression against Ukraine: The Third Year*. Author(s): Sherr J.; Orttung R. Meister S. Russian Analytical Digest (RAD) URL: <https://www.research-collection.ethz.ch/handle/20.500.11850/669612> (accessed: 21.09.2024).

Münkler H. (2015) Macht in der Mitte. Die neuen Aufgaben Deutschlands in Europa. Hamburg (in Deutsch).

Neu V., Roose Jo. (2024) Monitor Wahl-und Sozialforschung. Europawahl in Deutschland am 9. Juni 2024. *Analyse und Beratung*. Konrad Adenauer Stiftung, Berlin (in Deutsch).

Roose J. (2024) Die Stimmung vor der Europawahl 2024. *Monitor Wahl-und Sozialforschung*. Berlin, Konrad Adenauer Stiftung. P. 13–16.

Schläger C., Katsioulis Ch., Engels N. (2024) *Analyse der Europawahl 2024 in Deutschland*. Fridrich Ebert Stiftung, P. 14. (in Deutsch).

Wahl-Beben in Frankreich, FPÖ-Triumph in Österreich – Alle Länder, alle Ergebnisse. URL: <https://www.welt.de> (accessed: 10.06.2024).

European elections with a German accent¹

E.P. Timoshenkova

Candidate of Sciences (History)

*Leading Researcher at the Department of Social and Political
Studies of Europe, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya str. Moscow, Russia, 125009*

E-mail: katerinatim@mail.ru

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

Abstract. The article analyzes the results of the elections to the European Parliament and their consequences for the future foreign policy of the EU towards Russia and Ukraine. The author considers the EU as one of the global centers of power, which position determines not only the development of the Ukrainian conflict, but also the future world order. From the point of view of Russian interests, it is very important to understand which party and political forces will influence decision-making in the European Union in the next five years. The author dwells in detail on the analysis of the alignment of political forces in the European Parliament after the 2024 elections, the role of right-wing parties, and their positions on the Ukrainian issue. It reveals the dilemma of the President of the European Commission Ursula von der Leyen and her basic principles in the choice of allies. Considerable attention is paid to the analysis of the EU's foreign policy strategy and an expert assessment of future relations with the United States. It considers how the election of the US president on November 5, 2024 will affect the distribution of roles within the collective West, and what task, in this regard, the leader of the EU Germany sets for itself. The author studies the current papers of leading German think tanks, their forecasts, statements by the ruling elite of Germany, and representatives of the opposition. The article assesses the chances of the far-right Alternative for Germany and the left-wing Sarah Wagenknecht Union to influence federal policy.

Keywords: EU, Germany, Russia, NATO, European Parliament, far-right parties, state elections in Germany, Alternative for Germany, Sarah Wagenknecht Union, elections to the Bundestag

DOI: 10.31857/S0201708324070064

REFERENCES

- Belov V.B. (2024) Partijno-politicheskiy landschaft Germanii posle vyborov v Evroparlament [The party-political landscape of Germany after the European Parliament elections]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 3(39), pp. 42–54. (In Russian).
- Guseletov V.P. (2024) Pozicii vedushchikh evropartij nakanune vyborov v Evropejskij parlament 2024 g. [The positions of the leading European parties on the eve of the European Parliament elections 2024]. *Sovremennaya Evropa*, 3(124), pp. 68–81. (In Russian).
- Domanov A.O. (2024) Pronicaemost' «sanitarnogo kordona» protiv evroskeptikov v evropejskom parlamente [The permeability of the "cordon sanitaire" against Eurosceptics in the European Parliament]. *Sovremennaya Evropa*, 1(122), pp. 77–87. (In Russian).
- Evropa v global'noj peresborke* [Europe is in global reassembly]. (2023) IE RAN; Otv. red. Al.A. Gromyko. Izdatel'stvo «Ves' MiR», Institut Evropy RAN. Staryj Svet – novye vremena. Moscow, Russia. DOI: 10.15211/978-5-98163-209-9 (In Russian).
- Evropa mezhdru trekh okeanov* [Europe is between three oceans]. (2019) Otv. red. Al.A. Gromyko, V.P. Fedorov. IE RAN, Sankt-Peterburg Nestor-Istoriya. Moscow, Russia. (In Russian).
- Krapivnickaya E. (2024) Vybory v Evroparlament 2024: uspekhi ul'trapravyykh i usilenie centrystov [European Parliament elections 2024: the success of the far-right and the strengthening of the centrists]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy*, 73(89), pp. 25–36. (In Russian).
- Nevoennye ugrozy bezopasnosti ES* [Non-military threats to the EU's security]. (2023). Otv. red. N.K. Arbatova, A.M. Kokeev, E.G. Cherkasova. Nacional'nyj issledovatel'skiy institut miro-

voj ehkonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenij im. E.M. Primakova RAN, Izd. «Ves' MiR». Moscow, Russia. (In Russian).

Evropejskij Soyuz na pereput'e: nereshennye problemy i novye vyzovy (politicheskie aspekty) [The European Union at a crossroads: unresolved problems and new challenges (political aspects)]. (2016). Otv. red. N.K. Arbatova, A.M. Kokeev. IMEHO RAN. Moscow, Russia. (In Russian).

Semenova E.N. (2024) Pravyj povorot: nacional'nye vnutripoliticheskie tendencii v Evropejskom soyuze [The Right turn: national domestic political trends in the European Union]. *Vlast'*, 32(4), pp. 248–257. (In Russian).

Chernega V. (2024) Franciya nakanune vyborov v Evroparlament: strategij EH. Makrona [France on the eve of the European Parliament elections: strategies of E. Macron]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy*, 72(88), pp. 26–32. (In Russian).

A new European Defence Industrial Strategy: *Achieving EU readiness through a responsive and resilient European Defence Industry*. European Commission, Brussels, 5.03.2024.

Auernheimer G. (2024) Die Strategische Falle. *Die Ukraine im Weltordnungskrieg*, Köln.

Bomprezzi P., Kharitinov I., Trebesch Ch. (2024) Ukraine Support Tracker – Methodological Update & New Results on Aid “Allocation” URL: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/Subject_Dossiers_Topics/Ukraine/Ukraine_Support_Tracker/Ukraine_Support_Tracker_-_Research_Note.pdf (accessed: 21.09.2024).

Cunningham K., Hix S., Dennison S., Learmonth I. A sharp right turn: A forecast for the 2024 European Parliament elections. URL: <http://ecfr.eu> (accessed: 21.09.2024).

Effenberger W. Schwarzbuch EU&NATO. Warum die Welt keinen Frieden findet. Zeitgeist. 2023.

Kaim M., Kempin R. (2024) Die Neuvermessung der amerikanisch-europäischen Sicherheitsbeziehungen. Von Zeitenwende zu Zeitenwende. *SWP-Studie*. doi:10.18449/2024S15 (in Deutsch).

Krah über die SS: Totenköpfe dividiert. Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wissen/geist-soziales/maximilian-krah-ueber-die-ss-19748330.html> (accessed: 28.05.2024).

Meister, S. (2024) The West and Russia's War of Aggression against Ukraine. *Journal Issue Germany and Russia's War of Aggression against Ukraine: The Third Year*. Author(s): Sherr J.; Orttung R. Meister S. Russian Analytical Digest (RAD) URL: <https://www.research-collection.ethz.ch/handle/20.500.11850/669612> (accessed: 21.09.2024).

Münkler H. (2015) Macht in der Mitte. Die neuen Aufgaben Deutschlands in Europa. Hamburg (in Deutsch).

Neu V., Roose Jo. (2024) Monitor Wahl-und Sozialforschung. Europawahl in Deutschland am 9. Juni 2024. *Analyse und Beratung*. Konrad Adenauer Stiftung. Berlin (in Deutsch).

Roose J. (2024) Die Stimmung vor der Europawahl 2024. *Monitor Wahl-und Sozialforschung*. Berlin, Konrad Adenauer Stiftung, pp. 13–16.

Schläger C., Katsioulis Ch., Engels N. (2024) *Analyse der Europawahl 2024 in Deutschland*. Fridrich Ebert Stiftung, p. 14. (in Deutsch).

Wahl-Beben in Frankreich, FPÖ-Triumph in Österreich – Alle Länder, alle Ergebnisse. URL: <https://www.welt.de> (accessed: 10.06.2024).

УДК 323.2

ШАГАЯ НЕ В НОГУ: О СОВРЕМЕННОМ ЛЕВОМ ТРЕНДЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ¹

© 2024 РОЗЕНТАЛЬ Дмитрий Михайлович

Институт Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН).

РФ, 115035, Москва, Б. Ордынка, 21/16.

Факультет мировой экономики и мировой политики

НИУ «Высшая школа экономики».

РФ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: rozentaldm@gmail.com

Поступила в редакцию 21.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В статье дан анализ левого тренда в общественном развитии Латинской Америки. В начале XXI в. он стал возможен благодаря стечению целого ряда политических, социальных и экономических обстоятельств. Современная «розовая волна» обусловлена неудовлетворенностью средних слоев существующей системой и традиционными элитами, неспособными решить основные проблемы общества. В работе выявляется отличительная черта социалистических движений, в том числе европейских, – стремление к равенству (это понятие трактуется расширительно и предполагает имущественный, гендерный и этнический аспекты). Объясняются причины воспроизводства левой политической культуры с учетом связей с европейскими левыми, а также проводится сравнение между прогрессистскими правительствами разных поколений. Определяются ключевые различия между ними, среди которых движущие силы, отношения к США и интеграционным процессам в регионе, идейные установки. Важной частью статьи является анализ политической ситуации в Чили, Перу, Колумбии и Бразилии. В каждом государстве прогрессистам не удалось установить контроль над законодательной властью, а проведение в жизнь решений требует договоренностей с оппозицией. Сделан вывод, что левая идеология, остается важным направлением общественной мысли, но не является доминирующей тенденцией среди латиноамериканцев. Кроме того, с высокой долей вероятности следующий электоральный цикл может привести к усилению позиций правых в регионе.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Ключевые слова: Латинская Америка, европейских левые, Чили, Перу, Колумбия, Бразилия, левый тренд, социальное развитие, политические процессы, идеология, электоральные процессы

DOI: 10.31857/S0201708324070076

Двадцать первый век – период подъема левых сил в Латинской Америке. Их приход к власти в начале столетия оказал большое влияние на развитие региона, трансформировал архитектуру интеграционных процессов и особенности взаимодействия с внешними игроками. Повторение этого явления спустя два десятилетия настойчиво ставит вопросы о причинах его воспроизводства и перспективах пришедших к власти прогрессистских правительств.

Российская обществоведческая наука пока не смогла найти ответы на эти вопросы. Идеология и практика современных левых правительств освещаются в трудах Т.А. Воротниковой [Воротникова, 2023] и Л.В. Дьяковой [Дьякова, 2023]. Анализ причин сдвига предпринимался в статье В.М. Давыдова и А.Е. Агаповой [Давыдов, Агапова, 2024]. Попытка всестороннего исследования темы была предпринята в монографии, вышедшей в 2023 г. под редакцией В.Л. Хейфеца [Хейфец, 2023]. Существуют и терминологические споры о том, как называть приход к власти латиноамериканских социалистов в третьем десятилетии XXI в. В научной литературе встречаются «второе издание левого поворота» [Хейфец, 2023а] или «поворот низкой интенсивности»¹. В последнее время в российской историографии закрепился термин «розовая волна» [Ивановский, 2024]. Он наиболее точно передает степень радикализма пришедших к власти правительств и будет использован в работе.

Латиноамериканский левый тренд в значительной степени отразился и на европейских общественных процессах. Так, 14 июля 2019 г. в Мексике было учреждено объединение прогрессистских ибероамериканских деятелей – «группа Пуэбла» (*Grupo de Puebla, GP*). В него вошли видные активисты, в том числе и экс-председатель правительства Испании Хосе Луис Родриго Сапатеро. В 2020 г. в противовес ему и по инициативе консервативной партии *Vox*² был создан Мадридский форум (*Foro Madrid*), объединивший правых политиков регионов. Его члены полагали, что «розовая волна» угрожает мировому демократическому развитию³.

Анализ природы, идейных установок и практики левых будет способствовать лучшему пониманию общественных процессов и межамериканских отношений, поможет выявить отличия левых начала XXI в. от социалистов, пришедших к вла-

¹ Stefanoni P. (2020) Algo se mueve en las izquierdas latinoamericanas. *Fundación Carolina*. 12.01. URL: <https://www.fundacioncarolina.es/algo-se-mueve-en-las-izquierdas-latinoamericanas/> (дата обращения: 14.11.2024).

² Партия *Vox* – правоконсервативная политическая организации Испании, созданная в 2013 г.

³ Carta de Madrid. En defensa de la libertad y la democracia en la Iberosfera. <https://foromadrid.org/carta-de-madrid/> (дата обращения: 03.09.2024).

сти в третьем десятилетии века¹. Он поможет избежать неверных толкований политических процессов и ошибок при работе с латиноамериканскими странами.

Левые в Латинской Америке: о сути явления

Окончание холодной войны, распад социалистического лагеря и утрата марксистской идеологией своих позиций поставили вопросы о природе левых сил. Кто они такие? Каковы их отличительные черты? Ответы на них и сегодня вызывают много трудностей и споров. Иллюстрацией к этому утверждению служит дискуссия между видными российскими учеными В.М. Давыдовым и З.Б. Ивановским. Первый полагает, что от зародившегося во времена Великой французской революции политического деления давно пора оказаться. Давыдов справедливо заявляет, что сегодня оно не способно дать представление об общественных процессах в государстве или устойчивости его политического режима [Давыдов, 2019]. Второй, в свою очередь, считает, что оно в значительной степени отражает объективную реальность, хоть и нуждается в методологическом усовершенствовании [Ивановский, 2019].

За рубежом также нет единого определения левых, а существующие толкования не всегда совпадают с реальной практикой. Так, по мнению кубинско-чилийской исследовательницы М. Харнеккер, представители этого политического лагеря традиционно выступали за полный контроль государства над хозяйственными процессами [Harnecker, 2010]. Эта трактовка, впрочем, не применима к современной Латинской Америке. Даже Гавана допускает существование частной собственности. В других странах поворота развиты капиталистические отношения. В Венесуэле в последние годы идет процесс осторожной приватизации. В Никарагуа экономическое развитие основано на взаимодействии с международными финансовыми институтами. Правительства «розовой волны» также делают ставку на рыночные методы управления.

Левые обладают различными представлениями об институте сменяемости власти. Традиционно они выступали против латиноамериканских диктатур. Эта тенденция отчетливо проявилась в период автократического правления Хуана Висенте Госмеса в Венесуэле (1910–1935), Жетулиу Варгаса в Бразилии (1930–1945, 1950–1954), Херардо Мачадо на Кубе (1925–1933). В годы военных режимов представители компартий также стремились к созданию в регионе единого фронта сопротивления.

Сегодня их отношение к политическим институтам разнится, что не позволяет использовать этот критерий для определения «левых». Прогрессистские правительства начала XXI в. стремились отменить ограничения на переизбрание для президентов. Соответствующие реформы были проведены в Венесуэле и Эквадоре. Неудавшаяся попытка продления полномочий была предпринята Эво Морале-

¹ Речь идет об Андресе Мануэле Лопесе Обрадоре в Мексике, Луисе Арсе Катакоре в Боливии, Альберто Фернандесе в Аргентине, Педро Кастильо в Перу, Габриэле Бориче в Чили, Густаво Петро в Колумбии, Луисе Инасиу Луле да Силве в Бразилии.

сом в Боливии. В свою очередь, правительства «розовой волны» выступают за примат прав человека, обвиняют в их нарушении правительства Кубы, Никарагуа и Боливарианской Республики¹.

Более подходящим критерием отнесения политических сил к «левым» остается стремление к общественному равенству. Оно трактуется расширительно и включает в себя экономический, социальный, гендерный и этнический аспекты. В этом вопросе сходятся и социалисты начала столетия, и деятели современной «розовой волны».

Так, в начале XXI в. ключевой задачей левых стала борьба с бедностью. Значительная часть их бюджета шла на выплаты и программы адресной помощи населению. Правительства разрабатывали и реализовывали специальные программы: социальные миссии в Венесуэле, «Семейный кошелек» (*Bolsa Familia*) в Бразилии. Велась активная борьба с проявлениями этнического неравенства. Коренные жители региона, долгое время остававшиеся в тени, вышли на авансцену. Их организации и представители успешно принимали участие в электоральных кампаниях, при этом концепция «Хорошая жизнь» (*Buen vivir*) – попытка осмысления категории «развития» с учетом экологической повестки и традиционных ценностей индейских народов – вошла в политическую практику Эквадора и Боливии.

Огромное значение для левых играет вопрос гендерного равенства. Так, у власти в целом ряде латиноамериканских стран находились женщины: К. Фернандес де Киршнер в Аргентине, Мишель Бачелет в Чили, Сиомара Кастро в Гондурасе, Дилма Руссефф в Бразилии. За последние 20 лет доля представительниц прекрасного пола в нижних палатах парламента в среднем по региону возросла в три раза². Наконец, «левые» последовательно отстаивают права ЛГБТ-сообщества³ – в семи странах региона узаконены однополые браки и союзы⁴. В странах «розовой волны» идет борьба с любыми формами дискриминации. В Чили правительство Г. Борича работает над защитой прав детей и подростков. Эти действия одобряют 61% граждан [Дьякова, 2023]. В Колумбии большое внимание уделяется обеспечению женщинам равных условий в различных сферах жизни. Они, в частности, занимают половину министерских постов в кабинете Г. Петро [Ивановский, 2023].

Таким образом, важность общественного равенства, как императива развития, стала основополагающим критерием социалистических сил. Его зачастую дополня-

¹ Boric: «Me enoja que la izquierda no condene la violación de DD. HH. en Venezuela» (2022) *El Espectador*. 24.09. URL: <https://www.elespectador.com/mundo/america/video-boric-me-enoja-que-la-izquierda-no-condene-la-violacion-de-ddhh-en-venezuela-noticias-hoy/> (дата обращения: 03.09.2024).

² Roa M. M. (2022) Los países con la mayor proporción de mujeres en el Parlamento. *Statista*. 08.02. URL: <https://es.statista.com/grafico/26794/paises-con-el-mayor-porcentaje-de-eskanos-ocupados-por-mujeres-en-el-parlamento-nacional/> (дата обращения: 07.08.2024).

³ Движение, запрещенное на территории РФ.

⁴ Agencia AFP (2021) ¿Qué países de América Latina han aprobado el matrimonio igualitario? *El Comercio*. 26.09. URL: <https://elcomercio.pe/mundo/latinoamerica/matrimonio-igualitario-en-cuba-matrimonio-gay-y-vientre-subrogado-en-que-paises-de-america-latina-y-del-mundo-es-legal-codigo-de-las-familias-miguel-diaz-canel-noticia/> (дата обращения: 02.09.2024).

ет используемая в некоторых странах революционная риторика¹, свойственная XX веку. Это преемственность в традициях и практической реализации установок ставит вопрос о причинах воспроизводства левой политической культуры в Латинской Америке.

Традиция и практика латиноамериканских левых

За последние сто лет регион пережил целый ряд социалистических революций², а также приход к власти прогрессистских правительств в XXI в. В значительной степени левый крен был реакцией на экономическую нестабильность. Так, в начале нынешнего столетия 44,1% населения региона было за чертой бедности, 12,2% являлись нищими. Тяжелое положение большей части латиноамериканцев способствовало запросу на патерналистское государство. Катализатором современной «розовой волны» в какой-то мере стала пандемия *COVID-19* и вызванные ею ограничения – в 2020 г. работу потеряли 26 млн человек³.

В тоже время курс на построение социализма в Латинской Америке нельзя объяснить исключительно экономической нестабильностью. Трудности общественного развития провоцируют недовольство, приводят к снижению электоральной поддержки действующей власти, но сами по себе не способствуют приходу прогрессистских правительств. С большей вероятностью причины воспроизводства левой политической культуры обусловлены особой историей региона, влиятельным рабочим движением, богатыми традициями коммунистических партий.

Значительную роль в политическом сдвиге влево сыграло наследие Третьего Интернационала. Этот аспект все еще недостаточно исследован в российской, да и зарубежной историографии. Наиболее близко к осмыслению вопроса подошли российские ученые В.Л. Хейфец и Л.С. Хейфец. По их мнению, современные общественные процессы во многом несут на себе отпечаток идей всемирной компартии. Они просматривались в воззрениях Уго Чавеса в Венесуэле [Jeifets, Jeifets, 2009]. Их можно встретить в постулатах и практике других латиноамериканских правительств [Dobronravina, 2023].

Заслуга Коминтерна заключается в формировании рабочих объединений и укреплении партийных связей в регионе. Его действия привели к осознанию левыми единых проблем и вызовов для всей Латинской Америки, способствовали совместному поиску путей общественного развития. Традиция создания единых площадок⁴ для выработки решений во многом была перенята современными социалистами и адаптирована к требованиям сегодняшнего дня.

¹ Николаев Ю. (2008) Чавес призвал посеять зерно революции во всем мире. *РИА Новости*. 28.07. URL: <https://ria.ru/20080601/108982787.html> (дата обращения: 24.11.2024).

² Наибольшее значение имели революции на Кубе (1959), в Чили (1970) и Никарагуа (1979).

³ Тарасенко П. (2022) Тринадцать оттенков красного. *Коммерсантъ*. 12.11. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5653396> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ Наиболее известные объединения левых в Латинской Америке: «Форум Сан-Паулу» и «Группа Пуэбла».

После окончания холодной войны и снятия ограничений с политической деятельности социалистов левая культура стала важным направлением общественной мысли региона. Она оказала значительное влияние на образованные круги латиноамериканцев, выступающих за более справедливый уклад жизни. Обратной стороной этого процесса стало размытие установок прогрессистов. В какой-то степени это объясняется значительной корректировкой их риторики и практики.

Так, левые в начале XXI в. воздерживались от излишнего радикализма в своих политических программах (на первых этапах они выступали за смешанную экономику и третий путь развития). Показательны в этом смысле примеры У. Чавеса в Венесуэле и Даниэля Ортеги в Никарагуа. Установки представителей «розовой волны» были еще осторожнее. Конечно, правительства А. М. Лопеса Обрадора в Мексике и Педро Кастильо в Перу критиковали несправедливую систему мирохозяйственных связей и неравноправные международные соглашения [Воротникова, 2023], но не стремились к их пересмотру. Прогрессистские установки стали перениматься и теми деятелями, которые выступали против традиционных элит в странах Латинской Америки. Эти антисистемные силы, порой далекие от марксистского представления об общественном развитии, блокировались с социалистическими движениями, перенимали их опыт и практику ведения политической борьбы. Хаотичность этого процесса во многом обусловила глубокие различия в установках левых начала XXI в. и его третьей декады.

Левые вчера и сегодня

Две левые волны сформировались в разных политических, экономических и социальных условиях. Эти различия сказались на особенностях их движущих сил и идейных установках пришедших к власти правительств. В начале века прогрессисты опирались на неимущие слои, разочарованные в неолиберальной модели развития и нуждавшиеся в патерналистском государстве. К 2002 г. за чертой бедности находилось свыше 221 млн человек [Levitsky, Roberts, 2011]. Во многих странах наблюдались неравенство, низкий уровень грамотности, нехватка продуктов первой необходимости, остро стоял вопрос безработицы [Сударев, 2007]. Повышение общественной активности населения, названное известным российским латиноамериканистом К.Л. Майдаником «бунтом исключенных» [ИЛА РАН, 2006], стало естественной реакцией на ухудшение их уровня жизни.

В третьем десятилетии XXI в. на авансцену вышли средние слои. Их недовольство вызывали не столько экономические сложности (акции проходили и в благополучных странах), сколько укоренившееся неравенство. Наблюдалась безработица среди молодежи, разрыв в доходах между мужчинами и женщинами (в среднем на 20%) [Яковлева, 2020]. Косвенно этот вывод подтверждают общественные протесты, состоявшиеся в 2019 г. (накануне «розовой волны») в Чили, Перу и Колумбии¹. Выступления обеспеченных и образованных людей возникали

¹ Неравенство в этих странах подтверждается высоким коэффициентом Джини. Так, например, в Перу он был равен 0,464, в Чили – 0,475, в Колумбии – 0,552. См.: *Desigualdad en la*

спонтанно. Левые лишь предпринимали попытки возглавить эти акции [Пятаков, 2020].

Конвергенция средних слоев, значительная часть которых исповедовала западные представления о развитии общества, с левыми политическими силами привела и к смещению их идеологических установок. В этих условиях риторика и практика деятелей «розовой волны» в значительной степени стала отличаться от стран классического «поворота» начала века.

Одно из расхождений – отношение к Соединенным Штатам. Если традиционно левые режимы (прежде всего Куба, Венесуэла и Никарагуа) выступали с антиамериканских позиций, придерживались антиимпериалистической риторики, то страны «розовой волны» настроены на поддержание конструктивного взаимодействия с наиболее влиятельной страной в Западном полушарии. Они не могут позволить себе конфронтацию с Белым домом [Голиней, Розенталь, 2023], более того, заинтересованы в поддержании с ним интенсивных торгово-экономических связей. Так, Колумбия экспортирует в США больше 40% производимой сельскохозяйственной продукции. Для перуанского правительства, по справедливому мнению российской исследовательницы Т.А. Воротниковой, сотрудничество с Вашингтоном является стабилизационным фактором в условиях продолжающегося внутривластного кризиса [Воротникова, 2022].

Отличаются их идейные установки. Левые в начале века тяготели к включению в хозяйственные процессы неимущих слоев населения. В частности, венесуэльское правительство продвигало «Социальную хартию»¹, направленную на борьбу с бедностью. Подходы деятелей «розовой волны» во многом совпадают с постулатами европейских социал-демократов. Они ратуют за экологическую политику. Администрация Г. Борича намерена способствовать устойчивому развитию в своей стране². Г. Петро агитирует за коллективные усилия международного сообщества по сохранению окружающей среды³. Он предлагает постепенный отказ от углеводородов в пользу возобновляемых источников энергии [Ивановский, 2023].

distribución de ingresos basada en el coeficiente de Gini en países seleccionados de América Latina y el Caribe (2022) *Statista*. URL: <https://es.statista.com/estadisticas/1267584/latinoamerica-coeficiente-gini-desigualdad-de-ingresos-por-pais/> (дата обращения: 25.10.2024).

¹ «Социальная хартия» утверждена на 42 Генеральной Ассамблее Организации американских государств в 2012 г. (Кочабамба, Боливия). Предполагает ответственность правительств за справедливое развитие обществ. См.: Social charter of the Americas (2012) *Organization of American States*. 04.06. URL: https://www.oas.org/docs/publications/social_charter_of_the_americas.doc (дата обращения: 02.11.2024).

² Baquedano M. (2022) El gobierno del presidente Boric: ¿un gobierno ecologista? *País Circular*. 15.03. URL: <https://www.paiscircular.cl/opinion/el-gobierno-del-presidente-boric-un-gobierno-ecologista/> (дата обращения: 09.10.2024).

³ Cambiar deuda por acción climática: la propuesta de Petro que no descarta la UE (2023) *El Espectador*. 10.07. URL: <https://www.elespectador.com/politica/cambiar-deuda-por-accion-climatica-la-propuesta-de-petro-que-no-descarta-la-ue/> (дата обращения: 09.10.2024).

Левые начала века были вовлечены в процессы латиноамериканской интеграции. Они стремились создать не только общий рынок, но и образовательное, культурное, научное пространство, выработать единые подходы к безопасности, экологическим и международным вопросам [Barrenengoa, 2015]. Целый ряд объединений обладал антиимпериалистическим компонентом. Прежде всего, он прослеживался в Боливарианском альянсе для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*).

В третьем десятилетии XXI в. между левыми нет прежнего единства. В целом ряде стран у власти оказались правоцентристские политики (Хавьер Милей в Аргентине, Даниэль Набоа в Эквадоре, Найиб Букеле в Сальвадоре). Кроме того, в условиях растущего экспорта в Китай сырьевых товаров доля региональной коммерции в товарообороте латиноамериканских стран с каждым годом снижается¹. В этих условиях правительства «розовой волны» меньше внимания уделяют взаимодействиям с соседями.

Наконец современные социалисты в Латинской Америке не обладают подавляющей общественной поддержкой. В условиях сохранения демократических процедур и институтов левые в Колумбии, Перу, Чили и Бразилии не способны получить доминирующее положение во всех ветвях власти. Их победы на президентских выборах достигаются в конкурентной борьбе, а продвижение решений через парламент становится результатом маневрирования и торга. Подобное положение дел приводит к политическому разнообразию и снижению радикализма в странах «розовой волны».

Расстановка сил на национальном уровне

Правительства «розовой волны» уделяют много внимания институциональному развитию государства. Они соблюдают принцип разделения властей и демократические процедуры. В этих условиях проведение преобразований становится трудной задачей. Руководству страны, не обладающему значительными лоббистскими ресурсами и поддержкой в парламенте, необходимо вести переговоры с оппозиционными партиями, идти на значительные уступки ради достижения поставленных целей.

В Чили левой коалиции «Одобряю достоинство» (*Apruebo Dignidad, AD*) не удалось получить большинство мест в обеих палатах Национального конгресса. Для претворения в жизнь своих решений ее руководство вынуждено вступать в тактические альянсы с другими партиями, в том числе и правыми. При этом политическое маневрирование президента Г. Борича не всегда позволяет достигать поставленных целей. Его правительство не смогло провести налоговую реформу, которая должна была повысить финансовую нагрузку на наиболее обеспеченные слои населения. С большим трудом идет изменение пенсионной системы, предполагающей усиление участия государства в администрировании и осуществлении отчислений.

¹ Stuenkel O. (2022) Latin America's Second Pink Tide Looks Very Different from the First. *Americas Quarterly*. 18.07. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/latin-americas-second-pink-tide-looks-very-different-from-the-first/> (дата обращения: 27.09.2024).

В целях расширения социальной базы Г. Борич отправил в отставку целый ряд радикально настроенных министров, высокопоставленных чиновников и главу президентской администрации Х. Джексона, отличающегося наиболее резкими заявлениями. Освободившиеся места заняли умеренные деятели [Дьякова, 2023]. Склонность политика к компромиссам с правыми вызывает критику со стороны руководства Коммунистической партии Чили (*Partido Comunista de Chile, PCCh*), входящей в «Одобряю достоинство». О существовании разногласий внутри коалиции открыто заявляют и члены правительства¹.

При этом главной неудачей АД остается отказ чилийцев в 2022 г. принять на референдуме новую конституцию, содержащую целый ряд прогрессистских положений. Предложенный проект постулировал защиту социальных прав, окружающей среды, гарантии гендерного равенства². В декабре 2023 г. была отклонена еще одна, более умеренная версия документа. Эта негативная для коалиции Г. Борича тенденция демонстрирует уязвимость левых сил в стране. Так, на муниципальных и региональных выборах в октябре 2024 г. правые кандидаты получили 52% голосов, удвоив свой результат 2021 года³.

В Перу левые силы были представлены партией Свободное Перу (*Peru Libre*). Ее кандидат П. Кастильо, сельский учитель и профсоюзный деятель, в 2021 г. победил на выборах дочь бывшего главы государства Альберто Фухимори – Кейко Фухимори. Его программа представляла смесь прогрессивных и консервативных установок. С одной стороны, он ратовал за перестройку неолиберальной экономической системы и повышение роли государства в хозяйственных процессах [Воротникова, 2021], с другой – выступал за традиционные семейные ценности и против права на аборт⁴.

В тоже время победа несистемного кандидата была больше обусловлена протестом общества против коррупции и политического кризиса (с 2016 по 2021 гг. в стране сменилось пять лидеров), чем популярностью его взглядов. Кроме того,

¹ Laborde A. (2024) El Partido Comunista tensa la cuerda en el Gobierno de Boric. *El País*. 09.07. URL: <https://elpais.com/chile/2024-07-09/el-partido-comunista-tensa-las-cuerdas-en-el-gobierno-de-boric.html> (дата обращения: 26.08.2024).

² Agencia EFE (2022) Chile rechaza propuesta de nueva Constitución con un aplastante 62% y le da un duro golpe a Boric. *El Comercio*. 06.09. URL: <https://elcomercio.pe/mundo/latinoamerica/plebiscito-constitucional-chile-2022-en-vivo-apruebo-rechazo-nueva-constitucion-quien-gano-el-plebiscito-en-chile-resultados-del-plebiscito-en-chile-plebiscito-de-salida-plebiscito-constitucional-de-chile-2022-servel-cedula-votacion-rut-4-de-septiembre-gabriel-boric-augusto-pinochet-noticia/> (дата обращения: 08.11.2024).

³ Дьякова Л.В. (2024) Местные выборы в Чили усилили влияние правой оппозиции. *Независимый общественный мониторинг*. 28.10. URL: <https://nom24.ru/info/events/mestnye-vybory-v-chili-usilili-vliyanie-pravoy-oppozitsii/> (дата обращения: 08.11.2024).

⁴ Rebaza C, John T., Pozzebon S., Atay Alam H. (2022) Peru's President impeached and arrested after he attempts to dissolve Congress. *CNN World*. 08.12. URL: <https://edition.cnn.com/2022/12/07/americas/peru-president-castillo-congress-dissolves-intl/index.html> (дата обращения: 29.07.2024).

«Свободное Перу» не имело большинства в парламенте, глава государства не смог найти взаимопонимание с элитами. В 2022 г. он был подвергнут импичменту, поводом для которого послужил незаконный, с точки зрения парламентариев, роспуск Конгресса республики¹. Вице-президент Дина Боуарте, занявшая место П. Кастильо, сделала ставку на альянс с правыми силами.

В Колумбии впервые в истории страны к власти пришел кандидат от левых Г. Петро, представитель коалиции Исторический пакт «Колумбия может» (Pacto Histórico «Colombia puede»). Большую роль в его победе сыграли не столько идеологические взгляды, сколько прошлое политика, который входил в повстанческое «Движение 19 апреля» (Movimiento 19 de Abril, М-19). Эта страница его биографии должна была способствовать налаживанию переговорного процесса между правительством и действующими в стране вооруженными формированиями².

Сторонники Г. Петро получили относительное большинство мест в верхней палате парламента, но оказались в меньшинстве в нижней³. В этих условиях он был вынужден сформировать коалиционное правительство, в которое вошли представители разных партий. Президент отмежевался от идей «социализма XXI века»⁴, вызывающих отторжения в значительной части общества [Ивановский, 2023]. Политическое маневрирование и способность главы государства к переговорам позволили провести ряд решений, в том числе закон о налоговой реформе и расширение охвата пенсионной системы.

В тоже время многие проекты блокировались Конгрессом. Необходимость принятия сложных решений привела к распаду созданной президентом коалиции. Трудности с проведением курса осложнили положение левых сил. Они проиграли региональные и муниципальные выборы в октябре 2023 г. При этом деятельность главы государства одобряют лишь 26% колумбийцев⁵.

В Бразилии общество разделено на сторонников вернувшегося к власти Л. И. Лулы да Силвы и бывшего лидера страны Жаира Болсонару. При этом правящая

¹ Taj M. (2022) El presidente de Perú intentó disolver el Congreso. Al final del día, estaba detenido. *The New York Times*. 07.12. URL: <https://www.nytimes.com/es/2022/12/07/espanol/pedro-castillo-congreso.html> (дата обращения: 29.07.2024).

² Прежде всего, речь шла о леворадикальной организации «Армия национального освобождения» (Ejército de Liberación Nacional, ELN).

³ Elecciones Congreso de la República (2022). URL: <https://congreso2022.registraduria.gov.co/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴ «Социализм XXI века» – концепция, вошедшая в политическую практику при венесуэльском президенте У. Чавесе. Она предполагала исправление деформаций и отказ от догм левых правительств XX в., расширение диапазона обобществления хозяйственной деятельности, стремление к региональному единству, курс на социальное развитие, участие вооруженных сил в общественных процессах, терпимое отношение к отходу от консервативных ценностей.

⁵ Ávila R. (2024) Colombia's Petro Is Under Pressure to Deliver Halfway Through His Term. *Americas Quarterly*. 01.08. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/colombias-petro-is-under-pressure-to-deliver-halfway-through-his-term/> (дата обращения: 19.09.2024).

Партия трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT) занимает всего 68 из 513 мест в палате депутатов [Panizza, Sazo, 2023]. Кроме того, ей принадлежат лишь 4 из 27 губернаторских постов. Это обстоятельство также предполагает поиск тактических альянсов с разными силами, прежде всего с правоцентристскими фракциями. Так, для проведения реформ главе государства приходится вести политический торг с «Большим центром» (Centrão) – негласным объединением, в которое входят 13 партий. В обмен на поддержку правительственных законопроектов президент раздает должности и усиливает позиции контрагентов [Окунева, 2024].

При этом в политике Лулы наблюдается прогрессистский крен и стремление к усилению роли государства. Им, в частности, был приостановлен процесс приватизации, запущенный Ж. Болсонару. Президент выступает за усиление социального обеспечения [Singer, 2023]¹, зачастую отходит от экологической политики – Бразилия осуществляет разработку нефтяных месторождений в устье Амазонки². Эти установки привели к разногласиям в правящей партии и снижению поддержки главы государства до 36% в октябре 2024 г. В течение первых двух мандатов уровень его одобрения достигал 80%³. В этих условиях продолжение левого проекта в стране вызывает сомнения.

Расстановка сил в странах «розовой волны» свидетельствует о том, что левая идеология хоть и обладает весомой поддержкой, все же не занимает доминирующее положение в латиноамериканской общественной жизни. Победа социалистов на выборах объяснялась протестом против традиционных элит, неспособных решить накопившиеся проблемы, а не популярностью их взглядов. Кроме того, снижение рейтинга правительств с высокой степенью вероятности приведёт к значительному правому сдвигу в новом электоральном цикле.

Заключение

Приход левых к власти в XXI столетии имел свои причины. В начале века он оказался возможным благодаря стечению целой череды обстоятельств. Среди них: разочарование общества в демократических институтах и неолиберальных экономических реформах, а также влиянием исторического наследия Коминтерна. В его третьем десятилетии электоральные победы социалистов объяснялись недовольством среднего класса и молодежи несправедливым мироустройством и неспособностью традиционных элит решить основные проблемы развития. В этих условиях «розовая волна» – это, скорее, антисистемное явление, чем идеологическое.

¹ Singer A. (2023) El regreso de Lula. *Nueva Sociedad*. №305. URL: <https://nuso.org/articulo/305-el-regreso-de-lula/> (дата обращения: 28.09.2024).

² Nogueira M. Teixeira F. (2024) Brazil's plans to drill for oil in the Amazon hit stiff Indigenous resistance. *Reuters*. 18.04. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/brazils-plans-drill-oil-amazon-hit-stiff-indigenous-resistance-2024-04-18/> (дата обращения: 16.11.2024).

³ Lula's approval rating in Brazil rises to 36% in Datafolha poll (2024) *Reuters*. 20.11 <https://www.reuters.com/world/americas/lula-approval-rating-brazil-rises-36-datafolha-poll-2024-10-11/> (дата обращения: 22.11.2024).

Кроме того, рост недовольства общественными процессами и социально-экономической ситуацией в странах Латинской Америки дает основание полагать, что левый тренд – временное явление. С 2018 г. оппозиционные кандидаты победили в трех четвертях всех выборов [Dabène, 2023]. Эта негативная для действующих правительств динамика нанесла удар по правым, ознаменовав смену политического маятника. С высокой вероятностью можно полагать, что в новом электоральном цикле социалисты также ослабят свои позиции.

Вместе с тем левая политическая культура плотно укоренилась в Латинской Америке. Ее приверженцы имеют богатые традиции политической борьбы и популярность среди разных слоев общества. Коммунистические партии, несмотря на их малочисленность в странах региона, обладают влиянием и моральным авторитетом. В этих условиях тренд на построение социального государства будет оставаться важным императивом регионального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воротникова Т. А. (2023) Трудно быть левым: внешнеполитические стратегии правительств новой «розовой волны» в Латинской Америке. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 1. С. 101–110. DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-1-101-110

Воротникова Т.А. (2021) Левые в Перу: долгий путь наверх. *Общественные науки и современность*. № 4. С. 104–115. DOI: 10.31857/S086904990016056-3

Воротникова Т.А. (2022) Левые правительства Латинской Америки во внешнеполитической стратегии США: возможен ли диалог? *Россия и Америка в XXI веке*. № S1. DOI: 10.18254/S207054760023893-9

Голиней В.А., Розенталь Д.М. (2023) Гегемония США в Латинской Америке и возможности по её преодолению: горизонт 2040. *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 12. С. 21–32. DOI: 10.31857/S2686673023120027

Давыдов В.М. (2019) Латиноамериканистика нашего времени: ее истоки, результаты и ориентиры на перспективу. *Латинская Америка*. № 7. С. 8–28. DOI: 10.31857/S0869587320110055

Дьякова Л.В. (2023) Новые левые в Чили перед лицом экзистенциальных проблем. *Латинская Америка*. № 4. С. 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0024991-9

Ивановский З.В. (2019) Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов. *Латинская Америка*. № 8. С. 6–22. DOI: 10.31857/S0044748X0005576-2

Ивановский З.В. (2023) Колумбия: «левый дрейф» и корректировка внешнеполитического курса. *Проблемы национальной стратегии*. № 2. С. 50–69. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_2_50

Ивановский З.В. (2024) «Розовая волна» в Латинской Америке: стратегия и тактика новых левых. *Латиноамериканский исторический альманах*. № 42. С. 221–257. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-42-1-221-257

Левый поворот в Латинской Америке, причины, содержания, последствия (круглый стол в ИЛА РАН) (2006). *Латинская Америка*. № 6. С. 4–27.

Окунева Л.С. (2024) «Лула 3.0»: проблемы, противоречия и вызовы внутривнутриполитического сценария. *Латинская Америка*. № 4. С. 7–25. DOI: 10.31857/S0044748X24040013

Пятаков А.Н. (2020) Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 г. Глобальный контекст и эквадорский case-study. *Вестник Московского университета*. Серия

25. Международные отношения и мировая политика. Т. 12. № 2. С. 7–43. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-2-7-43

Сударев В.П. (ред.) (2007) «Левый поворот» в Латинской Америке. ИЛА РАН, Москва. 216 с.

Хейфец В.Л. (ред.) (2023) Москва, левые и Коминтерн в Латинской Америке: история и современность. Весь мир, Москва, 449 с.

Хейфец В.Л. (ред.) (2023а) Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы. Весь мир, Москва. 967 с.

Яковлева Н.М. (2020) Латинская Америка: социально-политический контекст протестной активности. *Перспективы. Электронный журнал*. № 1(21). С. 66–81. DOI: 10.32726/2411-3417-2020-1-66-81

Barrenengoa A. (2015) El proceso de integración latinoamericana: claves, conflictos y perspectivas de análisis. *Cuestiones de Sociología*. No. 13. P. 97–112.

Dabène O. (2023) Alternancias electorales y nueva configuración geopolítica. *Les Études du CERI*. No. 264–265. P. 5–9.

Davydov V.M., Agapova A.E. (2024) Dos oleadas de izquierda. rasgos generales y específicos. *Iberoamerica*. No. P. 49–70. DOI: 10.37656/s20768400-2024-1-03

Dobronravin N.A. (2023) Un sueño renacido: de las «repúblicas negras» de la Comintern a la «plurinacionalidad» con la participación afrodescendiente en América Latina. *Revista Izquierdas*. No. 52. P. 4103–4119. DOI: 10.4067/s0718-50492023000100215

Harnecker M. (2010) *Inventando para no errar. América Latina y el socialismo del siglo XXI*. Secretaría de la Paz, Guatemala. 208 p.

Jeifets L.S., Jeifets V.L. (2009) El giro a la izquierda en America Latina y el nacimiento del nuevo bolivarianismo: las tradiciones de la Komintern y la actualidad. *Ciencias Sociales*. Vol. 4. P. 195–212.

Levitsky S., Roberts K.M. (2011) *The resurgence of the Latin American Left*. The Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA. 496 p.

Panizza F., Sazo D. (2023) A new pink tide: The return of the left in Brazil and Chil. *Renewal*. Vol. 31. No. 4. P. 92–102.

Stepping Out of Step: the Contemporary Leftist Trend in Latin America¹

D.M. Rozental

Candidate of Sciences (History),

Director at the Institute for Latin American Studies,

Russian Academy of Science (ILA RAS).

21/16 B. Ordynka, Moscow, Russia, 115035;

Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs

National Research University Higher School of Economic

20, Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000

E-mail: rozentaldm@gmail.com

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 «Global and regional centers of power in the emerging world order».

Abstract. This article attempts to analyse the leftist trend in the social development of Latin America in the 21st century. At the beginning of the century, this trend took place due to a combination of political, social, and economic factors. The current "pink wave" can be explained by the dissatisfaction of the middle class with the existing system and traditional elites, who are unable to solve the most important problems of society. The study identifies a key characteristic of socialist movements: the pursuit of equality, which is understood broadly and includes aspects of wealth, gender, and ethnicity. The article explains the reasons for the reproduction of leftist political culture and compares progressive governments from different generations. It highlights key differences among them, including their driving forces, relationships with the United States, regional integration processes, and ideological positions. A significant part of the article analyses the political situation in Chile, Peru, Colombia, and Brazil. In each country, progressive governments don't have control over legislative power, and implementing decisions requires agreements with the opposition. While leftist ideology remains an important direction in social thought, it is not a dominant trend among Latin Americans. Furthermore, it is highly likely that the next electoral cycle may strengthen the position of right-wing parties in the region.

Keywords: Latin America, Chile, Peru, Colombia, Brazil, left, social development, political processes, ideology, electoral processes

DOI: 10.31857/S0201708324070076

REFERENCES

Vorotnikova T.A. (2023) Trudno byt levym: vneshnopoliticheskie strategii pravitelstv novoj «rozovoj volny» v Latinskoj Amerike [Hard to be left: foreign policy strategies of the new «pink tide» governments in Latin America], *World Economy and International Relations*, 67(1), pp. 101–110. DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-1-101-110 (In Russian).

Vorotnikova T.A. (2021) Levye v Peru: dolgij put naverh [The left in Peru: a long way to the top], *Social Sciences and Contemporary World*, 4, pp. 104–115. DOI: 10.31857/S086904990016056-3 (In Russian).

Vorotnikova T.A. (2022) Levye pravitelstva Latinskoj Ameriki vo vneshnopoliticheskoj strategii SShA: vozmozhen li dialog? [Left Latin American governments in the US foreign policy strategy: is the dialogue real?], *Russia and America in the 21st Century*, S1, DOI: 10.18254/S207054760023893-9 (In Russian).

Golinej V.A., Rozental D.M. (2023) Gegemoniya SShA v Latinskoj Amerike i vozmozhnosti po eyo preodoleniyu: gorizont 2040 [US hegemony in Latin America and opportunities to overcome it: horizon 2040], *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 12, pp. 21–32. DOI: 10.31857/S2686673023120027 (In Russian).

Davydov V.M. (2019) Latinoamerikanistika nashego vremeni: ee istoki, rezultaty i orientiry na perspektivu [Latin American studies of today: origins, results and perspectives], *Latin America*, 7, pp. 8–28. DOI: 10.31857/S0869587320110055 (In Russian).

Dyakova L.V. (2023) Novye levye v Chili pered licom ekzistencial'nyh problem [The «new left» in Chile in the face of existential challenges], *Latin America*, 4, pp. 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0024991-9 (In Russian).

Iwanowski Z.V. (2019) Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii: social'naya panorama i dinamika politicheskikh processov [Latin America in the new millennium: social panorama and dynamics of political processes], *Latin America*, 8, pp. 6–22. DOI: 10.31857/S0044748X0005576-2 (In Russian).

Iwanowski Z.V. (2023) Kolumbiya: levyy drejfs i korrekcirovka vneshnepoliticheskogo kursa [Colombia's drift to the left and foreign policy adjustments], *Problemy nacionalnoj strategii*, 2, pp. 50–69. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_2_50 (In Russian).

Iwanowski Z.V. (2024) «Rozovaya volna» v Latinskoj Amerike: strategiya i taktika novyh levyh [«pink tide» in Latin America: strategy and tactics of the new left], *Latin-American Historical Almanac*, 42, pp. 221–257. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-42-1-221-257 (In Russian).

Levyj povorot v Latinskoj Amerike, prichiny, sodержaniya, posledstviya (kruglyj stol v ILA RAN) [Left turn in Latin America: causes, content, consequences (round table at the ILA RAN)] (2006), *Latin America*, 6, pp. 4–27. (In Russian).

Okuneva L.S. (2024) «Lula 3.0»: problemy, protivorechiya i vyzovy vnutripoliticheskogo scenariya [«Lula 3.0»: problemas, contradicciones y desaffos del escenario politico interno], *Latin America*, 4, pp. 7–25. DOI: 10.31857/S0044748X24040013 (In Russian).

Pyatakov A.N. (2020) Fenomen socialnyh protestov v Latinskoj Amerike v 2019 g. Globalnyj kontekst i ekvadorskij case-study [The 2019 social protests in Latin America: global context and ecuadorian case-study], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Seriya 25. International Relations and World Politics, 12(2), pp. 7–43. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-2-7-43 (In Russian).

Sudarev V.P. (ed.) (2007) «Levyj povorot» v Latinskoj Amerike. [«Left Turn» in Latin America], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Jeifets V.L. (ed.) (2023) *Moskva, levye i Komintern v Latinskoj Amerike: istoriya i sovremenost* [Moscow, the Left and the Comintern in Latin America: History and Contemporary World], Ves mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Jeifets V.L. (ed.) (2023a) Komintern v Latinskoj Amerike: istoricheskie tradicii i politicheskie process [The Comintern in Latin America: historical traditions and political processes], Ves mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Yakovleva N.M. (2020) Latinskaya Amerika: socialno-politicheskij kontekst protestnoj aktivnosti [Latin America: social and political context of protest activity], *Perspectives and prospects. E-journal*, 1(21), pp. 66–81. DOI: 10.32726/2411-3417-2020-1-66-81 (In Russian).

Barrenengoa A. (2015) El proceso de integración latinoamericana: claves, conflictos y perspectivas de análisis, *Cuestiones de Sociología*, 13, pp. 97–112.

Dabène O. (2023) Alternancias electorales y nueva configuración geopolítica. *Les Études du CERI*. 264–265, pp. 5–9.

Davydov V.M., Agapova A.E. (2024) Dos oleadas de izquierda. rasgos generales y específicos. *Iberoamerica*, 1, pp. 49–70. DOI: 10.37656/s20768400-2024-1-03

Dobronravin N.A. (2023) Un sueño renacido: de las «repúblicas negras» de la Comintern a la «plurinacionalidad» con la participación afrodescendiente en América Latina, *Revista Izquierdas*, 52, pp. 4103–4119. DOI: 10.4067/s0718-50492023000100215

Harnecker M. (2010) *Inventando para no errar. América Latina y el socialismo del siglo XXI*, Secretaría de la Paz, Guatemala.

Jeifets L.S., Jeifets V.L. (2009) El giro a la izquierda en America Latina y el nacimiento del nuevo bolivarianismo: las tradiciones de la Komintern y la actualidad, *Ciencias Sociales*, 4, pp. 195–212.

Levitsky S., Roberts K.M. (2011) *The resurgence of the Latin American Left*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.

Panizza F., Sazo D. (2023) A new pink tide: The return of the left in Brazil and Chil, *Renewal*, 31(4), pp. 92–102.

УДК 339

ИНФЛЯЦИЯ В ЕС: ФОРМА, ПРИЧИНЫ И АНТИИНФЛЯЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

© 2024 **БАЖАН Анатолий Иванович**

Доктор экономических наук, главный научный сотрудник

*Руководитель Отдела экономических исследований Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3*

E-mail: aibazhan@bk.ru

Поступила в редакцию 25.08.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы природы инфляции, механизма и форм ее осуществления. Обоснована мысль, что любая инфляция независимо от того в какой стране и в какой период она реализуется всегда основана на росте стоимости издержек на производство и реализацию товаров. Этот рост может иметь разные причины: увеличение денежного спроса, импорт подорожавших товаров, монополистическое регулирование и др. В зависимости от этих причин следует выделять отдельные формы инфляции. Во второй части статьи проведен анализ причин современной инфляции в ЕС и мер ЕЦБ. Показано, что инфляция в региональном объединении является импортируемой, так как она обусловлена колоссальным ростом мировых цен на энергоносители в результате антироссийских санкций. В качестве доказательства приведены данные Евростата, которые показывают, что общая инфляция в зоне евро существенно возрастала вслед за ростом цен на энергию, а затем стала сокращаться по мере стабилизации цен на энергоносители. Представлены аргументы, что повышенная ключевая ставка ЕЦБ, действующая с осени 2022 г. по июнь 2024 г., не была главной причиной уменьшения инфляции в зоне евро. Сделан вывод, что антиинфляционные меры Европейского центрального банка были излишними и замедляли экономический рост в регионе.

Ключевые слова: инфляция, формы, причины, взаимосвязь цен, ЕС, ЕЦБ, антиинфляционная политика, ключевая ставка

DOI: 10.31857/S0201708324070088

Инфляция – общественный феномен, значимый политический фактор, объект внимания и регулирования в любом государстве. При высоких значениях она приводит к негативной социально-экономической ситуации. Инфляция влияет на ре-

альные доходы граждан, перераспределяет их в пользу наиболее богатых групп, уменьшает спрос на производимую продукцию и замедляет экономический рост. Она обесценивает сбережения, подрывает стимулы к накоплению доходов и тем самым сужает финансовую базу, которая служит источником инвестиций и развития национальной экономики. В условиях высокой инфляции трудно прогнозировать результаты экономических решений, что также замедляет инвестиционные процессы и экономическую динамику. Все это приводит к недовольству населения экономической политикой. Высокие темпы роста цен требуют от государственных структур соответствующей антиинфляционной политики. Ее успех зависит от определения причин и формы инфляции.

Формы инфляции

Поскольку инфляция означает повышение цен на товары и услуги, ее причины могут быть раскрыты в процессе анализа факторов, которые влияют на ценовые величины. На самом высоком уровне абстракции основополагающее положение парадоксально: «цены определяют цены», но оно вполне обосновано, так как вытекает из факта, что товарные цены взаимообусловлены и представляют систему, где каждый элемент влияет на все остальные и испытывает обратное воздействие.

Основа взаимовлияния – издержки производства и обращения товаров. Действительно, издержки на создание и доведения до потребителей какого-либо продукта выступают объективной базой его цены, так как владелец товара устанавливает такую её величину, которая позволяет окупать затраты и получать прибыль. Но сами эти издержки и их масштаб определяются ценами других товаров, которые расходуются в производстве и обращении данного продукта. Таким образом, издержки выступают средством связи, которая обеспечивает влияние множества разнообразных цен на стоимость каждого отдельного товара. Все это позволяет утверждать, что цены образуют систему, элементы которой взаимосвязаны, взаимообусловлены и находятся в некой пропорциональности. Например, цена зерна зависит от стоимостных оценок величины затрат на его производства, таких как расход семян, удобрений, топлива, амортизации сельскохозяйственных машин и т. д. В свою очередь стоимость зерна влияет на цену продуктов питания, а следовательно, заработную плату (цену производительной способности работника), которая входит в затраты производимых продуктов, что оказывает обратное влияние на стоимость зерна.

Учитывая взаимозависимость цен, можно предположить, что некоторые из них испытывают мутации в форме роста величин в той или иной сфере экономики, что нарушает сложившуюся пропорциональность, а также общую ценовую устойчивость и запускает процесс увеличения ценности товаров в других областях экономической деятельности. Система цен в целом таким образом стремиться к установлению пропорциональности на более высоком стоимостном уровне. Что касается вопроса об основе данной пропорциональности, то, как показал в одной из своих работ автор настоящей статьи, она в конечном счёте, выражает соотношения затрат труда, воплощенных в товарах и услугах [Бажан, 2005].

Углубление анализа требует определения тех причин, которые порождает этот инфляционный импульс. В российской и западной экономической литературе господствует идея, что инфляция может быть порождена либо увеличением издержек (инфляция издержек, или инфляция предложения), либо приростом количества денег в обращении (инфляция спроса) [Коновалова, 2023; Cambell, 1991; Shapiro, 2022]. Такая трактовка причин инфляции уравнивает факторы разного уровня. Если основой цены выступает стоимость затрат, то всеобщий рост цен в экономике (что и есть инфляция) – результат роста издержек. Последние могут возрасти под воздействием ряда факторов, среди которых может быть и избыток денег сверх потребностей товарного обращения.

Сторонники количественной теории денег упускают из вида, что инфляционный импульс, связанный с избытком денег в обращении, не воздействует сразу на всю систему цен, а возникает в форме роста спроса в отдельной сфере экономической деятельности и затем распространяется на другие секторы посредством издержек. Людвиг фон Мизес в работе «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории» в связи с этим отмечает, что количественная теория денег ошибочно трактует уровень цен на основе чисто механического, математического сравнения товарной и денежной массы. По его мнению, количество денег не определяет одновременно цены всех товаров пропорционально объему массы денег, а рост цен под влиянием денежного спроса может произойти сначала в том или ином секторе национального хозяйства в результате взаимодействия конкретных покупателей и продавцов товаров [von Mises, 1998].

Инициатором увеличения издержек и цен может быть избыток денег в обращении. В данном случае инфляция издержек проявляется в форме инфляции спроса, но это не значит, что она не может принимать другие формы. Мутации цен часто вызваны, например, диктатом монополий и удорожанием поставок по импорту. Следовательно, речь идет о монополистической и импортируемой инфляции. В итоге всеобщий рост цен всегда связан с увеличением издержек, но инфляция не всегда обусловлена возрастанием спроса.

Если монополии, используя доминирующее положение в том или ином секторе экономики, повышают цены, то это приводит к распространению повышательной ценовой тенденции на другие сферы экономики. Удорожание импортных товаров влияет аналогичным образом, т. е. порождает инфляционный импульс, энергия которого передается всей системе внутренних цен. При этом в последних двух случаях, как правило, увеличивается количество используемых в обороте денег. Однако это происходит после возникновения причин роста цен: для приобретения товаров и услуг с более высокой стоимостью требуются больший объем денежных средств, который обеспечивает уменьшение денежных остатков у хозяйствующих субъектов и населения, банковское кредитование и прилив иностранного денежного капитала.

Инфляционные ожидания потребителей и производителей товаров усиливают инфляционную волну, но не служат самостоятельной причиной¹. Рост цен застав-

¹ В экономической литературе инфляционные ожидания относят преимущественно к сфере потребителей товаров.

ляет потребителей товарной продукции использовать как можно более полно возможности для скупки товарных ресурсов сверх объективных потребностей за счет собственных денежных запасов, а также предоставленных банками кредитов. Такое поведение обусловлено стремлением превратить деньги в товары, чтобы предотвратить грядущие финансовые потери, связанные с обесценением ликвидности, а также получить выгоду от перепродажи приобретенных материальных ценностей. Результатом выступает дополнительное увеличение глобального спроса.

Инфляционные ожидания производителей и поставщиков товаров выражены в другой форме: они повышают цены на принадлежащую им продукцию до максимальных пределов, т. е. зачастую выше уровня, обусловленного ростом издержек. Иногда производители и поставщики придерживают продажу товаров, что ведет к увеличению товарного голода и разгоняет инфляцию до более высоких значений. Такие действия вызваны стремлением нарастить в максимальной степени доход в условиях всеобщего удорожания товарных ресурсов. Кроме того, производители и поставщики исходят из предположения, что в ближайшем будущем издержки производства продолжат увеличиваться. Все это придает инфляционному процессу дополнительную силу.

Инфляционные ожидания и желание владельцев товаров получить максимальную прибыль выступают причиной того, что инфляция приобретает форму затяжного самоподдерживающегося процесса. Эти факторы не дают быстро прийти системе цен в состояние равновесия и пропорциональности. Возникает инфляционная спираль: вышедшая из равновесия в результате первичного импульса система получает новый толчок, если какое-либо предприятие или отрасль экономики повышает цену сверх меры и тем самым стимулирует появление нового цикла всеобщего подорожания [Громыко, 2023: 312–325].

И всё же развитие инфляционной спирали имеет ограничения. Реализация товаров по более высоким ценам предполагает наличие дополнительного денежного спроса, который обеспечивают денежные накопления населения и предприятий, а также увеличение кредитования посредством финансирования банковской системы со стороны эмитента национальной валюты. В то же время рост цен истощает накопленные денежные остатки, что уменьшает возможности дальнейшего развития инфляции, а денежно-кредитная политика эмитента способна сократить выпуск денежных знаков в обращение и подпитку ликвидностью организаций по кредитованию экономики, что ослабляет тем самым силу, поддерживающую инфляционную спираль.

Причины современной инфляции и антиинфляционная политика в ЕС

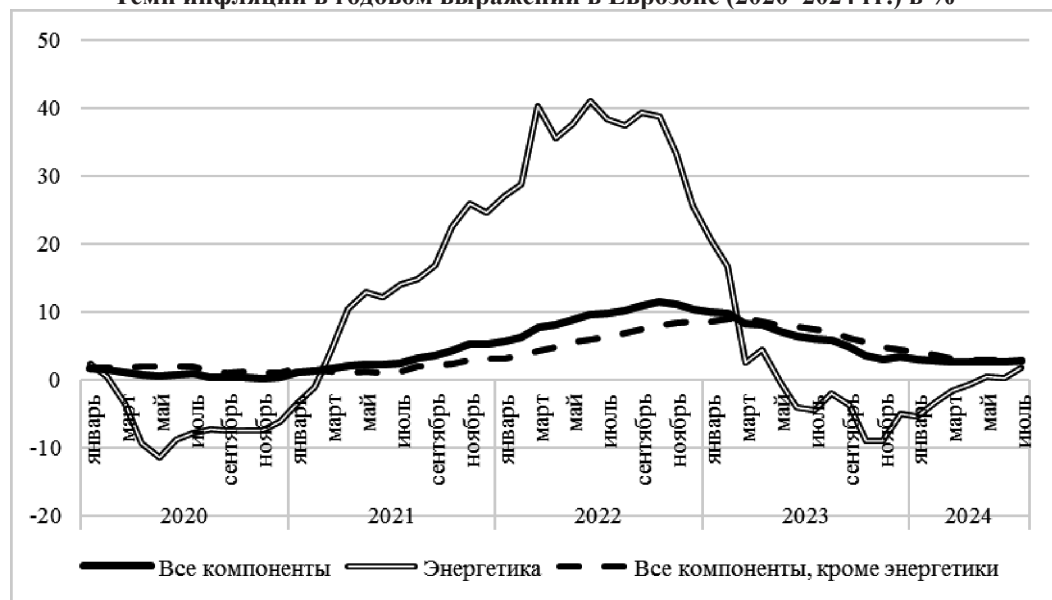
Современная инфляционная ситуация, характерная для Еврозоны, представлена на рисунке 1. Начало интенсивного роста всей совокупности цен относится к 2021 г., что обусловлено в значительной степени окончанием пандемии *COVID-19*. Отложенный спрос населения и предприятий в виде возросших остатков денежных средств (в т. ч. в результате бюджетных субсидий и помощи, предоставленной центральными органами управления ЕС предприятиям и лицам, потерявшим работу

[Горюнов, 2023]) выплеснулся разом на рынок. Он привел к быстрому возрастанию цен в условиях отставания от спроса процессов воссоздания каналов товарного снабжения, нарушенных государственными мерами по борьбе с пандемией. Иными словами, повышение цен в этот период приняло форму инфляции спроса, потенциал которой быстро исчерпался в результате роста товарной стоимости и восстановления каналов снабжения.

В начале 2022 г. ЕС в результате антироссийских санкций создал новый импульс роста цен, которые быстро увеличивались до сентября 2024 г. Затем импульс постепенно терял силу: в июле 2024 г. прирост цен в Еврозоне составил 2,6%, в ЕС – 2,8, в августе – 2,2 и 2,4, в сентябре – 1,7 и 2,1 соответственно¹. Инфляция снизилась до нормального уровня, который, по мнению специалистов в Евросоюзе, достаточен для поддержания стимулов к экономическому росту и не имеет существенных негативных последствий для социальной жизни в регионе. Вместе с тем в Еврозоне наметилась тенденция к дефляции, поскольку прирост цен составил менее 2%.

Рис. 1

Темп инфляции в годовом выражении в Еврозоне (2020–2024 гг.) в %



Источник: составлено на основе данных HICP - monthly data (annual rate of change). Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/prc_hicp_manr_custom_12700889/default/table?lang=en (дата обращения: 28.08.2024).

В условиях высокой инфляции, превышающей двухпроцентный показатель, обычно используют такой элемент монетарной политики, как антиинфляционное воздействие на экономическую сферу с целью снижения интенсивности роста цен.

¹ HICP – monthly data (annual rate of change). Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/PRC_HICP_MANR_custom_3761882/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=4ad27e6f-358a-4a3d-82a0-587d69a833eb (дата обращения: 12.11.2024).

Основной инструмент – ключевая процентная ставка, которую устанавливает центральный банк для кредитов, предоставляемых банковской системе для регулирования стоимости заемных средств и воздействия на денежную массу и спрос, влияющий на цены.

С марта 2016 до сентября 2022 гг. ставка оставалась на нулевом уровне, что породило быстрое нарастание вложения Европейского центрального банка в экономику стран зоны евро и позволяло наполнять значительной ликвидностью каналы денежного обращения. Нулевая ставка сохранялась, несмотря на подорожание в конце 2021 г. товаров и услуг и сверхбыстрый рост цен в первой половине 2022 г. Банк исходил из того, что основная причина инфляции – рост мировых цен на энергоносители (газ и нефть) – выступает внешним фактором (импортируемая инфляция). ЕЦБ полагал, что цены на нефть и газ не могут быть ограничены средствами локальной монетарной политики, так как устанавливаются на мировом рынке, т. е. не зависят от денежного спроса внутри региона [Lagarde, 2021].

Когда инфляция достигла почти максимума, ЕЦБ неожиданно изменил стратегию и сделал упор на удорожание денег, постепенно увеличивая ключевую ставку рефинансирования с нулевого уровня в сентябре 2022 г. до 4% в июне 2023 г. и до 4,5% в сентябре 2023 г.¹ До последнего времени Банк продолжал поддерживать эту ставку. Объяснение было стандартным: высокая инфляция связана с ростом денежной массы в обращении, ее возрастание необходимо замедлить, сделав кредиты более дорогими для заёмщиков². Другими словами, ЕЦБ отошел от понимания инфляции как следствия энергетического кризиса.

В ужесточении монетарной политики в виде роста ключевой процентной ставки не было необходимости. Антиинфляционное повышение процентной ставки в полной мере начинает действовать по прошествии примерно одного года. Однако уже в ноябре 2022 г. темпы инфляции существенно снизились. Это позволяет предположить, что без ужесточения монетарной политики прирост цен мог дойти до низкого уровня. В то же время мероприятия ЕЦБ по повышению ставок тормозили экономический рост в регионе.

Рисунок 1 показывает, что инфляция в целом по всем товарным группам следовала за приростом цен на энергетические товары (нефть и газ). В начале 2022 г. в результате введения антироссийских санкций произошел гигантский рост цен на энергетические товары, что привело к значительному увеличению стоимости других товаров. Снижение прироста цен на нефть и газ после сентября 2022 г. обусловило последующие снижение темпов инфляции после марта 2023 г. по другим товарным позициям.

Причины понижения прироста цен на энергию связаны с внешними обстоятельствами – изменениями, характерными для мирового энергетического рынка. С одной

¹ Euro Area Interest Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/interest-rate> (дата обращения: 26.07.2024).

² Christine Lagarde, President of the ECB, Luis de Guindos, Vice-President of the ECB. Monetary-policy-statement. Press conference. Amsterdam. 09.06.2022. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/press_conference/monetary-policy-statement/2022/html/ecb.is220609~abe7c95b19.en.html (дата обращения: 26.07.2024).

стороны, обозначились пределы для повышения стоимости энергоносителей, с другой – произошло переформатирование системы снабжения энергией стран ЕС: повысилось значение импорта сжиженного газа из США, возросли поставки электроэнергии, производимой на атомных и тепловых электростанциях. С марта 2023 г. стоимость энергии превратилась в фактор, который стал действовать в направлении снижения общего ценового уровня.

Однако реакция общей ценовой динамики на повышение и сокращение темпа роста стоимости нефти и газа была замедленной. Если максимум прироста цен на энергию приходился на март и июнь 2022 г., то общая инфляция, выраженная посредством гармонизированного индекса потребительских цен (*Harmonised Index of Consumer Prices, HICP*), применяемого ЕЦБ, стала максимальной в октябре 2022 г., а инфляция по всем товарным группам, за исключением энергии, достигла максимума в марте 2023 г. Запаздывание характерно также для периода после сокращения роста цен на энергоносители. Сокращение началось в октябре 2022 г., а общий индекс прироста цен стал уменьшаться только с апреля 2023 г.

Отстававшая динамика общей ценовой трансформации имела место, в частности, потому что на производстве и в торговле некоторое время сохранялись запасы товаров, сырья, материалов и оборудования, приобретенных до подорожания мировых энергетических ресурсов. По мере исчерпания запасов постепенно нарастало воздействие многократно возросшей стоимости энергии на цены выпускаемой продукции. Из-за запоздания эффект продолжился, когда темпы возрастания стоимости энергии стали снижаться.

Замедленная реакция прироста общего уровня цен, видимо, связана также с другим обстоятельством. Инфляция может превращаться в самоподдерживающийся процесс, который раз возникший сохраняет некоторое время высокие темпы роста цен. В 2023 г. в ЕС сложилась именно такая ситуация: быстрый подъем цены на энергию породил спираль, в которой каждый виток служит предпосылкой для последующего ценового прироста.

До начала масштабной инфляции 2022 г. система цен находилась в состоянии относительного равновесия, при которой изменения в стоимостях были незначительными. Резкое подорожание энергии вывело систему из состояния равновесия. Началось повышательное ценовое движение в смежных областях экономики, которое захватило все сферы хозяйства и послужило предпосылкой для дальнейшего развития процесса после того, как прирост цен на энергоносители стал быстро снижаться и превратился в антиинфляционный фактор. Последний вместе с естественными ограничителями обусловили исчерпание потенциала спирали и приблизили темпы роста цен к низкому уровню. К концу 2023 г. с большим опозданием в том же направлении начала действовать антиинфляционная ключевая ставка ЕЦБ.

Перспективы инфляции в ЕС

Возникает вопрос, почему современная инфляция в ЕС связана исключительно с энергетическим фактором, а не порождена, как считает ЕЦБ, избытком денег в обращении? Начиная с кризиса 2009 г. опыт функционирования ЕС показывает, что

наращивание денежной массы в современных условиях в основном не ведет к росту цен и даже может сопровождаться дефляционными тенденциями.

Иными словами, стабилизация цен на энергию (с небольшими колебаниями в сторону понижения или повышения) ведут к состоянию экономики, где действуют те же факторы низкой повышательной динамики цен, что наблюдались до коронакризиса. Данные таблицы 1 показывают инфляционную ситуацию в этот период.

Таблица 1

Годовые темпы прироста потребительских цен в еврозоне (2015–2020 гг.) в %

Годы	Показатели
2015	0,19
2016	0,23
2017	0,02
2018	0,02
2019	0,01
2020	0,00

Источник: рассчитано автором на основе данных Евростата. HICP - annual data (average index and rate of change). Eurostat. URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/prc_hicp_aind/default/table?lang=en&category=prc_prc_hicp (дата обращения: 04.08.2024).

Масштабы инфляции в форме прироста потребительских цен характеризовались крайне низкими снижающимися показателями, стремившимися к нулевой отметке. По этой причине монетарные власти ЕС наращивали эмиссию европейской валюты, чтобы избежать дефляции и стимулировать экономический рост. Эмиссия производилась главным образом путем расширения кредитования банковских организаций со стороны ЕЦБ, а также за счёт скупки корпоративных и государственных ценных бумаг. Об увеличении выпуска денег в таком формате свидетельствуют соответствующие позиции консолидированного баланса Европейской центрального банка. Если в 2015 г. объем эмиссии в данной форме составил 1720,0 млрд евро, то в 2019 г. – 3472,5 млрд¹.

В российских и зарубежных научных работах детально описаны причины дефляционных тенденций в ЕС после кризиса 2009 г. [Бажан, 2017; Буторина, 2018; Teryan, 2021; Nauzenberger, 2021; Demiralp, 2021]. Эти причины можно подразделить на два блока: внешние и внутренние. К первым, например, относят изменения мировых цен на сырьевые товары; повышение курса национальной валюты; колебание цен потребительских товаров в США и других странах; торговую экспансию развивающихся стран, поставляющих в ЕС относительно дешёвую продукцию, и некоторые другие. Среди причин, связанных с внутренними условиями, – низкий уровень роста реального ВВП и потребления, что означает незначительность прироста доходов; недостаточная занятость населения трудом с учетом скрытой безра-

¹ Рассчитано автором по данным ЕЦБ: Annual consolidated balance sheet of the Eurosystem. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/annual-reports-financial-statements/annual/balance/html/all_balance_sheets.en.html (дата обращения: 04.08.2024).

ботицы в форме, например, сокращенного рабочего дня и рабочей недели; вывоз денежных капиталов (в т. ч. эмитированных ЕЦБ в рамках проведения монетарной политики) в другие страны с целью получения более высокой прибыли.

Существует еще один фактор долгосрочного характера, который в основном не упоминается в научных работах, но играет значительную роль и выступает одновременно внешней и внутренней причинами. Это – характер современной экономики. Речь идет о том, что ее развитие в форме совершенствования маркетинга, коммуникаций, средств транспорта, связи и логистики привело экономику к состоянию, при котором внутреннее и зарубежное производство чутко и оперативно реагирует на изменения на европейском рынке. В результате практически мгновенно удовлетворяется дополнительный денежный спрос, не допускается существенных временных разрывов между моментами его появления и товарным покрытием. Последнее объясняет тот факт, что для развитых стран, таких как США, Япония, ЕС (а также Китай), где денежная масса существенно превышает производимый ВВП, характерны весьма умеренные инфляционные показатели.

Вышеперечисленное позволяет предположить, что в ближайшем будущем, если не случится резкий скачок мировых цен на энергоносители (или другой важный для всего мира ресурс, например продовольствие) по внеэкономическим причинам, ЕС ожидает возвращение предпосылок дальнейшего снижения масштабов инфляции вплоть до самых низких значений. Власти Евросоюза, в т. ч. ЕЦБ, вынуждены будут бороться не с возрастанием цен, а с дефляционными тенденциями. Что касается внеэкономических причин инфляции, то их появление возможно в ближайшей перспективе из-за военных действий в Европе, Ближнем Востоке или в Юго-Восточной Азии.

Заключение

В теоретическом плане следует рассматривать инфляцию как прирост совокупности цен в результате увеличения стоимости издержек, которые несут владельцы товаров при производстве и реализации товаров или услуг. Инфляция издержек может выступать в различных формах в зависимости от причин возникновения. Такими формами могут быть импортируемая инфляция, инфляция спроса, монопольная инфляция и др. Современная инфляция в ЕС в основном носит импортируемый характер, поскольку ее причина – стремительно возросшие цены мирового рынка на энергоносители в 2022 г. в результате введения санкций против России, одного из главных поставщиков этих ресурсов в Европу.

С осени 2022 г. ЕЦБ проводит антиинфляционную политику повышенных процентных ставок. Однако она мало обоснована, поскольку инфляция порождена не избытком денежной массы, а ростом цен на энергоресурсы. Снижение интенсивности роста цен на энергоносители и даже их недавнее абсолютное сокращение приведут ценовую среду к низким инфляционным значениям. Высокие ставки замедляют вывоз финансового капитала из стран ЕС в другие регионы мира, но в то же время такая политика ЕЦБ неблагоприятно сказывается на экономическом росте в ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И. (2005) *Деньги и денежно-кредитная политика в Западной Европе*. Огни ТД, Москва. 173 с.
- Бажан А.И. (ред.) (2017) *Роль мировых денег в глобальном управлении*. ИЕ РАН, Москва. С. 34–67.
- Буторина О.В., Цибулина А.Н. (2018) Инфляция в еврозоне: проблемы новой нормальности. *Современная Европа*. № 4. С. 90–100.
- Горюнов Е.Л., Дробышевский С.М., Кудрин А.Л., Трунин П.В. (2023) Причины и уроки ускорения глобальной инфляции. *Вопросы экономики*. № 7. С. 5–34.
- Громыко Ал.А. (ред.) (2023) *Европа в глобальной пересборке*. ИЕ РАН, Весь мир, Москва. С. 312–325.
- Campbell C.D., Campbell R.G., Dolan Edwin G. (1991) *Money, Banking, and Monetary Policy*. «Profico» LTD. 617 p.
- Demiralp S., Eisenschmidt J., Vlassopoulos T. (2021) Negative interest rates, excess liquidity and retail deposits: Banks' reaction to unconventional monetary policy in the euro area. *European Economic Review*. Vol. 136. 103745. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103745>
- Hauzenberger N., Pfarrhofer M., Stelzer A. (2021) On the effectiveness of the European Central Bank's conventional and unconventional policies under uncertainty. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 191. P. 822–845.
- Konovalova M.E., Materova E.S., Malahov V.P., Karasik O.S. (2023) Osobennosti inflyacionnih proceccov v ekonomike sovremennoy Possii. *Kreativnaya ekonomika*. Vol. 17. No. 7. P. 2581–2596.
- Lagarde Ch. (2021) *Commitment and persistence: monetary policy in the economic recovery*. European central bank. 19.11. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2021/html/ecb.sp211119~3749d3556c.en.html> (дата обращения: 04.08.2024).
- von Mises L. (1998) *Human Action: A Treatise on Economics*. The Ludwig von Mises Institute, Auburn, USA. 908 p.
- Shapiro A.H. (2022) *Decomposing Supply and Demand Driven Inflation*. Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper 2022-18. 44 p. DOI: <https://doi.org/10.24148/wp2022-18>
- Teryan D. (2021) Specifics of the ECB's monetary policy unconventional measures. *Amberd Bulletin*. No. 6. P. 10–16.

Inflation in the EU: Form, Causes and Anti-inflationary Policy

A.I. Bazhan

Doctor of Sciences (Economics), Head of the Department of Economic studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.

E-mail: aibazhan@bk.ru

Abstract. The article consists of two parts. The first part examines the theoretical issues of the nature of inflation, the mechanism and forms of its implementation. The author substantiates the idea that any inflation, regardless of which country and in which period it is realised, is always based on an increase in the cost of production and sale of goods. This growth may have different reasons: an increase in monetary demand, imports of more expensive goods, monopolistic regulation, etc. Depending on these reasons, separate forms of inflation should be distinguished. The second part is devoted to the analysis of the causes of modern inflation in the EU and the measures of the European Central Bank to prevent price increases. It shows that inflation in the regional association be-

longs to the category of imported, as it was caused by a huge increase in world energy prices, the supply of which to Western countries was limited by anti-Russian sanctions. As proof, the author cites Eurostat figures, which show that overall inflation in the euro area increased significantly following the rise in energy prices, and then began to decline as energy prices stabilised. Arguments are also presented that the ECB's increased key rate, effective from autumn 2022 to June 2024, was not the main reason for the decrease in inflation in the euro area. In this regard, the author concludes that the Central Bank's anti-inflationary measures were unnecessary, and at the same time hindered economic growth in the region.

Keywords: inflation, forms, causes, price interrelation, EU, ECB, anti-inflationary policy, key rate

DOI: 10.31857/S0201708324070088

REFERENCES

- Bazhan A.I. (2005) *Denygi I denezhno-kreditnaya politika v Zapadnoy Evrope* [Money and monetary policy in Western Europe], Ogni TD, Moscow, Russia. (In Russian).
- Bazhan A.I. (ed.) (2017) *Role mirovih deneg v globalnom upravlenii* [The role of world money in global governance], IE RAN, Moscow, Russia, pp. 34–67. (In Russian).
- Butorina O.V., Cibulina A.N. (2018) Infljaciya v evrozone: problemi novoy normalnosti [Inflation in the eurozone: problems of a new normality], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 90–100. (In Russian).
- Campbell C.D., Campbell R.G., Dolan Edwin G. (1991) *Money, Banking, and Monetary Policy*, «Profico» LTD.
- Lagarde Ch. (2021) *Commitment and persistence: monetary policy in the economic recovery*. European central bank. 19.11. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2021/html/ecb.sp211119~3749d3556c.en.html> (accessed: 04.08.2024).
- Demiralp S., Eischmidt J., Vlassopoulos T. (2021) Negative interest rates, excess liquidity and retail deposits: Banks' reaction to unconventional monetary policy in the euro area, *European Economic Review*, 136, pp. 103745.
- Gorunov E.L., Drobyshevskij S.M., Kudrin A.L., Trunin P.V. (2023) Prichiny i uroki uskoreniya globalnoy infljacji [Causes and lessons of accelerating global inflation], *Voprosy ekonomiki*, 7, pp. 5–34. (In Russian).
- Gromiko A.I. (ed.) (2023) *Evropa v globalnoy peresborke* [Europe in the global bulkhead], IE RAN, Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 312–325. (In Russian).
- Hauzenberger N., Pfarrhofer M., Stelzer A. (2021) On the effectiveness of the European Central Bank's conventional and unconventional policies under uncertainty, *Journal of Economic Behavior & Organization*, 191, pp. 822–845.
- Konovalova M.E., Materova E.S., Malahov V.P., Karasik O.S. (2023) Osobennosti infljacionnih proceccov v ekonomike sovremennoj Rossii, *Kreativnaya ekonomika*, 17(7), pp. 2581–2596.
- von Mises L., von (1998) *Human Action: A Treatise on Economics*, The Ludwig von Mises Institute, Auburn, USA.
- Shapiro A.H. (2022) *Decomposing Supply and Demand Driven Inflation*, Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper 2022-18. DOI: <https://doi.org/10.24148/wp2022-18>
- Teryan D. (2021) Specifics of the ECB's monetary policy unconventional measures, *Amberd Bulletin*, 6, pp. 10–16.

УДК 339.97

ВМЕСТО ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ: О РАБОТЕ СОВЕТА ПО ТОРГОВЛЕ И ТЕХНОЛОГИЯМ США И ЕС¹

© 2024 КИСЛИЦЫН Сергей Владимирович

*Кандидат политических наук, руководитель Центра изучения
стратегического планирования, Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова Российской академии наук,
117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23.
E-mail: skislitsyn@imeto.ru*

© 2024 ЧУДИНОВА Ксения Олеговна

*Научный сотрудник Центра североамериканских исследований,
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук,
117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23.
E-mail: Chudinova@imeto.ru*

© 2024 ГУЖЕВА Анна Андреевна

*Младший научный сотрудник, Центра изучения стратегического планирования,
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук,
117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23.
E-mail: aguzheva@imeto.ru*

Поступила в редакцию 03.10.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности американо-европейского Совета по торговле и технологиям, учрежденного в 2021 г. Выявлены предпосылки его создания, обусловленные стремлением сторон разрешить противоречия в трансатлантических отношениях, а также дальнейшим развитием стратегической конкуренции США и ЕС с КНР. Проведен анализ организационной структуры, основных направлений деятельности, а также некоторых результатов работы совета.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Отмечено, что ввиду специфики противоречий партнеров предлагаемые рабочими группами совета решения имеют ограниченный характер. К ним относятся условия обмена цифровой информацией между США и ЕС, ее безопасного хранения, создание общего информационного пространства, режимов торговли и инвестирования. Не менее острая проблема связана с реализацией промышленных политик США и ЕС, направленных на поддержку национальных производств в высокотехнологических отраслях и создающих риски новой «войны субсидий». В заключении дана оценка перспектив развития совета и его возможности повлиять на дальнейшее развитие трансатлантических отношений в сферах торговли и технологического сотрудничества в обстановке нарастающих глобальных трансформаций, конфронтации с Российской Федерацией и конкуренции с Китаем.

Ключевые слова: протекционизм, промышленная политика, трансатлантические отношения, торговая политика США, торговая политика ЕС

DOI: 10.31857/S020170832407009X

Евросоюз и США – важнейшие торговые и инвестиционные партнеры. Объем их двусторонней торговли товарами и услугами до пандемии *COVID-19* достигал 1,1 трлн долл.¹ – приблизительно 1% мирового ВВП. Для трансатлантических отношений характерна высокая динамика. В период 2010–2019 гг. двусторонняя торговля росла в среднем на 5% ежегодно. После падения на 30% в 2020 г. она восстановилась на 17% в 2021 г. (Табл. 1). Не менее значимы трансатлантические потоки прямых иностранных инвестиций.

Таблица 1

Объём торговли и инвестиций между США и ЕС в 2019–2023 гг., млн долл. США

Поток	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт товаров США в ЕС	338 920	233 157	273 236	353 014	377 904
Импорт товаров США из ЕС	517 708	417 078	492 397	557 415	579 548
Экспорт услуг США в ЕС	284 772	182 450	203 759	246 854	261 661
Импорт услуг США из ЕС	209 732	108 824	131 006	171 482	185 141
ПИИ США в ЕС	н/д	2 382 406	2 392 520	2 456 720	2 577 823
ПИИ ЕС в США	н/д	2 101 476	2 325 437	2 302 078	2 419 872

Источник: Составлено по данным статистики правительства Соединенных Штатов. International Trade in Goods and Services. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services>; Direct Investment by Country and Industry. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/direct-investment-country-and-industry> (дата обращения: 02.09.2024).

¹ European Union. European Union Trade & Investment Summary. Office of the United States Trade Representative. 10.10.2022. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/europe/european-union> (дата обращения: 02.09.2024).

Развитые связи ЕС и США сформировались во второй половине XX – начале XXI вв. и сопровождались высокими темпами глобализации. Данный период характеризовался перемещением производств в развивающиеся страны и «технологической рентой» ведущих стран мира. Современный этап развития мировой экономики отличается обратными тенденциями – кризисом глобализации, протекционизмом и увеличением нетарифных торговых ограничений, повышением различных требований для доступа на рынки. Усиление в первую очередь КНР и Индии снижает выгоды «технологической ренты», вынуждает развитые страны инвестировать в производство на своих территориях и переходить к реализации промышленных политик.

Большое значение приобретают геополитические факторы. Стратегическая конкуренция с КНР и военно-политическая конфронтация с Россией – основные вызовы как для США, так и для ЕС. В этой связи трансатлантические союзники стремятся выстроить «контролируемую глобализацию»: избежать блокового деления мира, сохранить динамику развития и поставить под контроль процессы в экономике и технологической сфере в третьих странах. Это реализуется путем расширения функций государства и обеспечения контроля над движением капитала и переносом цепочек поставок [Голуб, Шенин, 2023].

Риски для торгово-экономических отношений и кооперации на трансатлантическом пространстве могут привести к деградации существующей системы хозяйственных взаимоотношений и требуют взаимного регулирования. В период работы администрации Дж. Байдена США и ЕС приложили значительные усилия к минимизации противоречий, включая активное взаимодействие на уровне законодательных и исполнительных властей и создание межправительственных форматов, в т. ч. Совета по торговле и технологиям (СТТ; *U.S.-EU Trade and Technology Council*) [Портанский, 2023; Шариков, 2024]. Позиция союзников оставалась реалистичной: максимальное сглаживание существующих разногласий и снижение вероятности новых кризисов в двусторонних отношениях, прежде всего в области торговли, инвестиций и трансфера технологий.

Создание СТТ далеко не первая попытка выстроить межправительственный диалог США, ЕС и деловых кругов по обе стороны Атлантики. Однако количество рабочих тем совета и организация его деятельности (постоянно функционирующие рабочие группы, регулярные встречи с присутствием высших чиновников США и ЕС) свидетельствуют об особом значении формата. В статье внимание уделено ключевым направлениям и результатам работы СТТ. В условиях невозможности заключения торговых договоров на трансатлантическом пространстве совет может оказаться единственной длительной альтернативой. Основная задача СТТ – не налаживание процессов в области торговли, а определение регуляторных норм и стандартов, которые могут быть приняты по согласованию, но в отдельности как в США, так и в ЕС. Ожидаемые результаты – снижение нетарифных торговых ограничений и формирование стандартов и требований эксклюзивного характера, которые позволяют ограничивать деятельность контрагентов третьих сторон.

Предпосылки к созданию СТТ

США и ЕС проводят политику снижения рисков, возникающих в результате тесной экономической интеграции с Китаем, а именно сокращают зависимость от китайских поставок в сферах торгово-экономического взаимодействия, которые имеют стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности. В долгосрочной перспективе Вашингтон и Брюссель стремятся ограничить двусторонние потоки товаров, услуг, прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и реструктуризировать глобальные цепочки создания стоимости в критически важных областях.

Значительная часть международного товарообмена, в т. ч. высокотехнологичной продукцией, происходит в треугольнике США – ЕС – Китай. В 2022 г. на долю КНР приходилось 7,5% американского экспорта и 17,1% импорта товаров. США были для Китая крупнейшим рынком сбыта продукции (16,2%) и значимым источником товарного импорта (6,6). Обе страны выступали крупнейшими торговыми партнерами Евросоюза как в качестве экспортных рынков (доля США составила 19,5%, КНР – 8,8), так и в качестве поставщиков (20,8% товарного импорта ЕС поступало из Китая, а 11,8 – из Соединенных Штатов). Доля Евросоюза в товарном экспорте США – 17%, в импорте – 16,9%, а в экспорте и импорте КНР – 15,7 и 10,5% соответственно¹.

Многие европейские и американские «цифровые гиганты» прочно связаны с китайской экономикой как через производственно-сбытовые цепочки, так и через потоки капитала. Однако после начала торговой войны с Китаем во время президентства Д. Трампа Вашингтон начал принимать меры по ограничению входящих инвестиций для того, чтобы повлиять на развитие передовых китайских технологий, имеющих двойное применение. В числе таких мер – Закон о модернизации процесса оценки рисков от иностранных инвестиций (*Foreign Investment Risk Review Modernization Act, FIRRMA*). Одна из целей законодательного акта – ограничение трансфера американских технологий, имеющих значение для обеспечения национальной безопасности. Параллельно ужесточались требования к исходящим инвестициям, формировался своего рода «доэкспортный контроль». В 2023 г. введена проверка инвестиций в отдельные высокотехнологичные производства в странах, «вызывающих беспокойство»².

Европейское регулирование развивалось иначе. Необходимость выработки единой политики государств-членов затрудняет формирование жесткого подхода по отношению к КНР. Брюссель использует более мягкие меры, чем Соединенные Штаты. Политика интеграционного объединения опирается на правила системы ВТО. Поло-

¹ Trade Profiles 2023. Geneva. World Trade Organization. 2023. 400 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles23_e.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

² Provisions Pertaining to U.S. Investments in Certain National Security Technologies and Products in Countries of Concern. Federal Register. Vol. 88, No. 155, Proposed Rules. 14.08.2023. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2023-08-14/pdf/2023-17164.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

жения Стратегии экономической безопасности ЕС основаны на идеи снижения рисков и избегают формулировок, аналогичных американскому «разъединению» с китайской экономикой. Кроме того, доля накопленных китайских ПИИ в Европе намного ниже доли американских инвестиций и на пике составляла 0,8% в 2021 г. против 17% со стороны США [Моисеева, Кулинич, 2024].

Введение пошлин Евросоюзом преимущественно сводится к ограничениям для отдельных производителей электромобилей и попыткам добиться для европейских автостроителей равных условий в конкуренции с китайскими компаниями. Таким образом, экономическая политика ЕС предполагает баланс между снижением рисков в отраслях, критически важных для обеспечения экономической безопасности, и курсом на продолжение сотрудничества с КНР.

На этом фоне развитие американо-европейских отношений требует особого внимания. В 2016 г. были остановлены попытки создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Причины связаны с различиями в требованиях к качеству продукции и действующих стандартах, риском утраты рабочих мест, защитой производителей, проблемами субсидий и допуска к государственным закупкам.

Кроме того, Соединенные Штаты утратили способность заключать торговые соглашения. С одной стороны, Конгресс из-за внутренних противоречий не может принимать эффективные решения в области внешнеэкономического сотрудничества. С другой – администрация президента не обладает полномочиями по развитию торговли (*Trade Promotion Authority, TPA*), которые предоставляются от лица законодательной власти для ускоренного заключения соглашений. Подобные разрешения выдавались всего трижды в американской истории, последний раз – для переговоров по ТТИП.

После победы Д. Трампа на выборах в 2024 г. возросли риски возобновления войны тарифов. Еще один традиционный сдерживающий фактор в трансатлантических отношениях – расхождения в стандартах США и ЕС в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), искусственного интеллекта (ИИ), безопасности данных. Европейские требования строже американских. Учитывая продвижение Вашингтоном ряда инициатив в области секьюритизации ИИ, решение этой проблемы приобретает особую актуальность и требует согласования как внутри ЕС, так и на трансатлантическом пространстве [Csernatoní, 2021].

С точки зрения представителей американского бизнеса, развитие двусторонней торговли сдерживают глубокие нормативно-правовые различия в контроле товаров и услуг. Меры по защите потребителей выступают нетарифными барьерами, ограничивают доступ к рынку и увеличивают операционные затраты для иностранных фирм¹.

Необходимость решения вышеупомянутых вопросов способствовала созданию СТТ. Ранее США и ЕС уже организовывали подобные консультативные органы. В

¹ U.S.-EU Trade Relations. Congressional Research Service. 03.06.2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47095> (дата обращения: 02.09.2024).

1995 г. создана организация «Новая трансатлантическая повестка». Однако ее деятельности препятствовали ориентация Евросоюза на развитие Единого рынка и неготовность интеграционного объединения формировать общую внешнюю политику. На этом фоне замедлились переговоры о развитии торговли: США отказались снять пошлины на текстиль и другие товары, ЕС опасался за безопасность отдельных направлений электроники и сельскохозяйственную отрасль. В 2007 г. для развития диалога по вопросам инноваций и энергетики, предотвращения регуляторных противоречий и поддержки малого и среднего бизнеса учрежден Трансатлантический экономический совет (*Transatlantic Economic Council, TEC*). После прекращения переговоров по ТТИП и прихода администрации Д. Трампа работа совета была прекращена.

Администрация Дж. Байдена стремилась переосмыслить возникшие трудности во внешнеэкономической политике США. Они во многом связаны с традиционными торговыми соглашениями, которые приводили к сокращению рабочих мест ввиду перемещения производств в офшорные территории. В этой связи лейтмотивом стал поиск баланса между конкуренцией и сотрудничеством, экономическим ростом и социальной справедливостью. Новая инклюзивная торговая политика ориентировалась на интересы рабочих и среднего класса [Меньшикова, 2024].

В практическом плане провал инициатив по созданию или участию в зоне свободной торговли (ЗСТ), общий курс на протекционизм вместе с отсутствием полномочий по развитию торговли сформировали стратегию администрации Дж. Байдена, которая свелась к созданию неформальных торговых платформ для обсуждения и устранения противоречий и координации деятельности, где это возможно. Такие форматы США пытались развивать в регионах Тихого и Индийского океанов, например Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (*The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF*). В Латинской Америке было создано Партнерство Америк (*Americas Partnership for Economic Prosperity, APEP*). В Африке предпринимались попытки создания схожих форматов в сотрудничестве с Африканской континентальной зоной свободной торговли. Аналогичная платформа требовалась для урегулирования специфических проблем в трансатлантических отношениях.

Задачи СТТ

Решение о создании СТТ было принято в июне 2021 г. на американо-европейском саммите в Брюсселе. Первая встреча состоялась осенью 2021 г. О заинтересованности сторон свидетельствовал состав учредительного комитета: в него вошли государственный секретарь Э. Блинкен, министр торговли США Д. Раймондо, американский торговый представитель при ЕС К. Тай, заместители председателя Европейской комиссии М. Вестагер (по цифровым технологиям) и В. Домбровскис (по финансовой стабильности).

СТТ назван площадкой для координации подходов США и ЕС по ключевым торгово-экономическим и технологическим вопросам, устранения текущих и будущих противоречий, выстраивания сотрудничества на основе общих демократических

ценностей¹. Необходимость взаимодействия объясняется расширением нерыночных практик, включая экономическое принуждение со стороны «недемократических» государств, под которыми в первую очередь подразумевается КНР. Противодействие Китаю провозглашено стратегической задачей Соединенных Штатов и является одним из ведущих направлений работы совета.

Для того чтобы избежать ошибок предыдущих организаций, СТТ разделен на 10 самостоятельных рабочих групп². Структура совета усиливает технический характер обсуждений и помогает удерживать противоречия в рамках одной группы. Задачи рабочих групп – исследования по соответствующим темам и выработка удовлетворительных для обеих сторон стратегий и решений. Промежуточные результаты, включая публикацию отчетных материалов, рассматриваются на министерских встречах.

Среди приоритетных тем сотрудничества указаны глобальные вызовы в сфере мировой торговли, связанные прежде всего с нерыночной конкуренцией. Кроме того, стороны намерены исключить взаимные ограничения для товаров и услуг, производимых посредством передовых технологий. Вместе с тем усиливается тенденция к ужесточению контроля над деятельностью третьих стран на территории Евросоюза. Ключевым направлением сотрудничества становится инвестиционный скрининг, который подразумевает обмен информацией о происхождении инвестиций и типах финансовых транзакций. Особое внимание уделяется развивающимся и критическим технологиям и другой чувствительной информации. Несмотря на отсутствие прямых указаний, инвестиционный скрининг направлен против Китая и предусматривает ограничения доступа инвесторов из КНР к проектам в области ИКТ, транспорта, критической инфраструктуры.

В этом контексте одной из сфер деятельности СТТ стал экспортный контроль. После эскалации конфликта на Украине в 2022 г. согласование санкций США и ЕС сопровождалось рядом разночтений и расхождений в нормативных актах и контрольных списках³. Деятельность совета облегчила координацию экспортного контроля против России со стороны Соединенных Штатов, Евросоюза и других союзников. Достижения в этой области привели к предложениям о трансформации совета в координационный комитет по санкционному контролю и выработке общих подходов в отношении РФ.

¹ EU-US summit, Brussels, 15/06/2021, 15 June 2021. Official website of the Council of the EU and the European Council. 09.04.2024. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2021/06/15/> (дата обращения: 02.09.2024).

² EU-US Launch Trade and Technology Council to Lead Values-Based Global Digital Transformation. European Commission. 15.06.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_2990 (дата обращения: 02.09.2024).

³ Summary Report – EU-US Trade and Technology Council (TTC) – Joint EU-US Stakeholder Outreach Meeting on Export Control. European Commission. 06.09.2022. URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/EU-US-TTC/wg7/documents/summary-report-eu-us-trade-and-technology-council-ttc-joint-eu-us-stakeholder-outreach-meeting> (дата обращения: 02.09.2024).

В рамках СТТ США и ЕС ведут активную деятельность по обеспечению безопасности цепочек поставок полупроводников, в т. ч. по созданию системы раннего предупреждения о возможных сбоях. Полупроводники и интегральные микросхемы (ИМС) применяются во всех видах современной электроники и формируют один из критически важных высокотехнологичных рынков, что обуславливает не только необходимость стабильного производства и поставок, но и секьюритизацию отрасли как с точки зрения доступа к технологиям, экспортного контроля, так и непосредственного производства.

В области зеленых технологий на министерском совещании совета в мае 2022 г. объявлено о начале работ по общим эксплуатационным требованиям и методам тестирования зарядных станций для электромобилей. В дальнейшем стороны должны прийти к унификации данного оборудования, что будет способствовать развитию электромобильного рынка в США и ЕС.

В сфере ИКТ достигнуты определенные успехи по унификации условий хранения и передачи информации. Ведется выработка принципов обеспечения цельности и единства информационного пространства без возможности вмешательства со стороны недружественных стран. В случае достижения положительных результатов, в рамках ТТС возможна выработка общих подходов по инкорпорированию демократических норм в цифровую сферу мировой экономики и глобального технологического регулирования [Van der Loo, 2023]. Для этих целей стороны прорабатывают возможности распространения стандартов на третьи страны.

Актуальные проблемы и противоречия

Работа совета способствует гармонизации отдельных направлений трансатлантического сотрудничества, но не устраняет и не предотвращает противоречия. Стороны принимают собственные программы развития, которые усугубляют проблемы, связанные с протекционистскими тенденциями. Реализация промышленных политик США и ЕС подразумевает субсидирование и налоговые послабления для высокотехнологичных отраслей, компаний и стартапов.

В феврале 2022 г. ЕС принял Европейский закон о чипах¹, в рамках которого Брюссель собирается выделить около 43 млрд евро на поддержку микроэлектроники, развитие собственных НИОКР, производственных мощностей, а также повышение квалификации сотрудников и качества работы. Ожидаемый результат программы – нарастить долю Евросоюза в мировом выпуске передовых полупроводников с 10 до 20% к 2030 г. Без государственной поддержки и софинансирования со стороны ЕС доля европейских производителей в этой отрасли может сократиться до 4% [Kreps, Timmers, 2023]. Ожидается, что закон повысит самостоятельность объединения в производстве микроэлектроники и будет способствовать развитию европейских систем удаленного хранения и обработки данных. Однако именно облачные сервисы

¹ European Chips Act. European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-chips-act_en (дата обращения: 02.09.2024).

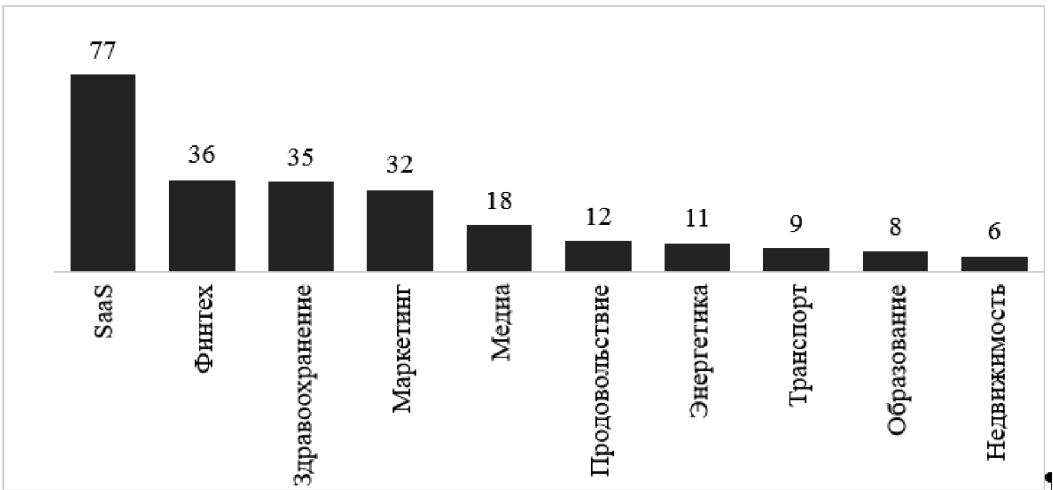
являются ключевой сферой деятельности американских ИТ-компаний: около 65% доходов они получают от услуг, связанных с обработкой данных.

В августе 2022 г. США приняли аналогичный Закон о чипах и науке¹, который подразумевает финансирование в размере 52,7 млрд долл. Производителям полупроводников будет предоставлен 25% инвестиционный налоговый кредит на капитальные затраты и закупку оборудования.

Вашингтон, реализуя промышленную политику, оказывает давление на европейских партнеров и требует существенного сокращения экспорта высокотехнологичных чипов в КНР. Это вызывает опасения у ЕС, поскольку США используют китайскую угрозу в конкуренции с европейской хайтек-индустрией [Wirth, 2023]. В результате Брюссель вынужден защищать производителей посредством субсидирования и тарифов. Однако такие действия могут привести к контрпродуктивным результатам, в частности к снижению устойчивости цепочек поставок и производства элементной базы [Kreps, Timmers, 2023].

Рисунок 1

Количество европейских стартапов, переместившихся в США в 2005–2023 гг., шт.



Источник: Nowshin S. Europe’s highest-valued startups that made the move to America. Sifted. 15.11.2023. URL: <https://sifted.eu/articles/european-startups-moved-to-usa> (дата обращения: 02.09.2024).

Рассчитано по: Dealroom – Companies that moved to USA. URL: <https://app.dealroom.co/lists/10285> (дата обращения: 02.09.2024).

¹ CHIPS and Science Act Will Lower Costs, Create Jobs, Strengthen Supply Chains, and Counter China. The White House. 09.08.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/09/fact-sheet-chips-and-science-act-will-lower-costs-create-jobs-strengthen-supply-chains-and-counter-china/> (дата обращения: 02.09.2024).

Осуществлению промышленной политики США также способствует Закон о сокращении инфляции (*Inflation Reduction Act, IRA*). Вашингтон направляет значительные государственные средства (около 400 млрд долл.) на поддержку выпуска продукции с использованием экологически чистых технологий, но только в том случае, если они производятся на территории страны. Брюссель опасается, что новый закон, по сути, нарушающий правила ВТО, может стимулировать автомобильную промышленность и производителей в сфере зеленых технологий к переносу мощностей в Соединенные Штаты. Для двустороннего рассмотрения проблемы создана специальная комиссия, поэтому, по всей видимости, эта тема не будет широко обсуждаться в рамках СТТ [Wirth, 2023; Propp, 2023].

Мотивацией для переноса бизнеса в США остаются дешевая энергетика, региональная стабильность, схожие требования и нормативы в штатах, общий язык на всей территории страны. Согласно расчетам «Сифтед» (издание специализируется на европейских стартапах), с 2005 г. более 200 различных стартапов, начинавших деятельность в Европе, переместились в Соединенные Штаты. Среди них наибольшее количество составляют разработчики облачного программного обеспечения (*software as a service, SaaS*) и финансовых технологий.

СТТ оказался неспособным как-либо воздействовать на перенос стартапов и перераспределение инвестиций. Кроме того, корпоративные круги отмечают недостаточную вовлеченность в работу совета и формирование предложений, следовательно, отсутствие реальных преимуществ для бизнеса [Echikson et al., 2024].

* * *

При создании Совета по торговле и технологиям США и ЕС по-разному представляли задачи этого формата. Для Вашингтона проект встраивался в логику создания сети неформальных платформ сотрудничества, имеющих антикитайскую направленность. Европейцы исходили из намерения уладить двусторонние противоречия вне зависимости от развития отношений с КНР.

Деятельность Совета по торговле и технологиям столкнулась с трудностями, имеющими системный характер для трансатлантических связей: стороны остаются конкурентами, они защищают своих производителей, принятые нормативы различаются. Несмотря на накопленный опыт и наличие политической воли, перечисленные проблемы едва ли преодолимы. Таким образом, СТТ продемонстрировал неспособность к оперативному решению трудностей в трансатлантическом сотрудничестве. США и ЕС не собираются замедлять выработку и принятие решений по критически важным вопросам ради повышения двусторонней координации. По этой причине работа совета носит догоняющий характер и связана со сглаживанием негативных последствий.

За три года результаты функционирования СТТ в основном включают предложения принципов и дорожных карт: Совместная дорожная карта развития ИИ, Принципы защиты детей и молодежи в Интернете, Декларация о будущем Интернета. Приглашение об общем стандарте для портов зарядки электромобилей – одна из немногих конкретных договоренностей.

Однако СТТ остается единственной площадкой, на которой возможно улаживание противоречий в области развития высоких технологий, внедрения стандартов, определения режимов инвестирования и торговли. Противостояние США и ЕС инициативам Китая требует повышения координации усилий трансатлантических союзников. В долгосрочной перспективе неконтролируемая конкуренция будет препятствовать реализации экономических и национальных интересов. С приходом администрации Д. Трампа СТТ будет способствовать частичному сглаживанию противоречий в области тарифов, а также продолжит работу по технологическим вопросам и проблемам стандартизации.

В будущем Совет по торговле и технологиям может получить статус устоявшегося органа в трансатлантической торговле, регулирующего отношения без подписания юридически обязывающих соглашений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голуб Ю., Шенин С. (2023) Трансатлантизм в контексте заката глобализации: дискуссии в США. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 8. С. 60–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-60-69

Меньшикова А.М. (2024) Актуальные аспекты внешнеторговой политики США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 54(6). С. 19–30. DOI: 10.31857/S2686673024060023

Моисеева Д.Э., Кулинич А.Д. (2024) Новая архитектура регулирования прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе. *Вестник МГИМО-Университета*. № 17(5). С. 80–99. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99

Портанский А.П. (2023) ЕС – США: новые барьеры в торговле. *Современная Европа*. № 4. С. 119–131. DOI: 10.31857/S020170832304006X

Шариков П.А. (2024) Особенности форматов двустороннего взаимодействия США и ЕС при администрации Дж. Байдена. *Современная Европа*. № 2. С. 5–18. DOI: 10.31857/S0201708324020013

Echikson B., Lilkov D., Riedenstein C. (2024) Transatlantic Trade and Technology: Partners or Rivals? *European View*. Vol. 23. Issue 1. P. 127–128. DOI: 10.1177/17816858241249595

Csernaton R. (2021) The technology challenge in the transatlantic relationship. *European View*. Vol. 20, Issue 2. DOI <https://doi.org/10.1177/17816858211059251>

Kreps S., Timmers P. (2022) Bringing Economics Back into EU and U.S. Chips Policy. *Brookings*. 20.12. URL: <https://www.brookings.edu/techstream/bringing-economics-back-into-the-politics-of-the-eu-and-u-s-chips-acts-china-semiconductor-competition/> (дата обращения: 02.09.2024).

Propp K. (2022) The Big Problems You Won't Hear About at the EU-US Trade and Technology Council. *Atlantic Council*. 02.12. URL: <https://web.archive.org/web/20230306184753/https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/the-big-problems-you-wont-hear-about-at-the-eu-us-trade-and-technology-council/> (дата обращения: 02.09.2024).

Van der Loo G., Vandenbussche T., Aktoudianakis A. (2021) *The EU-US Trade and Technology Council: Mapping the Challenges and Opportunities for Transatlantic Cooperation on Trade, Climate, and Digital*. Egmont Paper 113. Egmont – Royal Institute for International Relations, Brussels, Belgium. 27 p. URL: <http://aei.pitt.edu/103613/1/egmont.papers.113.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

Wirth A. (2022) Trade and Tech Council Report Card: Small Victories, Unanswered Big Questions. *The Center for European Policy Analysis*. 09.12. URL: <https://cepa.org/article/trade-and-tech-council-report-card-small-victories-unanswered-big-questions/> (дата обращения: 02.09.2024).

Instead of a Free Trade Zone: on the Work of the US-EU Trade and Technology Council¹

S.V. Kislitsyn

*Candidate of Sciences (Politics), Head of the Center for Strategic Planning Studies,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

E-mail: skislitsyn@imemo.ru

K.O. Chudinova

*Researcher, Center for North American Studies, Primakov National
Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

E-mail: chudinova@imemo.ru

A.A. Guzheva

*Junior researcher, Center for Strategic Planning Studies,
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

E-mail: aguzheva@imemo.ru

Abstract. This article analyses the activities of the U.S.-European Trade and Technology Council (TTC), established in 2021. It identifies the prerequisites for its creation, driven by the desire of both parties to resolve a series of contradictions that have accumulated in transatlantic relations, as well as the ongoing strategic competition between the U.S. and the EU against China. The authors provide an analysis of the organisational structure, key areas of focus, and some outcomes of the council's work. They note that despite the active involvement of working groups within the TTC, its proposed solutions have limits in scope due to the specific nature of U.S.-European contradictions. These include conditions for the exchange of digital information between the U.S. and the EU, its secure storage, the creation of a common information space, and trade and investment regimes in the context of confrontation with Russia and China. An equally pressing issue relates to industrial policies in the U.S. and the EU, characterized by support for national production in high-tech sectors, which creates risks of a new “subsidy war”. In conclusion, the authors assess the prospects for the council's development and its potential influence

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development no. 075-15-2024-551 “Global and Regional Centers of Power in the Emerging World Order”.

on the future of transatlantic relations in trade and technological cooperation amid escalating global transformations, confrontation with the Russian Federation, and competition with China.

Keywords: protectionism, industrial policy, transatlantic relations, US trade policy, EU trade policy

DOI: 10.31857/S020170832407009X

REFERENCES

- Echikson B., Lilkov D., Riedenstein C. (2024) Transatlantic Trade and Technology: Partners or Rivals?, *European View*, 23(1), pp. 127–128. DOI: 10.1177/17816858241249595
- Csernaton R. (2021) The technology challenge in the transatlantic relationship, *European View*, 20(2). DOI: 10.1177/17816858211059251
- Golub Y., Shenin S. (2023) Transatlantizm v kontekste zakata globalizatsii: diskussii v SShA [Transatlantism in the Context of the Decline of Globalization: Discussions in the USA], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 67(8), pp. 60–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-60-69 (In Russian).
- Kreps S., Timmers P. (2022) Bringing Economics Back into EU and U.S. Chips Policy, *Brookings*, 20.12. URL: <https://www.brookings.edu/techstream/bringing-economics-back-into-the-politics-of-the-eu-and-u-s-chips-acts-china-semiconductor-competition/> (accessed: 02.09.2024).
- Menshikova A.M. (2024) Aktual'nye aspekty vneshnetorgovoi politiki SShA [Current Aspects of US Foreign Trade Policy], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 54(6), pp. 19–30. DOI: 10.31857/S2686673024060023 (In Russian).
- Moiseeva D.E., Kulinich A.D. (2024) Novaya arkhitektura regulirovaniya pryamykh inostrannykh investitsii v Evropeiskom soyuze [New Architecture of Foreign Direct Investment Regulation in the European Union], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 17(5), pp. 80–99. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99 (In Russian).
- Portanskiy A. (2023) ES–SSHA: novye bariery v torgovle [EU–USA: new trade barriers], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 119–131. DOI: 10.31857/S020170832304006X (In Russian).
- Propp K. (2022) The Big Problems You Won't Hear About at the EU-US Trade and Technology Council, *Atlantic Council*, 02.12. URL: <https://web.archive.org/web/20230306184753/https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/the-big-problems-you-wont-hear-about-at-the-eu-us-trade-and-technology-council/> (accessed: 02.09.2024).
- Sharikov P.A. (2024) Osobennosti formatov dvustoronnego vzaimodeystviya SShA i ES pri administratsii Dzh. Baydena [Specifics of Bilateral US-EU Relations under J. Biden Administration], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 5–18. DOI: 10.31857/S0201708324020013 (In Russian).
- Van der Loo G., Vandenbussche T., Aktoudianakis A. (2021) *The EU-US Trade and Technology Council: Mapping the Challenges and Opportunities for Transatlantic Cooperation on Trade, Climate, and Digital*, Egmont Paper 113, Egmont – Royal Institute for International Relations, Brussels, Belgium. URL: <http://aei.pitt.edu/103613/1/egmont.papers.113.pdf> (accessed: 02.09.2024).
- Wirth A. (2022) Trade and Tech Council Report Card: Small Victories, Unanswered Big Questions, *The Center for European Policy Analysis*, 09.12. URL: <https://cepa.org/article/trade-and-tech-council-report-card-small-victories-unanswered-big-questions/> (accessed: 02.09.2024).

УДК 338.24

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ТОРГОВЛИ ВЫБРОСАМИ В ГЕРМАНИИ: ФИНАНСОВЫЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

© 2024 **СИНИЦЫН Михаил Владимирович**

*Научный сотрудник, Центр энергетических исследований ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23
E-mail: sinitsyn@imemo.ru*

© 2024 **ИЛЛЕРИЦКИЙ Никита Игоревич**

*Кандидат экономических наук
Научный сотрудник, Центр энергетических исследований ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23
E-mail: illernick@yandex.ru*

Поступила в редакцию 18.10.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. Цель статьи – анализ национальной системы торговли выбросами Германии (nEHS), запущенной в 2021 г. Германская система торговли выбросами направлена на декарбонизацию жилищно-коммунального и транспортного секторов. К 2025 г. плата за выбросы углерода в этих двух секторах достигнет 55 евро за тонну CO₂-экв. Поступления от национальной системы торговли выбросами в 2023 г. составили почти 11 млрд евро, в 2021–2023 гг. – 24 млрд евро, что больше, чем от европейской торговой системы. Сделан вывод, что запуск nEHS преследует решение двух основных задач: увеличить фискальные доходы государства, которые будут направлены на поддержку политики декарбонизации в первую очередь в сектор новых возобновляемых источников энергии, и повлиять в долгосрочном периоде на изменение потребительского поведения домохозяйств, побудив последние сократить объемы энергопотребления. Введение платы приведет к снижению благосостояния низкодоходных групп населения особенно в сельской местности, но в среднесрочном периоде не окажет существенного влияния на потребление энергоресурсов и выбросы парниковых газов. Система используется для финансирования сектора НВИЭ, чтобы снизить зависимость электроэнергетики Германии от импортного природного газа. По примеру ФРГ Евросоюз собирается запустить в 2027 г. систему торговли выбросами, отдельную от существующей общеевропейской.

Ключевые слова: рынки углерода, плата за выбросы углерод, Германия, Европейский союз, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство

DOI: 10.31857/S0201708324070106

Евросоюз стремится сделать снижение выбросов парниковых газов юридически обязательным и добиться углеродной нейтральности к 2050 г.¹ Германия, традиционно выступающая в авангарде климатической политики [Кавешников, 2021], намерена достичь этой цели с опережением. В июне 2021 г. парламент ФРГ принял закон о защите климата, по которому выбросы парниковых газов к 2030 г. должны снизиться на 65% от уровня 1990 г., а экономика стать климатически нейтральной в 2045 г., т. е. на 5 лет раньше, чем предусмотрено Европейским зеленым курсом [Белов, 2022]. Во время пандемии коронавирусной инфекции и в результате экзогенного геополитического шока 2022 г. ФРГ усилила политику по построению низкоэмиссионной экономики. Новым инструментом декарбонизации стала запущенная в 2021 г. национальная система торговли выбросами Германии (*nationales Emissionshandels system – nEHS*), охватившая жилищно-коммунальный и транспортный сектора. С 2027 г. аналогичный механизм будет введен на уровне ЕС и включен в трансграничное углеродное регулирование (*CBAM – Carbon Border Adjustment Mechanism*).

Германия: национальная система торговли выбросами

На Германию распространяется действие европейской системы торговли выбросами (СТВ; *EU Emissions Trading System – EU ETS*), которая введена в действие в 2005 г., чтобы способствовать сокращению выбросов парниковых газов и стимулировать промышленность к постепенному отказу от использования ископаемого топлива в пользу низкоуглеродных источников энергии. Транспортный сектор, за исключением морского и авиационного, не подпадает под действие СТВ.

Традиционно потребление нефтяных моторных топлив в большинстве европейских стран облагается энергетическими налогами (акцизами). Ряд стран принял углеродные налоги на нефтепродукты, но фактически они являются акцизами [Корытин и др., 2023]. Во Франции в 2014–2021 гг. действовал компонент акцизных налогов, зависящий от выбросов CO₂. В 2022 г. он был заменен налогом на энергию, при этом поступления в основном возвращались потребителям². В Швеции углеродный налог (как акциз) введен в 1991 г. В 2022 г. он составлял 2,61 шведских крон (0,27 евро) за 1 л бензина и 3,44 шведских крон (0,36 евро) за 1 л дизеля [Корытин и др., 2023], или около 15% цены топлива. В Швейцарии углеродный налог

¹ 2050 long-term strategy. Striving to become the world's first climate-neutral continent by 2050. European Commission. URL: https://climate.ec.europa.eu/eu-action/climate-strategies-targets/2050-long-term-strategy_en (дата обращения: 04.06.2024).

² Rogissart L., Postic S., Grimault J. La composante carbone en France: fonctionnement, revenus et exonérations. Point climat No. 56. Paris. I4CE - Institute for Climate Economics. 2018. URL: <https://clck.ru/3F8hyu> (дата обращения: 4.06.2024).

платит население, крупные эмитенты – через швейцарскую систему торговли выбросами, интегрированную с европейской. В 2022 г. ставка налога составила 120 швейцарских франков (133 евро), но почти две трети всех собранных налогов возвращается населению и бизнесу [Корытин и др., 2023]. В Германии экологический налог на топлива введен в 1999 г. Его величина зависит от выбросов парниковых газов: сжатый природный газ – 18 евроцентов, бензин – 65, дизель – 47 за 1 л.¹ Также углеродными налогами формально можно считать ежегодные регистрационные платежи за автомобили, которые выросли в Германии с 160 евро (средняя плата за проданные автомобили) в 2011 г. до 196 в 2019 г. при средних топливных затратах 1176 евро [Alberini, Horvath, 2021]. С 1 января 2024 г. в Германии вводится дифференцированный подход к дорожному сбору за проезд по автобанам грузовых автомобилей, в который входит надбавка за выбросы CO₂ (200 евро за т): грузовики с экологическими чистыми двигателями будут освобождены от платы за проезд до конца 2025 г., а затем будут платить только 25% от обычной ставки [Белов, 2023].

Принципиально новый механизм стимулирования декарбонизации – включение Германией транспортного (исключая воздушный и морской транспорт) и жилищно-коммунального секторов в национальную систему торговли выбросами [Сеницын, 2024]. С 2021 г. потребление топлива в этих двух секторах облагается не фиксированным акцизом, а платой, величина которой будет определяться на аукционе продажи разрешений на выбросы (с 2026 г.). На эти два сектора приходится примерно треть совокупных выбросов парниковых газов в германской экономике.

С 2021 г. новый национальный механизм торговли квотами применяется к бензину, дизельному топливу, топочному мазуту, природному газу, сжиженному газу и биомассе, не включенной в зеленую таксономию, с 2023 г. – к углю. На 2021 г. установлена фиксированная цена в размере 25 евро за тонну CO₂-экв. Цена квоты ежегодно повышается: по первоначальным планам до 30 евро в 2022 г., до 35 евро в 2023 г., до 40 евро в 2024 г. и до 45 евро в 2025 г. Однако плата за выбросы уже пересматривалась. После бюджетного дефицита 2023 г. цена на выбросы CO₂ повышена с запланированных 40 евро до 45 для 2024 г. и с 45 до 55 для 2025 г.² С 2026 г. фиксированная цена будет заменена на ценовой коридор, в котором цена будет варьироваться от 55 до 65 евро в зависимости от рыночного спроса³. Кроме того, в 2025–2026 гг. планируется провести оценку системы и определить дальнейшие направления развития и регулирования.

¹ Бабкин С. Стоимость автомобильного топлива в Германии в 2022. Tupa-germania. 22.05.2022. URL: <https://www.tupa-germania.ru/avtomobil/tseny-na-benzin.html> (дата обращения: 04.06.2024).

² Wettengel J. Germany's carbon pricing system for transport and buildings. Clean Energy Wire. 26.03.2024. URL: <https://www.cleanenergywire.org/factsheets/germanys-planned-carbon-pricing-system-transport-and-buildings> (дата обращения: 04.06.2024).

³ Graichen J., Ludig S. Supply and demand in the ETS 2. Assessment of the new EU ETS for road transport, buildings and other sectors. German Environment Agency Interim report. German Environment Agency. 09/2024. URL: https://www.umweltbundesamt.de/sites/default/files/medien/11850/publikationen/09_2024_cc_et_s_2_supply_and_demand.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

Приобретатели квот на выбросы – не конечные потребители энергии и топлива, а добывающие и ресурсоснабжающие организации и предприятия, которые реализуют ископаемое топливо на германском рынке. Производители заложили дополнительные издержки в цену продукции и тем самым переложили затраты на потребителей. В 2021 г. при введении национальной СТВ вклад цены выбросов в цены на топливо составил 7,9 евроцента за л топочного мазута и дизеля, 7 за л бензина и 6 за эквивалент 10 кВт·ч природного газа. Повышение цен в 2022–2023 гг. было пропорционально увеличению стоимости квот¹. Среднедушевые расходы потребителей выросли на 28 евро в год. Повышение платы в среднем на 23% компенсировалось рядом налоговых вычетов и льгот для отдельных уязвимых категорий потребителей².

Таблица 1

Изменение цен на бензин и дизельное топливо из-за введения платы за углерод в 2021–2026 гг.

Год	Вмененная цена тонны выбросов CO ₂ -экв., евро	Увеличение цены литра, евроцентов к 2020 г.		Увеличение цены литра, % к 2020 г.	
		Автомобильного бензина	Дизельного топлива	Автомобильного бензина	Дизельного топлива
2021	25	7,0	8,0	5	7
2022	30	8,4	9,5	7	9
2023	30	8,4	9,5	7	9
2024	45	12,7	14,2	10	13
2025 план	55	15,7	17,3	12	16
2026 план	55 – 65	16,9	18,9	13	17

Составлено по: Kfz-Steuer 2021: Das ändert sich; Wettengel J. Germany's carbon pricing system for transport and buildings.

Дальнейшее увеличение углеродных налогов, скорее всего, будет почти полностью перенесено на потребителей [Schmerer, Hansen, 2023]. Рост налоговой ставки до 55 евро за т CO₂ приведет к росту цен на бензин на 16 евроцентов за л, дизельное топливо – 17 евроцентов за л (Табл. 1). По сравнению с 2020 г. цены увеличатся на 12–16%. Однако влияние платы за углерод в ближайшие годы будет малозаметно, так как цены на дизель в 2022 гг. уже выросли на 21% до 1,79 евро за литр в результате инфляции³. Правительство Германии для смягчения последствий шока в 2022 г.

¹ Kfz-Steuer 2021: Das ändert sich. ADAC. 18.09.2020. URL: <https://www.adac.de/news/kfz-steuer-hoeher> (дата обращения: 04.06.2024).

² Held B., Leisinger C., Runkel M. Sozialverträgliche Kompensation der CO₂-Bepreisung im Verkehr. Forum Ökologisch-Soziale Marktwirtschaft & Institut für Interdisziplinäre Forschung. 08.2021. URL: https://foes.de/publikationen/2021/2021-08_FOES-FEST_sozialvertraegliche-CO2-Bepreisung-Verkehr.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

³ Расчет по данным Еврокомиссии. Weekly Oil Bulletin. URL: https://energy.ec.europa.eu/data-and-analysis/weekly-oil-bulletin_en (дата обращения: 04.06.2024).

снизило экологический налог на топлива: на бензин с 65 до 36 евроцентов за л, на дизель с 47 до 33 евроцентов за л [Schmerer, Hansen, 2023], что существенно больше платы за углерод. Для домохозяйств НДС на природный газ уменьшен с 19 до 7% до 31 марта 2024 г., чтобы компенсировать рост цен и введенный сбор за электроэнергию¹.

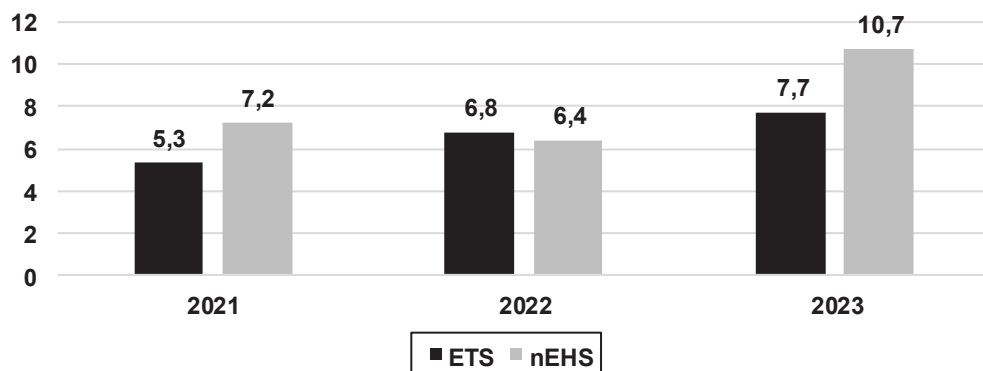
Введение национальной СТВ в первую очередь направлено на создание канала финансирования государством политики декарбонизации и в меньшей степени на изменение потребительского поведения домохозяйств.

Национальная СТВ как новый источник финансовых ресурсов для ускорения декарбонизации

По итогам трех лет функционирования национальная *nEHS* оказалась более эффективным механизмом в сравнении с *EU ETS* с фискальной точки зрения. Уже в 2022 г. сборы, получаемые правительством Германии от двух этих систем, практически сравнялись, а в 2023 г. национальная система торговли выбросами принесла на 39% больше доходов (11 млрд евро), чем СТВ ЕС (Рис. 1). Поступления от введенной системы торговли выбросами можно оценить в 40 млрд евро в 2021–2024 гг.²

Рисунок 1

Германия. Доходы правительства от СТВ ЕС и национальной системы в 2021–2023 гг., млрд евро



Источники: Sales Report. DEHSt. 19.10.2023. URL: https://www.dehst.de/EN/national-emissions-trading/evaluations-reports/evaluations-reports_node.html; Auctioning of Emission Allowances in Germany: Annual Report 2023. Berlin. DEHSt. 2024. URL: <https://clck.ru/3F8mkt>; Emissions trading rings up record revenues: More than 13 billion euros for climate protection. DEHSt. 03.01.2023. URL: <https://www.dehst.de/SharedDocs/pressemitteilungen/EN/2023-001-record-revenues-ets-nehs.html> (дата обращения: 04.06.2024).

¹ Власти Германии снизили НДС на газ до 7% до 31 марта 2024 года. ТАСС. 18.08.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15503383> (дата обращения: 04.06.2024).

² Deutscher Bundestag, Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Ulla Ihnen, Christian Dürr, Grigorios Aggelidis, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der FDP – Drucksache 19/21242. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/216/1921638.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).

Доходы от национальной СТВ перераспределяются в пользу новых возобновляемых источников энергии (НВИЭ) и декарбонизации отраслей промышленности с высоким углеродным следом, так как направляются в Фонд климата и трансформации, который служит для распределения средств на развитие НВИЭ, расширение инфраструктуры для электромобилей и внедрение водородных технологий. Таким образом правительство сформировало новый механизм финансирования курса на построение зеленой экономики в том числе за счет домохозяйств. С учетом значительных и растущих доходов от национальной СТВ, правительство Германии заинтересовано в такой тонкой настройке, чтобы *nEHS* не слишком быстро способствовала сокращению потребления топлив.

Влияние национальной СТВ на энергопотребление домохозяйств и транспорта

Влияние системы торговли выбросами на потребление нефтяных топлив остается дискуссионным. Во-первых, плата за углерод до 2025 г. меньше экологического налога и изменения цен из-за геополитических шоков.

Во-вторых, ценовая эластичность потребления бензина в шесть раз выше, чем дизельного топлива, поэтому разницы в ставке на бензин и дизельное топливо по выбросам (1,1 раз) недостаточно для получения значимого эффекта по потреблению дизеля, который является основным топливом в транспорте [Alberini et. al., 2022].

В-третьих, введение экологического налога в 65 евро за т CO₂ привело к снижению среднедушевых выбросов в транспортном секторе Германии в 1999–2014 гг. на 9–16% среди прочего за счет роста топливной эффективности на 7-8% [Runst, Nöhle, 2022]. Максимальная оценка снижения нефтепотребления из-за углеродного налога может составить 8% за 15 лет. Исследование углеродного следа потребления немецких домохозяйств за 1998–2018 гг. показало, что увеличение расходов на 1% приводит к росту прямых выбросов парниковых газов на 26 кг в год в отоплении и 18 кг в год в транспорте, а рост цен на 1% приводит к снижению прямых выбросов только на 22 кг и 14 кг в год соответственно (по данным 2013–2018 гг.). Со временем разрыв сокращается, но только существенно опережающий рост цен на энергоресурсы может привести к устойчивому снижению выбросов [Jacksohn et al., 2023].

Учитывая нарастающую напряженность в состоянии германских финансов, для правительства фискальная функция *nEHS* более значима, чем снижение выбросов парниковых газов. Однако национальная СТВ неодинаково влияет на домохозяйства с разным уровнем дохода. В научной литературе сложился консенсус о том, что для домохозяйств налог на выбросы парниковых газов носит регрессивный характер, так как эластичность энергопотребления по цене ниже у низкодходных групп населения [Schulte, Heindl, 2017; Reaños, Wölfling, 2018; Frondel, Schubert, 2021; Hübler et al., 2024]. В теплоэнергетике эта регрессивность выражена даже сильнее, чем по электропотреблению в целом [Reaños, Wölfling, 2018]. Население сельской местности пострадает от введения налога больше, чем городское [Matsumoto, 2023]. Для компенсации снижения благосостояния при введении наци-

ональной СТВ обсуждались возможности перераспределения полученных доходов в адрес диспропорционально страдающих от нее домохозяйств, но эти идеи не были реализованы.

Заключение

Национальная система торговли выбросами Германии в среднесрочном периоде не окажет существенного негативного влияния на общий объем потребления энергоресурсов и выбросы парниковых газов в жилищно-коммунальном и транспортном секторах. При этом введение платы за углерод приведет к снижению благосостояния низкодоходных групп населения. Сегодня национальная система торговли выбросами ФРГ эффективно выполняет функцию перераспределения финансовых ресурсов от домохозяйств в сектор НВИЭ. Доходы от *nEHS* с 2023 г. существенно превосходят доходы от *EU ETS*. Стратегическая цель изменить тенденции потребления углеводородного топлива в жилищно-коммунальном и транспортном секторах отошла на второй план.

Опыт Германии будет использован на общеевропейском уровне. В 2027 г. ЕС запускает систему торговли выбросами, аналогичную целевой модели германской СТВ: цена CO₂ будет формироваться рынком¹. В 2023 г. в рамках расширения общеевропейского Зеленого курса принято решение о создании системы СТВ ЕС-2 (*EU ETS-2*), которая должна затронуть выбросы парниковых газов от коммунально-бытового сектора, автомобильного транспорта и малых предприятий (не вошедших в периметр действующей системы торговли выбросами)². Целевой уровень – снижение выбросов на 43% к 2030 г. по сравнению с 2005 г. Все квоты на выбросы в *ETS-2* будут продаваться на аукционах, а полученные доходы направляться на поддержку зеленой экономики. В отличие от германской СТВ часть доходов будет использована для поддержки уязвимых домохозяйств и микропредприятий через специальный фонд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2023) Экономическая политика Германии (март-май 2023). *Европейский союз: факты и комментарии*. № 112. С. 28–33. DOI: 10.15211/eufacts220232833

Белов В.Б. (отв. ред.) (2022) *Германия. 2021*. Институт Европы РАН, Москва. 212 с. DOI: 10.15211/report72022_393

Кавешников Н.Ю. (2021) Анализ влияния Европейского парламента и Совета ЕС на примере реформы Системы торговли парниковыми газами. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 6. С. 21–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-21-32

¹ Germany's carbon pricing system for transport and buildings. J. Wettengel. Clean energy wire. 26.03.2024. URL: <https://www.cleanenergywire.org/factsheets/germanys-planned-carbon-pricing-system-transport-and-buildings> (дата обращения: 04.06.2024).

² Directive 2003/87/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 2003 establishing a system for greenhouse gas emission allowance trading within the Union and amending Council Directive 96/61/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02003L0087-20230605> (дата обращения: 04.06.2024).

Корытин А.В., Кострыкина Н.С., Малинина Т.А. (2023) Опыт налогообложения выбросов углерода в европейских странах. *Правоприменение*. Т. 7. № 4. С. 55–65. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).55-65

Синицын М.В. (2024) Мировой опыт эволюции господдержки электрификации дорожно-го транспорта: от стимулирования продаж электромобилей до интеграции нефтяных моторных топлив в рынок углерода. *Инновации и инвестиции*. № 2. С. 78–81. DOI: 10.24412/2307-180X-10.24412/2307-180X-2-78-81

Alberini A., Horvath M. (2021) All car taxes are not created equal: Evidence from Germany. *Energy Economics*. Vol. 100. 105329. DOI: 10.1016/j.eneco.2021.105329

Alberini A., Horvath M., Vance C. (2022) Drive less, drive better, or both? Behavioral adjustments to fuel price changes in Germany. *Resource and Energy Economics*. Vol. 68. 101292. DOI: 10.1016/j.reseneeco.2022.101292

Frondel M., Schubert S. A. (2021) Carbon pricing in Germany's road transport and housing sector: Options for reimbursing carbon revenues. *Energy Policy*. Vol. 157. 112471. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112471

Hübler M., Wiese M., Braun M., Damster J. (2024) The distributional effects of CO2 pricing at home and at the border on German income groups. *Resource and Energy Economics*. Vol. 77. 101435. DOI: 10.1016/j.reseneeco.2024.101435

Jacksohn F., Reaños M.A.T., Pothén F., Rehdanz K. (2023) Trends in household demand and greenhouse gas footprints in Germany: Evidence from microdata of the last 20 years. *Ecological Economics*. Vol. 208. 107757. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2023.107757

Matsumoto S. (2023) The effects of carbon taxes on the welfare of households using multiple energy sources. *Energy Economics*. Vol. 126. 106924. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106924

Reaños M.A.T., Wölfling N.M. (2018) Household energy prices and inequality: Evidence from German microdata based on the EASI demand system. *Energy Economics*. Vol. 70. P. 84–97. DOI: 10.1016/j.eneco.2017.12.002

Runst P., Höhle D. (2022) The German eco tax and its impact on CO2 emissions. *Energy Policy*. Vol. 160. 112655. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112655

Schmerer H.-J., Hansen J. (2023) Pass-through effects of a temporary tax rebate on German fuel prices. *Economics Letters*. Vol. 227: 11104. DOI: 10.1016/j.econlet.2023.111104

Schulthea I., Heindl P. (2017) Price and income elasticities of residential energy demand in Germany. *Energy Policy*. Vol. 102. P. 512–528. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.12.055

Development of a National Emissions Trading System in Germany: Financial and Strategic Goals

M.V. Sinitsyn

*Research Fellow of the Center for Energy Studies
Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations, RAS.
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997
E-mail: sinitsyn@imemo.ru*

N.I. Illeritskiy

*Candidate of Science (Economics),
Research Fellow of the Center for Energy Studies Primakov National
Research Institute of World Economy and International Relations, RAS
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997
E-mail: illernick@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to analyse the national emissions trading system in Germany, launched in 2021. The system is a development of the European Union's climate policy to reduce greenhouse gas emissions, which led to the launch of European emissions trading system in the electricity sector, industry, maritime transport and aviation, and is aimed at changing trends consumption of hydrocarbon fuels in the housing and transport sectors. The housing sector is the most difficult to fundamentally transform within the framework of a low-carbon economic growth paradigm. By 2025, the carbon price will reach 55 euros per tonne CO₂e. Revenues from the national emissions trading system in 2021–2024 are estimated at 40 billion euros. It is concluded that the introduction of the fee will lead to a decrease in the welfare of low-income groups of the population, especially in rural areas, but in the medium term will not have a significant impact on energy consumption and greenhouse gas emissions. The system is used to finance the renewables to reduce the German electricity sector's dependence on imported natural gas. The European Union is launching an emissions trading system similar to Germany's in 2027 (ETS-2), which for German consumers will further reduce the welfare of low-income groups.

Keywords: carbon markets, carbon pricing, Germany, European Union, transport, housing

DOI: 10.31857/S0201708324070106

REFERENCES

- Belov V.B. (2023) E'konomicheskaya politika Germanii (mart-maj 2023). [Economic Politics of Germany (March-May 2023)], *The European Union: facts and comments*, 112, pp. 28–33. (In Russian). DOI: 10.15211/eufacts220232833
- Belov V.B. (ed.) (2022) *Germaniya. 2021* [Germany. 2021], Institute of Europe RAS, Moscow, Russia. DOI: 10.15211/report72022_393 (In Russian)
- Kaveshnikov N.Yu. (2021) Analiz vliyaniya Evropejskogo parlamenta i Soveta ES na primere reformy Sistemy trgovli parnikovymi gazami [An analysis of the influence of the European Parliament and the Council of the EU on the example of the reform of the Greenhouse Gas Trading System], *World Economy and International Relations*, 65(6), pp. 21–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-21-32 (In Russian).
- Korytin A.V., Kostyrykina N.S., Malinina T.A. (2023) Opy't nalogooblozheniya vy'brosov ugleroda v evropejskix stranax [Carbon taxation in Europe], *Law Enforcement Review*, 7(4), pp. 55–65. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).55-65 (In Russian).
- Sinitsyn M.V. (2024) Mirovoj opy't e'volucii gosподderzhki e'lektrifikacii dorozhnogo transporta: ot stimulirovaniya prodazh e'lektromobilej do integracii neftnyan'x motorny'x topliv v ry'nok ugleroda [Global experience in the evolution of state support for the electrification of road transport: from stimulating sales of electric vehicles to the integration of petroleum motor fuels into the carbon market], *Innovation and investment*, 2, pp. 78–81. DOI: 10.24412/2307-180X-10.24412/2307-180X-2-78-81 (In Russian).
- Alberini A., Horvath M. (2021) All car taxes are not created equal: Evidence from Germany, *Energy Economics*, 100, 105329. DOI: 10.1016/j.eneco.2021.105329
- Alberini A., Horvath M., Vance C. (2022) Drive less, drive better, or both? Behavioral adjustments to fuel price changes in Germany, *Resource and Energy Economics*, 68, 101292. DOI: 10.1016/j.reseneeco.2022.101292

Frondel M., Schubert S.A. (2021) Carbon pricing in Germany's road transport and housing sector: Options for reimbursing carbon revenues, *Energy Policy*, 157, 112471. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112471.

Hübler M., Wiese M., Braun M., Damster J. (2024) The distributional effects of CO2 pricing at home and at the border on German income groups, *Resource and Energy Economics*, 77, 101435. DOI: 10.1016/j.reseneeco.2024.101435

Jacksohn F., Reaños M.A.T., Pothén F., Rehdanz K. (2023) Trends in household demand and greenhouse gas footprints in Germany: Evidence from microdata of the last 20 years, *Ecological Economics*, 208, 107757. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2023.107757

Matsumoto S. (2023) The effects of carbon taxes on the welfare of households using multiple energy sources, *Energy Economics*, 126, 106924. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106924

Reaños M.A.T., Wölfling N.M. (2018) Household energy prices and inequality: Evidence from German microdata based on the EASI demand system, *Energy Economics*, 70, pp. 84–97. DOI: 10.1016/j.eneco.2017.12.002

Runst P., Höhle D. (2022) The German eco tax and its impact on CO2 emissions, *Energy Policy*, 160, 112655. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112655

Schmerer H.-J., Hansen J. (2023) Pass-through effects of a temporary tax rebate on German fuel prices, *Economics Letters*, 227, 11104. DOI: 10.1016/j.econlet.2023.111104

Schultea I., Heindl P. (2017) Price and income elasticities of residential energy demand in Germany, *Energy Policy*, pp. 512–528. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.12.055

УДК 327

ФИНЛЯНДИЯ В НАТО. ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ¹

© 2024 МЕЖЕВИЧ Николай Маратович

Профессор, доктор экономических наук, г.н.с.,

*Руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. E-mail: mez13@mail.ru*

© 2024 НОГАЕВ Игорь Викторович

Советник президента Ассоциации прибалтийских исследований.

*197022, Россия, Санкт-Петербург, пр. Медиков д. 3, лит. А, пом. 2Н.
E-mail: viewpostcom@yandex.ru*

Поступила в редакцию 16.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. Вступление Финляндии в НАТО определяет новую конфигурацию балтийско-скандинавской подсистемы региональной безопасности в Европе. В статье изучена эволюция позиции Хельсинки по вопросу вступления в альянс. Развитие российско-финских отношений рассмотрено в исторической перспективе. Попытка связать членство Финляндии в НАТО с началом специальной военной операции на Украине несостоятельна: Хельсинки готовился к вступлению в альянс в течение нескольких лет. Об этом свидетельствует военное сотрудничество Суоми с Североатлантическим блоком. Например, Финляндия имела статус партнера НАТО с расширенными возможностями. В статье отмечено, что Россия всегда была заинтересована в существовании независимой, процветающей и свободной Финляндии как фактора региональной стабильности. С точки зрения международного права членство Финляндской Республики в НАТО нарушает ряд международных договоров, заключенных с СССР/Россией, в частности Договор между РФ и Финляндией об основах отношений 1992 г., поскольку противоречит целям развития и укрепления добрососедских отношений и всестороннего со-

¹ Статья выполнена в рамках НИР FMZS-2024-0013 Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона, № госрегистрации 124100100053-9, дата регистрации 01.10.2024.

трудничества. Вступление Финляндии в НАТО негативно влияет на благожелательное отношение к стране в России и дискредитирует позитивный образ финских граждан, который сформировался у россиян в предшествующие десятилетия.

Ключевые слова: Балтийско-Скандинавский макрорегион, Финляндия, Россия, НАТО, нейтралитет, региональная безопасность, исторический опыт, перспективы двусторонних отношений

DOI: 10.31857/S0201708324070118

Образ Финляндии как территории богатства, социального равенства, межнациональной стабильности, нейтралитета и поступательного прогресса существует с 1960-х гг., но уже не соответствует действительности.

20 февраля 2022 г. финский президент Саули Ниинистё заявил, что у Финляндии нет причин для вступления в Североатлантический альянс, но 4 апреля 2023 г. страна стала членом НАТО. Формально свое мнение финские власти выразили достаточно четко: изменение позиции произошло после начала специальной военной операции на Украине. В ходе визита в Вашингтон 5 марта 2022 г. С. Ниинистё заявил: «Ситуация поменялась. Мы должны учитывать то, что мы увидели сейчас в Европе»¹. Мнение президента поддержала глава финского правительства Санна Марин.

21 февраля была создана петиция о референдуме по вступлению в НАТО. За несколько дней она набрала более 50 тыс. подписей. После этого обращение граждан должен был рассмотреть парламент. Идея петиции достаточно проста: «Мы предлагаем, чтобы о вступлении Финляндии в НАТО был проведен рекомендательный референдум». Однако вместо всеобщего голосования состоялся социологический опрос.

Реакция России была предсказуема: «Вступление в НАТО станет также прямым нарушением международно-правовых обязательств Финляндии, прежде всего Парижского мирного договора 1947 г., предусматривающего обязательство сторон не заключать союзы и не участвовать в коалициях, направленных против одной из них, а также Договора 1992 г. между Россией и Финляндией об основах отношений, которым установлено, что стороны будут воздерживаться от угрозы силой или применения силы против территориальной целостности или политической независимости другой стороны, не будут использовать или разрешать использовать свою территорию для вооруженной агрессии против другой стороны»². Таким образом, заложена основа возможного переустройства всей системы взаимодействий с Финляндией и возврата правовой ситуации к 19 сентября 1944 г., т. е. к состоянию войны.

4 апреля 2023 г. Финляндия вступила в НАТО, расставшись не только фактически, но и юридически с международно-правовым статусом нейтральной страны. Этот процесс был достаточно сложным.

¹ Как менялись позиции Швеции и Финляндии по вопросу о вступлении в НАТО. ТАСС. 18.05.2022. URL: <https://tass.ru/info/14655689> (дата обращения: 21.11.2024).

² Заявление МИД России о членстве Финляндии в НАТО. МИД РФ. 12.05.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1812971/ (дата обращения: 21.11.2024).

Итоги Второй мировой войны. Вариант для Финляндии

Во Второй мировой войне Финляндия в соответствии со стратегическими планами вела боевые действия против СССР [Межевич, Новикова, 2023: 193–203]. Однако 19 сентября 1944 г. Суоми вышла из войны и объявила войну Германии [Межевич, 2001: 55–57; Зверев, Межевич, 2019].

10 февраля 1947 г. в Париже Финляндия подписала мирный договор со странами-победительницами. Постановления Парижского мирного договора обязывали Хельсинки обеспечить гражданам без различия расы, пола, языка или религии основные демократические свободы; не допускать существования и деятельности фашистских организаций; задерживать и выдавать суду лиц, совершивших военные преступления и преступления против мира и человечества. Устанавливалось, что максимальная численность армии Финляндии не должна превышать 34,4 тыс. чел.; ВМФ – 4,5, ВВС – 3¹. Водоизмещение военно-морского флота ограничивалось 10 тыс. т., а количество военных самолетов – 60.

Во время Великой Отечественной войны Ристо Рюти, премьер-министр Финляндии с 1939 г. по 1940 г., президент с 1940 г. по 1944 г., не только не скрывал планов по реализации проекта «Великая Финляндия», но и призывал уничтожить Ленинград и его население. В 1945 г. под давлением СССР и финских коммунистов Р. Рюти был осужден как военный преступник и приговорен к 10-летнему заключению. В 1949 г. помилован и по согласованию с СССР выпущен на свободу.

Советская внешняя политика встретила глубокую и на определенном этапе искреннюю поддержку Финляндии. Так возникла «Линия Паасикиви – Кекконена» – уникальный формат сотрудничества в Европе и мире [Ланко, 2021: 139–153]. На состояние добрососедских отношений не смогли сильно повлиять ни развал Советского Союза, ни вступление Суоми в Евросоюз в 1995 г.

Торгово-экономические связи начиная с послевоенного времени характеризовались взаимной выгодой. В России были широко представлены финские компании: «КОНЕ» (лифты), «Вяртсиля» (машинное оборудование), «Валио» (пищевая продукция), «Тиккурила» (лакокрасочная продукция), «Раума-Репола» (сферические гондолы для глубоководных аппаратов «Мир-1» и «Мир-2»), «Стокманн» (одежда), «Нокиа» (телефоны).

Уникальность российско-финских экономических отношений заключалась не только в их масштабе, но и в прогрессивных формах производственной кооперации в судостроении, энергетике, металлургии и других секторах. Среди знаковых примеров сотрудничества – совместная эксплуатация Сайменского канала и сотрудничество в городе Светогорске (бывшем Энсо) в Ленинградской области, где в советское время добросовестно трудились финские строители.

¹ Парижские мирные договоры 1947 г. (К 70-летию Парижской мирной конференции). Историко-документальный департамент МИД РФ. URL: <https://idd.mid.ru/informational-materials/parizhskie-mirnye-dogovory-1947-g-k-70-letiyu-parizhskoy-mirnoy-konferentsii> (дата обращения: 21.11.2024).

Россия рассматривала Суоми как перспективного партнера и рынок сбыта не только сырья, но и высокотехнологичной продукции. Финляндия – единственная страна Запада, в которой СССР построил атомную электростанцию (АЭС «Ловийса»). Постсоветская Россия также приступила к возведению АЭС «Ханхикиви-1».

Эффективно выстраивались российско-финские культурные отношения и научное сотрудничество. Профессор Т. Вихавайнен, руководитель Финского института в Санкт-Петербурге, писал: «В Финляндии почти неизвестно, что в России вообще считается, что великорусский народ образовался от слияния славянских и финских племен. Мы, таким образом, с русскими братья по крови» [Вихавайнен, 2012]. Эта точка зрения – небольшой срез позиции влиятельной в прошлом группы финской элиты, выступающей за поддержание прагматичных отношений с Москвой. Генеральное консульство Финляндии в Санкт-Петербурге выдавало более миллиона шенгенских виз в год. Перспективы гуманитарных связей определялись следующим образом: «Укрепляются межрегиональное, приграничное сотрудничество, контакты между людьми. В 2012 г. поставлен очередной рекорд по количеству пересечений российско-финляндской границы – более 12 млн»¹. Дружественные связи с Финляндией как с независимой, нейтральной и свободной страной были выгодны для России.

Двусторонние отношения претерпели качественные изменения в 1992 г., однако инерция советской эпохи обеспечивала масштаб торговых связей при закономерном изменении политической составляющей. Как СССР, так и РФ особо ценили нейтралитет Финляндии. На территории Суоми проходили многие важнейшие международные форумы, например Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 2018 г. в Хельсинки прошла встреча президентов США и России.

Финляндская Республика – единственная страна Запада, которой удавалось поддерживать доверительные отношения одновременно с западным миром и с Россией. Ни одному другому из развитых государств этого сделать в полной мере не удалось. Образно говоря, Финляндия являлась единственной нейтральной полосой, которая пролегла между Россией и Западом [Новикова, Межевич, 2016: 27–39].

Вступление Финляндии в НАТО – использование СВО как повода и реальные причины

13 апреля 2022 г. Государственный совет Финляндии представил доклад по внешней политике и политике безопасности, в котором впервые упоминалась «российская угроза»². По инициативе финской стороны двусторонние отношения стали разрываться. Например, 27 марта 2022 г. в связи с санкциями прекращено движение электропоезда «Аллегро», курсирующего между Хельсинки и Санкт-Петербургом. 11 августа 2024 г. финское министерство транспорта приостановило сотрудниче-

¹ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова и ответы на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Финляндской Республики Э. Туомийей, Москва, 15 апреля 2013 г. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1712834/ (дата обращения: 21.11.2024).

² Там же.

ство по Сайменскому каналу¹. Позиция финской стороны исключает возможность компромисса: Россия начала СВО, Финляндия приняла трудное, но быстрое решение о членстве в НАТО.

Однако Хельсинки начал подготовку к вхождению в альянс задолго до СВО [Данилов, 2022: 16–23; Данилов, 2022: 27–39; Дерябин, 2007: 103–115; Зеленева, Бурухина, 2018: 119–124; Плевако, 2022: 24–31]. Кроме того, вступлению в НАТО способствовали национализм и реваншизм, присутствовавшие в послевоенной Финляндии. Эти явления достаточно прагматично регулировались, тщательно скрывались, но не были тайной для компетентных органов СССР².

Примерно с 1990 г. в Финляндии начались дискуссии о новой модели безопасности: «Финская дилемма безопасности состоит в том, чтобы заручиться поддержкой тех стран, которые, по мнению финнов, придут к ним на помощь в случае внешней угрозы или нападения, и не оказаться вовлеченными в конфликт из-за действий других стран, которые воспринимаются ими в качестве потенциальных источников проблем» [Худолей, Ланко, 2019: 18].

В 1997 г. провозглашена Североевропейская инициатива, которая ориентировалась на интеграцию стран Балтии в евроатлантические структуры и укрепление связей региона с США. Вашингтон собирался вернуть регион в «европейский мейнстрим». За этим последовало создание группы «Упроченное партнерство в Северной Европе» (*Enhanced Partnership in Northern Europe, e-PINE*), в которую входят представители США, Дании, Эстонии, Финляндии, Латвии, Литвы, Исландии, Норвегии и Швеции. Инициатива американской администрации была призвана улучшить сотрудничество с северными и балтийскими странами, в т. ч. с Финляндией, через упрочение интеграции в НАТО [Asmus, 1997: 44].

Понимание неделимости безопасности на Балтике и Скандинавском полуострове одним из первых озвучил финский контр-адмирал Еско Илли. Он указывал на необходимость укрепления вооруженных сил и демилитаризации северо-запада России³. Этот подход был хорошо известен в Москве и рассматривался как достаточно приемлемый вариант, т. к. РФ не планировала нападать на Финляндию при любых сценариях. Однако понимание возможности вступления последней в НАТО всегда присутствовало в академических кругах. «В целом необходимо признать, что вероятность присоединения данных стран к Североатлантическому Альянсу в последнее время повысилась. В ближайшем будущем закреплению этой тенденции может способствовать дальнейшее нагнетание конфронтационных в отношении России настро-

¹ Work of the Saimaa Canal Advisory Board to be suspended. Ministry of Transport and Communications. 11.9.2024. URL: <https://lvm.fi/en/-/work-of-the-saimaa-canal-advisory-board-to-be-suspended> (дата обращения: 21.11.2024).

² В 1990-е гг. один из авторов статьи работал в органах государственной власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области под руководством сотрудников, имевших соответствующий профессиональный опыт в советском посольстве в Финляндии и иных зарубежных учреждениях, и обсуждал указанные вопросы в личных беседах.

³ Илли Еско. Европейская безопасность и стабильность в Балтийском море и Северном регионе. Выступление на Конференции по безопасности в Европе и Балтийском регионе (26 – 28 апреля 1996 года). Архив проф. Межевича Н.М. Санкт-Петербург.

ений в рамках саммита НАТО в Варшаве и в контексте президентских выборов в США» [Громыко, Плевако, 2016: 5].

12 марта 2019 г. опубликован доклад «Силовая Россия» (*Voiman Venäjä*)¹, составленный по поручению министерства обороны, министерства внутренних дел и министерства иностранных дел Финляндии. Авторы документа утверждают: «Своими действиями и публичными заявлениями Россия продемонстрировала пренебрежение к международному порядку и безопасности, основанным на правилах... Являясь членом Европейского союза, Финляндия не сможет оставаться в стороне, если в ЕС или где-либо в других частях Европы безопасность будет находиться под угрозой»². Финляндия крайне отрицательно относится к воссоединению Крыма с Россией, называя это «оккупацией и незаконной аннексией»³.

Финляндская Республика давно стала постоянным участником военных учений НАТО в Северной Европе. Так, в 2018 г. финны приняли участие в учениях «Единый трезубец» (*Trident Juncture*) – крупнейшие маневры альянса с конца 1980-х гг., в 2019 г. – в учениях «Арктический вызов-2019» (*Arctic Challenge Exercise-2019*) и «Балтопс-2019» (*Baltops 2019*).

С целью вовлечения Финляндии в альянс предпринимались партнерские программы в гуманитарной сфере, спасении на море и т. д. Страна имела статус партнера НАТО с расширенными возможностями. В стратегия национальной обороны Финляндии присутствовала опция о НАТО, где зафиксировано, что «если того потребует безопасность Финляндии, то страна располагает возможностью подать заявку о вступлении в НАТО» [Плевако, 2022: 25]. Поскольку Финляндская Республика имеет самую протяженную границу с Россией на северо-западе, Североатлантический альянс может создать очаг нестабильности в приграничных регионах РФ (т. е. на Кольском полуострове, в Карелии и т. д.), прилегающих к морям Северного Ледовитого океана⁴. Таким образом, сформирован инструмент давления военного и политического характера.

Для Запада также важно помешать России реализовать проект «Северный морской путь» – альтернативный маршрут транспортировки товаров из Европы в Китай и в Юго-Восточную Азию через южную оконечность Северного Ледовитого океана. НАТО и США уже предприняли ряд шагов, например, перебросили в Арктику подлодки и бомбардировщики, возвращаясь к военному соперничеству в регионе⁵; симитировали бомбовый удар по Калининграду¹.

¹ Составители документа перевели выражение *Voiman Venäjä* на английский язык как *Russia of Power*. В российской прессе его также переводят дословно как «Россия силы». Авторы считают, что выражение *Voiman Venäjä* лучше передать как «Силовая Россия».

² Voiman Venäjä. Helsinki. Puolustusministeriö. 2019. P. 4. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/161438/Voiman_Ven%C3%A4j%C3%A4_PLM_2019.pdf (дата обращения: 21.11.2024).

³ Там же. С. 13.

⁴ У некоторых сил может появиться желание реанимировать проект «Великая Финляндия» времен Второй мировой войны. Согласно этой идее, от России должны быть отторгнуты Карелия, Кольский полуостров и Ленинградская область вместе с Санкт-Петербургом.

⁵ США перебрасывают в Арктику подлодки и бомбардировщики – так же, как и Россия. Forbes. 27.08.2020. URL: <https://inosmi.ru/military/20200827/248009217.html> (дата обращения: 21.11.2024)

Интерес НАТО к Финляндии имеет технологический аспект. Страна обладает значительным производственным потенциалом, например уникальной в Европе судовой верфи в городе Турку. На этой верфи было построено самое большое (по состоянию на 2024 г.) круизное судно в мире «Икона морей» (*Icon of the Seas*). Помимо этого, Финляндия обладает развитыми научно-исследовательской базой и кадровым потенциалом в строительстве малых и средних ледоколов.

Однако для успешного привлечения Финляндии в альянс было необходимо учесть культурные особенности и психологию финляндцев – как финского большинства, так и шведского меньшинства. В этом роль сыграли такие элементы культуры, как шведский «рюсскряк» (*rysskräck*)² и финский «рюссявиха» (*ryssäviha*)³.

В течение почти шести веков Финляндия была провинцией Швеции, а шведский язык вплоть до начала XX в. – языком высшего класса в Суоми (аристократии и интеллектуалов). Финская культура, скорее всего, унаследовала такой феномен, как *rysskräck* [Пименова, 2021]. В шведском языке *rysskräck* стало синонимом русофобии и означает иррациональный страх перед русскими, из-за которого финляндец (финн или швед) смотрит с опаской и недоверием в сторону России. Именно из-за этого элемента культуры в Финляндии активно распространяется антироссийская информация в виде всевозможных искажений и фейков. Возможно, что под влиянием шведского *rysskräck* возникло финское слово *ryssäviha*, которое можно перевести как «ненависть к русским». События первой половины XX в. (гражданская война в Финляндии, советско-финляндская война и Вторая мировая война) внесли вклад в формирование феномена *ryssäviha*⁴.

Таким образом, отношение к России в Финляндии неоднозначное. Как показывают различные исследования и опросы, проведенные в 1990-х и 2000-х гг., финны продолжают выражать неодобрение или испытывать опасения в отношении России и россиян (стоит отметить, что результаты некоторых опросов показали противоположные результаты) [Лайне, 2017: 123–139]. Так, согласно опросу общественного мнения, проведенному Институтом Гэллага в 2004 г.⁵, 62% респондентов негативно относились к России. В Европе только в Косово относятся к РФ более недружелюбно, чем в Финляндии.

Заключение

Парламент Финляндии в июне 2024 г. единогласно утвердил подписанное в конце 2023 г. финско-американское военное соглашение о сотрудничестве в обла-

¹ Американские В-52 симитировали бомбовый удар по российской цитадели на Балтике. Forbes. 28.09.2020. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200928/248201812.html> (дата обращения: 21.11.2024).

² От шв. *ryss* – русский, *skräck* – ужас, страх.

³ От финн. *ryssä* – (уничжит.) русский, *viha* – ненависть, вражда, гнев, злоба.

⁴ Вопрос о существовании феномена *ryssäviha* является дискуссионным. По мнению финского исследователя профессора Т. Вихавайнена российско-финские отношения в течение продолжительных периодов в XIX и XX вв. характеризовались взаимной симпатией и дружбой. [Килин, 2014: 118–121].

⁵ Финны негативно относятся к русским. Helsingin Sanomat. 11.10.2004. URL: <https://inosmi.ru/20041012/213682.html?ysclid=mlasfifmx5920596676> (дата обращения: 21.11.2024).

сти обороны (*Defence Cooperation Agreement, DCA*). Договор дает американцам свободный доступ к военным базам, транспортным артериям и объектам инфраструктуры Суоми. Поскольку соглашение нарушает основополагающие договоры СССР и России с Финляндией, оно предоставляет широкие возможности для военного и политического реагирования.

Вступление Финляндии в НАТО не является спонтанным шагом после начала СВО. Оно тщательно готовилось: общественное мнение обрабатывалось в течение долгого времени, использовались исторические страхи. В будущем уникальное позитивное наследие российско-финских отношений может быть окончательно утрачено. Вероятно, Финляндия будет фактором напряженности на северо-восточных рубежах России.

Этому процессу содействуют статьи в СМИ и научные работы, авторы которых пытаются убедить российских и финских читателей в том, что в истории финско-российских отношений не было ничего положительного. России отводится роль агрессора и надзирателя в «тюрьме народов». Подобные русофобские тексты призваны воспитать новое поколение финнов, которое будет обвинять Москву в агрессивности по отношению к соседним государствам.

Однако членство Финляндии в НАТО не означает необратимость прекращения диалога. В истории Великого княжества Финляндского был период крайне сложных отношений Гельсингфорса и Санкт-Петербурга при генерал-губернаторе и командующем войсками Финляндского военного округа (1898–1904) Н.И. Бобрикове. Однако после реформ 1905 г. отношения стали, по сути, конфедеративными. Февральская революция не вызвала отторжения финнов. Часть финской элиты считала конфедерацию оптимальным вариантом развития страны.

После 1947 г. отношения СССР и Финляндии были демонстративно дружественными. Таким образом, сочетание российской силы и определенных гарантий для Суоми может в среднесрочной перспективе уменьшить военные риски без прекращения членства в НАТО. Ряд стран входят в альянс с ограничениями военного, технического и политического характера. Концепция лимитрофов позволяет выявить общее в процессах, охватывающих пространство от Хельсинки до Варшавы, но не учитывает различный генезис польской, прибалтийской и финской государственности.

Нарратив «Мы воевали с русскими» в среднесрочной перспективе будет доминировать в национальном сознании финнов. Сегодня преобладает версия «воевали, победили русских, будем воевать опять и будем побеждать». Неслучайно бывший премьер-министр С. Марин заявила о победе финнов в войне с СССР в 1939–1940 г. и 1941–1944 гг., что вызвало удивление в Финляндии. Сторонники прагматичных отношений с Россией находятся в явном меньшинстве. Однако в политической истории страны вторая версия нарратива «Воевали, стали достойным противником, затем торговали и сотрудничали» не только существовала, но и доминировала. В долгосрочной перспективе возможен возврат как к ней, так и к добрососедской модели отношений.

Выстраивая модель отношений с Финляндией, необходимо учитывать общий контекст взаимодействий РФ с альянсом и специфику российско-финских отношений. Не нужно воспроизводить паттерны прошлого и выстраивать универсальную модель внешней политики в отношении Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Фин-

ляндии. Финский фактор в европейском, в частности в балтийско-скандинавском контексте, оказывает влияние на формирование региональной системы безопасности на Балтике, в Арктике и на пересечении этих регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вихавайнен Т. (2012) *Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии*. Нестор-История, Санкт-Петербург. 248 с.

Громыко А.А., Плевако Н.С. (2016) О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 5 (№ 35). URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an35.pdf> (дата обращения: 21.11.2024).

Данилов Д.А. (2022) Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2 (26). С. 16–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran20221623>

Данилов Д.А. (2022) Финляндия и Швеция на пути в НАТО. *Обозреватель*. № 5–6 (388–389). С. 27–39. DOI: [10.48137/2074-2975_2022_5-6_27](https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_5-6_27)

Дерябин Ю.С. (2007) Финляндия и НАТО. *Международная жизнь*. № 7–8. С. 103–115.

Зверев Ю.М., Межевич Н.М. (2019) *Безопасность в восточной Балтике: К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019»*. ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург. 152 с.

Зеленева И.В., Бурухина Е.Н. (2018) Эволюция политики безопасности Финляндии и НАТО. *Вестник Томского государственного университета*. № 434. С. 119–124. DOI: [10.17223/15617793/434/15](https://doi.org/10.17223/15617793/434/15)

Килян Ю.М. (2014) Рец. на кн.: Vihavainen T. Ryssäviha. Venäjän-pelon historia. Minerva kustannus oy, 2014. 322 s. (Вихавайнен Т. Рюссявиха. История страха перед русскими). *Studia Humanitatis Borealis/Северные гуманитарные исследования*. № 1. С. 118–121.

Лайне Ю. (2017) Восприятие России в общественном сознании Финляндии. *Сравнительная политика*. № 8(1). С. 123–139.

Ланко Д.А. (2021) Финляндизация, нейтралитет или Кеккословакия? Линия Паасикиви–Кекконена в финских дискурсах через 30 лет после холодной войны. *Международная аналитика*. № 12(3). С. 139–153.

Межевич Н.М., Новикова И.Н. (2023) Военное сотрудничество Финляндии и Эстонии. Уроки 1939–1940 гг. для СССР и их современная интерпретация. *Современная Европа*. № 6. С. 193–203. DOI: [10.31857/S0201708323060165](https://doi.org/10.31857/S0201708323060165) EDN: xujqzc

Межевич Н.М. (2001) Проблема безопасности Балтийского флота в контексте вопроса о причинах советско-финляндской войны 1939–1940 гг. *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. № 2. С. 55–57.

Новикова И.Н., Межевич Н.М. (2016) Финляндия и НАТО: как забвение уроков прошлого может привести к их повторению. *Управленческое консультирование*. № 4. С. 27–39.

Пименова М.А. (2021) Феномен «rysskräck» в современной Швеции: результаты опроса 2021 г. «Североевропейские исследования: состояние и ориентиры», Сборник материалов участников I международного круглого стола молодых ученых-нордистов (24, 30 апреля 2020 г.) и II международного круглого стола (28 мая 2021 г.) молодых ученых-нордистов. Отв. ред. Л.Н. Кулябина. Дипломатическая академия МИД России, Москва. С. 94–99.

Плевако Н.С. (2022) Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 24–31 DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran20222431>

Худолей К., Ланко Д. (2019) Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 3. С. 13–20. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>

Asmus R. (1997) American Views on Security and Cooperation in the Baltic Sea Region. *Towards an Inclusive Security Structure in the Baltic Sea Region: 2nd Annual Stockholm Conference on Baltic*

Sea Security and Cooperation. Ed. by J. P. Kuzich, A. Fahraeus. SIPRI; The Embassy of the USA, Stockholm, Sweden.

Finland in NATO. Genesis of the Current Situation and Prospects for its Evolution

N.M. Mezhevich

*Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher,
Head of Center for Belarusian Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. E-mail: mez13@mail.ru*

I.V. Nogaev

*Assistant to the President for the Association for Baltic Studies
3, lit. A, pom. 2, Pr. Medikov, Sankt-Petersburg, Russia, 197022
E-mail: viewpostcom@yandex.ru*

Abstract. Finland's accession to NATO defines a new configuration of the Baltic-Scandinavian macroregion of the entire complex pertaining to regional security issues in Europe. The article examines the evolution of Finland's position on the issue of joining NATO, as part of the general issue of Russian-Finnish relations. The authors agree with the thesis previously expressed in the literature that the attempt to link Finland's accession to NATO and to quit the model of "Finnish Russian-friendly neutrality" at the beginning of the Special Military Operation is untenable, since this process was prepared long before 2022. In particular, Finland had the status of a NATO Enhanced Opportunities Partner. The article underlines that Russia has always been interested in the existence of an independent, prosperous and free Finland as a factor of regional stability. Finland's accession to NATO violates international treaties between the USSR/Russia and the Republic of Finland, for instance, the Treaty between the Russian Federation and Finland on the Basic Principles of Relations (1992). Moreover, Finland's membership in the Alliance puts an end to bilateral dialogue. Finland's accession to NATO is perceived in Russia with sincere regret, because it undermines the positive attitude towards the Finns and disrupts the positive image of the Finnish people, which has developed among Russians over the past decades.

Keywords: Baltic-Scandinavian macroregion, Finland, Russia, NATO, neutrality, regional security, historical experience, prospects for bilateral relations

DOI: 10.31857/S0201708324070118

REFERENCES

- Asmus R. (1997) American Views on Security and Cooperation in the Baltic Sea Region, in Kuzich J.P., Fahraeus A. (ed.) *Towards an Inclusive Security Structure in the Baltic Sea Region: 2nd Annual Stockholm Conference on Baltic Sea Security and Cooperation*, SIPRI; The Embassy of the USA, Stockholm, Sweden.
- Gromiko A.A., Plevako N.S. (2016) O vozmozhnom vstuplenii Shvetsii i Finlyandii v NATO. [On the possible accession of Sweden and Finland to NATO], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 5(35). URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an35.pdf> (accessed: 21.11.2024). (In Russian).
- Danilov D.A. (2022) Finlyandiya i Shvetsiya u otkrytykh dverey NATO [Finland and Sweden at NATO's Open Doors], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2(26), pp. 16–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220221623> (In Russian).

Danilov D.A. (2022) Finlyandiya i Shvetsiya na puti v NATO [Finland and Sweden on the Path to NATO]. *Obozrevatel'*, 5–6 (388–389), pp. 27–39. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_5-6_27 (In Russian).

Deryabin Yu.S. (2007) Finlyandiya i NATO [Finland and NATO], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 7–8, pp. 103–115. (In Russian).

Khudoley K., Lanko D. (2019) Finskaya dilemma bezopasnosti, NATO i faktor Vostochnoy Yevropy [The Finnish security dilemma, NATO and the Eastern European factor], *World Economy and International Relations*, 63(3), pp. 13–20. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20> (In Russian).

Kilin Yu. M. (2014) Retz. na kn: Vihavainen T. Ryssäviha. Venäjän-pelon historia. Minerva kustannus oy [Book review: Vihavainen T. Ryssäviha. Venäjän-pelon historia], *Studia Humanitatis Borealis/Northern Humanitarian Studies*, 1, pp. 118–121. (In Russian).

Laine J. (2017) Vospriyatiye Rossii v obshchestvennom soznanii Finlyandii [Perception of Russia in the Public Consciousness of Finland], *Comparative Politics*, 8(1), pp. 123–139. (In Russian).

Lanko D.A. (2021) Finlyandizatsiya, neytralitet ili Kekkoslovakiya? Liniya Paasikivi–Kekkonena v finskikh diskursakh cherez 30 let posle kholodnoy voyny [Finlandization, Neutrality, or Kekkoslovakia? The Paasikivi–Kekkonen Line in Finnish Discourses 30 Years after the Cold War], *International Analytics*, 12(3), pp. 139–153. (In Russian).

Mezhevich N.M., Novikova I.N. (2023) [Military cooperation between Finland and Estonia. Lessons of 1939–1940 for the USSR and their modern interpretation], *Sovremennaya Yevropa*, 6, pp. 193–203. DOI: 10.31857/S0201708323060165 EDN: xyjqzc (In Russian).

Mezhevich N.M. (2001) Problema bezopasnosti Baltiyskogo flota v kontekste voprosa o prichinakh sovetско-finlyandskoy voyny 1939–1940 gg. [The problem of the security of the Baltic Fleet in the context of the issue of the causes of the Soviet-Finnish War of 1939–1940], *St. Petersburg and the countries of Northern Europe*, 2, pp. 55–57. (In Russian).

Novikova I.N., Mezhevich N.M. (2016) Finlyandiya i NATO: kak zabveniyе urokov proshlogo mozhет privesti k ikh povtoreniyu [Finland and NATO: how forgetting the lessons of the past can lead to their repetition], *Management Consulting*, 4, pp. 27–39. (In Russian).

Pimenova M.A. (2021) Fenomen «rysskräck» v sovremennoy Shvetsii: rezul'taty oprosa 2021 g. [The phenomenon of «rysskräck» in contemporary Sweden: results of the 2021 survey], in Kulyabina L.N. (ed.) *“Severoyevropeyskiye issledovaniya: sostoyaniye i oriyentir”*, *Sbornik materialov uchastnikov I mezhdunarodnogo kruglogo stola molodykh uchenykh-nordistov (24, 30 aprelya 2020 g.) i II mezhdunarodnogo kruglogo stola (28 maya 2021 g.) molodykh uchenykh-nordistov*, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia. (In Russian).

Plevako N.S. (2022) Shvedskiy i finskiy neytralitet. V proshlom? [Swedish and Finnish neutrality. In the past?], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2, pp. 24–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran20222431> (In Russian).

Vihavainen T. (2012) *Vostochnaya granitsa ischezayet. Dva stoletiya Rossii i Finlyandii* [The Eastern Border Disappears. Two Centuries of Russia and Finland], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Zeleneva I.V., Burukhina E.N. (2018) Evolyutsiya politiki bezopasnosti Finlyandii i NATO [Evolution of Finland and NATO Security Policy], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 434, pp. 119–124. DOI: 10.17223/15617793/434/15

Zverev Yu.M., Mezhevich N.M. (2019) *Bezopasnost' v vostochnoy Baltike: K voyennym ucheniyam Rossii i Belarusi «Shchit Soyuza – 2019» (ekspertnyy doklad)* [Security in the Eastern Baltic: On the military exercises of Russia and Belarus "Union Shield - 2019" (expert report)], IPC NWU RANEPA, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

УДК 329.61, 329.285

УГРОЗА УЛЬТРАЛЕВОГО И АНАРХИСТСКОГО ТЕРРОРИЗМА В ЕС

© 2024 БАЗАРКИНА Дарья Юрьевна

*Доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник, Отдел исследований европейской интеграции,
Институт Европы Российской академии наук
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
E-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru*

Поступила в редакцию 18.11.024
Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. Цель статьи – определить уровень угрозы ультралевого и анархистского терроризма в ЕС с особым вниманием к Италии и Греции – и выявить тенденции ее дальнейшего развития. В статье использованы первичные и вторичные источники при рассмотрении угрозы ультралевого и анархистского терроризма в разных странах ЕС. Автор приходит к выводу о негибком подходе Европола к феноменам ультралевого и анархистского терроризма. Агентство буквально воспринимает риторику изучаемых террористических организаций, упуская из виду их поверхностное восприятие той идеологии, которой оправдываются теракты. Тем не менее эксперты Европола проявляют гораздо меньшую политизированность в своих заявлениях, нежели представители политических кругов. Ультралевые экстремисты в Италии крайне малочисленны. В начале 2000-х гг. они отказались от использования террористических методов. Анархистские экстремисты и террористы представляют в Италии гораздо большую угрозу. Роспуск «Революционной организации 17 ноября» резко сократил организованное ультралевое и анархистское насилие в Греции, однако не прекратил его полностью. В декабре 2008 г. в стране началась новая фаза «насильственного активизма» против государства и частной собственности. Появилось множество групп и организаций, совершающих крупные теракты. Подавляющее большинство организованных ультралевыми и анархистскими террористами терактов направлены против материальных ценностей, но выбор средств для атак указывает на их опасность для жизни и здоровья людей.

Ключевые слова: террористическая угроза, ультралевый терроризм, анархистский терроризм, Европейский союз, Италия, Греция, Европол

DOI: 10.31857/S020170832407012X

Ультралевому и анархистскому терроризму уделяется гораздо меньше внимания в научной литературе, нежели ультраправому или квазирелигиозному (политическому, но выступающему под религиозными лозунгами), в силу ряда причин. Среди них – менее выраженные международные связи ультралевых террористов и меньшая летальность их атак, мишенью которых становится прежде всего собственность [Lubrano, 2024: 39–40] (так называемый «терроризм малых масштабов») [см.: Mareš, 2007]), в целом спад терроризма в странах Запада [Institute for Economics & Peace, 2024: 2]. Тем не менее в странах ЕС ультралевый и анархистский терроризм остается одной из угроз, признаваемых Европоллом актуальной наряду с другими видами терроризма. Так, в 2022 г. «в ЕС было совершено 13 терактов ультралевых и анархистов, из которых большинство (8) произошли в Италии. Три теракта были совершены в Греции, один в Бельгии и один в Испании»¹. Ультралевые и анархистские террористы, а также воинствующие экстремисты продолжают представлять угрозу общественной безопасности в ЕС [Viñas, 2023], нанося ущерб критически важной инфраструктуре, что приводит, например, к масштабным отключениям электроэнергии.

Цель статьи – определить уровень угрозы ультралевого и анархистского терроризма в ЕС с особым вниманием к Италии и Греции – и выявить тенденции ее дальнейшего развития. Среди использованных первичных источников – отчеты Европола о текущей ситуации и изменениях феномена терроризма в Евросоюзе, материалы СМИ.

Таблица 1

**Статистика террористических актов ультралевых и анархистов в ЕС
по оценкам Европола²**

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Количество терактов	55	21	28	40	45	37	18	24	13	13	27	24	19	26	25	1	18

Согласно пафосному определению Европола «ультралевые террористические группы стремятся спровоцировать жестокую революцию против политической, социальной и экономической системы государства с целью ввести социализм и в конце концов установить коммунистическое бесклассовое общество»³. Европол приводит в пример итальянские «Красные бригады», греческую «Революционную организацию 17 ноября» и западногерманскую «Фракцию Красной армии».

«Анархистский терроризм» – термин, используемый для описания актов насилия, проводимых группами или отдельными лицами, чтобы утвердить отсутствие власти как социальной модели. Анархисты следуют революционной, антика-

¹ EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2023. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2023. P. 55.

² Источник: EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2007–2023. Europol, The Hague, and Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2007–2023.

³ EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2023 ... P. 56.

питалистической и антиавторитарной повестке дня»¹. Примеры анархистских террористических групп – итальянская «Неформальная анархистская федерация / Международный революционный фронт» (*Federazione Anarchica Informale / Fronte Rivoluzionario Internazionale, FAI/FRI*) и греческий «Заговор огневых ячеек» (ЗОЯ).

Данные определения свидетельствуют о несформированности подхода Европола к изучению феноменов ультралевого и анархистского терроризма. Агентство буквально повторяет риторику изучаемых террористических организаций, упуская из виду их поверхностное восприятие той идеологии, которой они оправдывают свои теракты. К примеру, если в марксистской парадигме для социальной революции должны созреть объективные предпосылки (революционная ситуация) [см.: Ленин, 1973] и появиться способная «взять власть» прогрессивная партия, то ультралевые террористы, не оперируя подобными теоретическими положениями, пытаются «приблизить» социальную революцию путем террористических актов. В определенных обстоятельствах – при наличии заинтересованности политической элиты в дискредитации левого движения, набирающего силу, – отождествление ультралевого терроризма и марксизма становится удобным инструментом для силовых структур в странах, где у власти находятся праволиберальные партии. Эксперты Европола проявляют гораздо меньшую ангажированность в своих заявлениях, нежели сами представители политических кругов. Так или иначе, изучение угрозы ультралевого и анархистского терроризма приобретает новую актуальность не только в ситуации международной напряженности, но и на фоне развития новых технологий, активное сопротивление повсеместному внедрению которых провозглашают, как правило, изучаемые группы.

Италия

Ультралевые экстремисты в Италии крайне малочисленны. После роспуска «Красных бригад – Коммунистической боевой партии» (*Red Brigades – Communist Combatant Party, BR-PCC*) в начале 2000-х гг. они отказались от использования террористических методов. В последние годы ультралевые круги и активисты возобновили идеологическую работу и пропаганду, в том числе с явным восхвалением исторического периода «вооруженной борьбы» (*lotta armata*) и ее главных действующих лиц [Marone, 2023]. Активизм также был сосредоточен на воинствующем антифашизме и, прежде всего, антимилитаризме и антиимпериализме. Еще одной важной темой для пропаганды стала тюремная система. На международном уровне итальянские ультралевые приложили значительные усилия для популяризации ряда событий, включая палестинское сопротивление против «сионизма», курдский опыт Рожавы² в Сирии и опыт наксалитов-маоистов в Индии.

Итальянские ультралевые экстремисты пытались использовать пандемию *COVID-19* для пропаганды. «Эти круги и активисты увидели в этой чрезвычайной ситуации еще одну возможность бросить вызов политической власти, особенно в

¹ Там же.

² Самопровозглашённое самоуправляемое конфедеративное курдское автономное государственное образование на севере и северо-востоке Сирии.

условиях концентрации государственной власти, и капитализму, особенно когда в нескольких западных странах возникло подобие компромисса между общественным здравоохранением и бизнесом» [Marone 2023: 266]. В частности, во время пандемии ультралевые экстремисты стигматизировали ситуацию в здравоохранении. Например, мера обязательной «зеленой сертификации» для всех работников (на основе сертификата о вакцинации или выздоровлении или отрицательного теста на коронавирус), введенная итальянским правительством в 2021 г., была представлена как еще один разъединяющий инструмент «репрессий» работников [Marone, 2023: 266].

Анархистские экстремисты и террористы представляют в Италии гораздо большую угрозу. С середины 1980-х гг. радикальные анархистские группы и отдельные лица были ответственны за десятки нападений. На протяжении более чем десятилетия их преобладающая тактика заключалась в мелкомасштабных актах вандализма, саботажа и поджогов. Однако с конца 1990-х гг. анархисты-боевики все чаще прибегали к более опасным методам, таким, как использование взрывных устройств.

Повстанческим анархизмом называют в западной научной литературе экстремистскую тенденцию в анархистском движении, которая пропагандирует практику «революционного» восстания посредством незаконных и насильственных действий. В то время как анархизм в целом делает акцент на практике, а не на теории, повстанческий анархизм довел эту позицию до крайности. Самостоятельно организованная атака «здесь и сейчас» провозглашается необходимой. Некоторые группы и сети преднамеренно нападают на людей [Marone 2015: 196]. На индивидуальном уровне для повстанческих анархистов немедленное действие, по-видимому, становится «своего рода эмоциональной разрядкой ... участие в насильственных “прямых действиях” в одиночку или в небольших группах является источником личного чувства восторга и “радости”, если применять слово, которое широко использовал Альфредо Мария Бонанно..., идеолог и предшественник современного повстанческого анархизма» [Marone, 2023: 266]. «Таким образом, насилие... превращается в средство индивидуальной трансформации» [Marone, 2015: 198].

Наиболее важной в этом экстремистском движении стала *FAI*, итальянская слабо связанная сеть отдельных лиц и небольших временных «групп по интересам» [Marone, 2014, 2015; см. также Lubrano, 2021]. С 2003 г. под эгидой *FAI* в Италии и других европейских странах проведены десятки актов насилия. Эти нападения привели в ряде случаев к телесным повреждениям [Marone, 2014, 2015], но не к жертвам. Однако, по данным властей Италии, некоторые из этих актов насилия были потенциально смертельными [Marone, 2015]. Многие нападения принимали форму посылок-бомб и самодельных взрывных устройств против конкретных лиц. 7 мая 2012 г. два боевика *FAI*, Альфредо Коспито и Никола Гай, совершили покушение на менеджера компании ядерного сектора Роберто Адинольфи в Генуе, прострелив ему колено¹.

¹ Заключенные Италии. Анархический черный крест Беларусь. URL: <https://abc-belarus.org/2016/07/02/zaklyuchennyye-italii/> (дата обращения: 12.10.2024).

FAI имеет прочные связи с греческими анархистскими группами [Marone, 2014; 2015], особенно с ЗОЯ, анархо-индивидуалистической вооруженной группой, возникшей в 2008 г. Примерно в 2010–2011 гг. *FAI* также способствовала развитию «Международного революционного фронта» (*FRI*), предприняв усилия по координации единомышленников. Несколько групп по всему миру использовали бренд *FAI*, чтобы взять на себя ответственность за собственные атаки (обычно акты саботажа или поджога) в разных странах [Marone, 2023]. В Италии сеть *FAI* была ослаблена после нескольких волн арестов в 2012–2013 гг. [Marone, 2023], но все еще активна.

Угроза, исходящая от повстанческого анархизма, в Италии не исчезла. Например, в сентябре 2020 г. связанные с *FAI* анархисты в Италии отправили посылку с бомбой председателю профсоюза работодателей Брешии (северная Италия), но устройство не взорвалось. Несколько дней спустя террористы заявили об этой атаке на анархистском сайте. В заявлении упоминалось, что второе, похожее устройство было отправлено в Союз пенитенциарной полиции в Модене (оно так и не было доставлено). Многие из террористических актов совершались в знак солидарности с заключенными в Италии и за рубежом.

Среди итальянских заключенных анархистов Альфредо Коспито заслуживает особого внимания. После ареста в сентябре 2012 г. Он продолжил продвигать повстанческий анархизм из тюрьмы, готовя статьи [Marone, 2023]. В 2022 г. А. Коспито начал голодовку¹ в знак протеста против условий своего содержания после того, как столкнулся с риском пожизненного заключения. Несколько итальянских и иностранных боевиков организовали «прямые атаки» в стране и за рубежом в знак солидарности с А. Коспито. В частности, 5 ноября 2022 г. в Трамбилено подожгли пилон, на котором размещалось передающее и приемное оборудование двух телефонных компаний и радиостанции. На анархистском сайте утверждалось, что атака совершена в знак солидарности с А. Коспито.

Тематика акций итальянского повстанческого анархизма – антимилитаризм с мобилизацией против оборонной промышленности, воинствующий «экологизм», особенно протест против строительства крупной инфраструктуры (в частности, высокоскоростной железной дороги Турин–Лион), и против ядерной энергетики. В фокусе внимания анархистов также находится иммиграция с особым вниманием к якобы репрессивному характеру итальянских центров по репатриации мигрантов. Несмотря на широкое использование Интернета, с 2010-х гг. итальянские повстанческие анархисты демонстрируют растущее неприятие современных технологий и «техно-индустриальной системы» [Lubrano, 2021: 5–6; Marone, 2023: 268].

Экстремисты-анархисты активно занимались пропагандой, призывали к подрывным действиям в своих статьях и документах. Они содержали подробные данные о целях нападения и оперативные инструкции, в том числе по саботажу инфраструктуры (телекоммуникаций, железных дорог и т. д.). Ряд публикаций опирался

¹ СМИ: суд в Италии пересмотрел приговор анархисту за взрывы в 2006 году у школы carabinieri. ТАСС. 26.06.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18122963> (дата обращения: 12.10.2024).

на идейный вклад влиятельных представителей повстанческого анархизма, таких как А. Коспито. Последние неоднократно поощряли активистов к насилию, особенно с целью возобновления проектов *FAI/FRI*. Итальянские анархистские экстремисты уделяют особое внимание Интернету как пространству для идеологических дебатов, оперативных инструкций и обмена информацией о своих кампаниях, в том числе с иностранными активистами, особенно во Франции, Испании, Греции и Латинской Америке. К примеру, ультралевые экстремисты и анархисты используют собственную цифровую инфраструктуру, такую как *Riseup.net*, *Espiv*, *Noblogs*, а также коммерческие платформы, такие как *Signal* и *Telegram*¹.

Итальянские анархисты-экстремисты предприняли попытки внедриться в протестное движение. В частности, они участвовали в демонстрациях и протестах против мер правительства по борьбе с *COVID-19*, подстрекая демонстрантов применить силу против полиции. Их интерпретация ситуации дала новую видимость анархистской повестке, особенно в противодействии технологическому прогрессу: они рассматривают управление пандемией как возможность для правительств навязать гражданам новые инструменты «социального контроля» (к примеру, сети 5G и видеонаблюдение). Медицина названа «репрессивным институтом, одним из нескольких столпов капиталистической патриархальной техно-индустриальной системы» [Marone, 2023: 269]. С другой стороны, самые острые фазы пандемии *COVID-19*, особенно в 2021 г., привели к общему сокращению числа терактов в ЕС². Наконец, помимо местных повстанцев-анархистов, в стране действуют и другие экстремисты, в том числе боевики, связанные с организацией «Индивидуалисты, стремящиеся к дикой природе» (*Individualistas Tendiendo a lo Salvaje, ITS*) [см., например, Lubrano 2021], радикальной экологической и антитехнологической сетью, которая возникла в Мексике в 2011 г. и ответственна за атаки со смертельным исходом.

Греция

Начиная с суда над «Революционной организацией 17 ноября» (*Revolutionary Organization 17 November, 17N*) в 2003 г. и до окончания финансовой помощи Греции в 2019 г. выявлено 294 организованных теракта ультралевых и анархистов с применением насилия в больших масштабах, совершенных 74 организациями [Rori and Georgiadou, 2023: 231]. В сочетании с разработкой антитеррористического законодательства после 11 сентября 2001 г. роспуск 17N резко сократил организованное ультралевое и анархистское насилие, однако не прекратил его полностью. В то время как последовавшие аресты и суды над членами «Революционной народной борьбы» (*Epanastatikos Laikos Agonas, ELA*) повлияли на террористическую активность, вскоре появились новые группировки: «Революционная борьба»

¹ EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2020. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2020. P. 62.

² EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2022. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2022. P. 58.

(*Epanastatikos Agonas, EA*), «Народная воля» (*LT*), «Народное революционное действие» (*LED*) и «Ячейка партизанского действия» (*PAD*). С 2003 по 2007 г. произошло несколько терактов, незначительных с точки зрения оперативного потенциала. Среди них наиболее известными стал взрыв, осуществленный ЕА в мае 2006 г. против резиденции тогдашнего министра культуры, бывшего министра общественного порядка, и нападение с использованием реактивных гранат на посольство США в Афинах, совершенное ЕА в январе 2007 г. [Mareš, 2007]. Представители данного «поколения» ультралевых и анархистов заявляют о преемственности по отношению к своим предшественникам, что видно по выбору целей, идеологической базе, готовности к серьезным актам насилия.

В декабре 2008 г. началась новая фаза «насильственного активизма против государственных зданий и частной собственности, символизировавшие экономическую власть» [Rori and Georgiadou, 2023: 231]. Появилось множество групп и организаций, совершающих крупные теракты. Среди организаций, сформировавшихся в тот период, выделяют ЗОЯ и «Секту революционеров» (*Sekta Epanastaton, SE*), тогда как после 2008 г. самые опасные теракты были совершены «Группой народных бойцов» (*OLA*). Рост количества терактов между 2008 и 2010 гг. сменился его спадом. Однако ультралевое насилие осталось устойчивым феноменом.

Подавляющее большинство организованных греческими ультралевыми терактов направлены против материальных ценностей: мишенями становились производственные помещения, культовые и государственные здания (часто – полицейские участки и транспорт), посольства, банки и средства массовой информации, штаб-квартиры партий и резиденции политиков. Это согласуется с выводами исследователей [Rori, Georgiadou, and Roumanias, 2022: 19], что теракты ультралевых в основном направлены на материальные ценности, в то время как теракты ультраправых – на людей. Однако средства атак ультралевых террористов показывают, что их теракты могут быть опасны для жизни и здоровья, преднамеренно или нет.

Некоторые организации используют только один способ проведения теракта. Например, «Народная воля» (*LT*), «Народное революционное действие» (*LED*), «Вооружённое революционное действие» (*EED*) занимаются закладкой и отправкой бомб, (тогда как «Революционная борьба» (*EA*) и «Группа народных бойцов» (*OLA*) на деле используют взрывные устройства или проводят вооруженные нападения; «Секта революционеров» (*SE*) проводит поджоги, вооруженные атаки или закладку бомб. ЗОЯ чередует вышеуказанные методы. Организациями с самыми разнообразными средствами стали ЗОЯ, ЕА и «Нулевая толерантность» (*Zero Tolerance, MA*) [Rori and Georgiadou, 2023: 233].

Разнообразие средств для нападений в каждой организации говорит об уровне ее оперативных возможностей: чем более диверсифицированы средства, тем более гибка и оснащена организация. Наиболее постоянным видом атаки греческих ультралевых и анархистских террористов являются взрывы. С 2008 г. и в течение короткого периода времени интенсивно применялись поджоги, затем они пошли на спад, но в 2015 г. возобновились с новой силой. Среди организаций, совершивших наибольшее количество терактов, поджоги устраивались «Нулевой толерантностью» и «Девиянтным поведением для распространения революционного терро-

ризма» (*AS*). Самые известные организации периода после *17N*, *EA* и *LED*, действовали, широко используя взрывные устройства, в то время как *ЗОЯ* – поджоги и взрывы. *ЗОЯ* пережила стремительный взлет и была самой активной организацией XXI в.: ее члены совершили 75 атак в 2008–2011 гг. Затем она прекратила свою деятельность из-за арестов основных активистов. Однако один теракт отгремел в 2016 г. и шесть в 2017 г. [Rori and Georgiadou, 2023: 235]. Способность *ЗОЯ* возрождаться, несмотря на тюремное заключение руководства, а также часто публикуемые тексты свидетельствуют о том, что по часть ее ячеек сохраняется и, возможно, вербует новых членов.

Большое количество атак ультралевых и анархистских террористов связано с поддержкой активистов, принадлежащих к внутренней или международной сети, находящихся под следствием, подвергнутым судебному преследованию или осуждённых за преступления, связанные с терроризмом. Часть терактов совершена в качестве ритуальных актов в память о знаковых фигурах движения (например, Ламбросе Фунтасе¹ или Христофоросе Мариносе²), которые служат символами преемственности и единства ультралевых и анархистов. Теракты как средства выражения солидарности с заключенными являются наиболее частым видом организованных атак. К примеру, 7 июля 2022 г. взорвалось самодельное устройство у забора государственного налогового управления в Маруси, нанеся материальный ущерб. Новая террористическая группировка под названием «Активные в солидарности анархисты» взяла на себя ответственность за атаку, выразив солидарность с заключенным греческим террористом.

Интересна классификация фреймов, которые проливают свет на мотивы терактов греческих ультралевых и анархистских террористов, предложенная Л. Рори и В. Георгиаду [Rori, Georgiadou, 2023]. Исследователи различают три категории фреймов у ультралевых и анархистов: радикальные, реакционные и идентитарные. Радикальные фреймы выражают стремление к переменам посредством насилия. В этой категории антикапитализм является основным видимым мотивом; за ним следуют антиимпериалистические, антиамериканские, антинатовские фреймы, но в целом они не доминируют при оправдании насилия. Реакционные фреймы не продвигают какого-либо мировоззрения. Реакционные теракты направлены против перемен. К этой категории принадлежит большинство терактов, демонстрируя определенную ригидность ультралевых перед лицом даже прогрессивных изменений. Мотивационные фреймы данного поколения греческих ультралевых в основном служили призывом к действию против «репрессивных» государственных органов (полиция, армия, политическая элита) и институтов (например, церковь, СМИ), которые идеологически доминируют и консолидируют государственную власть. К этой категории также принадлежат призывы против технологий, воспринимающих-

¹ Анархист, убитый в столкновении с полицией в 2010 г. См., к примеру: “After 10 Years! Lambros Fountas Lives in the Heart of Every Fighter” // anarchistnews.org. URL: <https://www.anarchistnews.org/content/%E2%80%9CAfter-10-years-lambros-fountas-lives-heart-every-fighter%E2%80%9D> (дата обращения: 12.10.2024).

² Греческий анархист и участник голодовки, известны скандалы вокруг его смерти в 1996 г.

ся как инструмент «системы». Третий фрейм – идентитарный. Одной из идентичностей греческих ультралевых в XXI в. стал антифашизм, чему способствовал рост правого экстремизма с 2010 г. Экологические и феминистские призывы преобладают в идентитарном фрейме. Ряд терактов объяснялся борьбой с патриархатом.

Каналы коммуникации ультралевых через вебсайты, онлайн-платформу *Indymedia* и прессу показывают способность использовать новые информационно-коммуникационные технологии. ЕА демонстрирует стремление обратить в свою веру общественность, сохранить множество симпатизирующих, добиться успеха в своих политических целях посредством убеждения и «просвещения». На часто обновляемом веб-сайте ЕА и в блогах ультралевых и анархистского насильственного спектра размещаются тексты об ответственности за теракты, письма из тюрем, интервью по радио и в прессе, каждодневная коммуникация по политическим вопросам, а также призывы к протесту, выражение солидарности и т. д. ЕА и ЗОЯ переводят свои документы на иностранные языки. Следуя по пути своих предшественников, греческие ультралевые и анархистские террористы совершают грабежи, чтобы финансировать свою деятельность [Rori, Georgiadou, 2023: 239], оставаясь в подполье.

Общие тенденции развития ультралевых и анархистского терроризма в ЕС

Основными мотивами ультралевых и анархистских терактов до настоящего времени остаются противодействие государству и капитализму. «Целями терактов были объекты критической инфраструктуры (такие, как ретрансляторы и антенны), государственные учреждения и частные компании. Наиболее распространенным *modus operandi* остается поджог с использованием самодельных взрывных и зажигательных устройств. Большинство террористических и экстремистских нападений связаны с определенными тематическими кампаниями. Они широко пропагандируются на сайтах экстремистов, в социальных сетях и используются в качестве оправдания актов насилия»¹. Так, значительное количество терактов в 2022 г. было совершено в знак солидарности с заключенными анархистами. Идеология борьбы с капитализмом часто выражается в атаках на банки и энергетическую инфраструктуру. Растущие финансовые трудности у населения в ЕС, подпитывают антикапиталистическую риторику ультралевых экстремистов.

Ряд кампаний ультралевых и анархистских террористов сосредоточен на борьбе с «технологическим контролем», в частности, регулярно подвергаются нападениям антенны 5G, ретрансляторы и компании, производящие и устанавливающие их. Одна из целей – замедлить внедрение новых технологий, которые ультралевые и анархисты считают вредными для здоровья и разрушительными для планеты. Также проводятся антирелигиозные и антиклерикальные акции. Израиль остается постоянной мишенью пропаганды ультралевых, особенно в связи с израильско-палестинским конфликтом. Ультралевые в основном занимают позиции в под-

¹ EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2023 ... P. 56.

держку палестинцев, обвиняя Израиль в «империализме, колониализме и репрессиях».

«В то время как ультралевые экстремисты в ЕС образуют более структурированные группы с заметными лидерами, анархистские экстремисты не имеют какой-либо реальной структуры и иерархии, что видно, в частности, по действиям *FAI* в Италии. Тем не менее в 2022 г. государства члены ЕС наблюдали рост международных связей между ультралевыми и анархистскими террористами и экстремистами, которые считают себя частью интернационального движения»¹. Они общаются через социальные сети, а также очно присутствуют на различных мероприятиях и демонстрациях. Связи внутри Европы очень сильны, особенно между соседними странами. Однако существуют также более широкие международные контакты, в основном между Европой и Южной и Северной Америкой, например, Аргентиной, Чили, Мексикой и США. Кампании, запущенные онлайн ультралевыми и анархистскими экстремистами в одной стране, часто подхватываются и существуют в глобальных нарративах.

Государства члены ЕС обеспокоены ростом насилия в отношении полицейских со стороны ультралевых и анархистских экстремистов во время демонстраций и операций по освобождению сквотов², а также преднамеренным насилием в отношении не находящихся при исполнении полицейских. Экстремисты регулярно принимают участие в тренировках по боевым искусствам, а некоторые группы организуют тренировочные лагеря, обучая, среди прочего, тактике атак и прорыва полицейских линий. Еще одной областью, вызывающей беспокойство, являются нападения ультралевых на ультраправых оппонентов (обе стороны часто занимаются доксингом³ для запугивания друг друга). Дипломатические здания ряда стран продолжают оставаться объектом нападений ультралевых и анархистских экстремистов и террористов. С конца 2022 г. по всему миру произошла серия атак на итальянские посольства (предполагается, что они проводились в знак солидарности с заключенным А. Коспито).

Специальная военная операция на Украине также упоминалась в нарративах ультралевых и анархистских экстремистских кампаний в связи с антимилитаристской повесткой. В частности, в Милане был поврежден банкомат, а стены зоны самообслуживания были исписаны обвинениями в адрес банка в «спонсировании войны». В заявлении об атаке на анархистском веб-сайте финансовая деятельность банка в России была осуждена. Небольшое количество ультралевых экстремистов из Италии отправилось воевать на Украину. Одновременно в связи с СВО антинаатовская риторика снова вышла на первый план. Шведская заявка на вступление в НАТО стала пунктом в повестке для ультралевых кругов, как и саммит НАТО в Мадриде в июне 2022 г.

¹ EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2023 ... P. 56.

² Сквоты — здания, незаконно занятые для проживания

³ Доксинг (деанонимизация) — поиск и публикация персональной или конфиденциальной информации о человеке без его согласия.

* * *

Угроза ультралевого и анархистского терроризма и экстремизма в Евросоюзе не так велика, поскольку не распространяется на территорию всего объединения так же широко, как, к примеру, угроза терроризма ультраправого или квазирелигиозного. Вместе с тем ультралевая и анархо-экстремистская угроза вполне реальна в Италии и Греции, где насильственные акции этой ветви экстремизма стали регулярными.

Ультралевые и анархистские террористические и экстремистские группы в ЕС игнорируют марксистские подходы, которые подразумевают исследование общественных последствий внедрения новых технологий. Для ультралевых технологии – лишь средство контроля над обществом или уничтожения природы, в то время как марксизм предполагает постановку вопросов: как технологии меняют саму классовую структуру общества? Выдвигают ли они новый авангард, способный стать основой прогрессивных социальных преобразований? Вместо этого ультралевые и повстанческие анархисты провозглашают «примат практики» над теоретической работой, как в 1970-е гг. это делала «Фракция Красной армии» в ФРГ. Между тем с левых позиций возможна конструктивная критика условий, при которых в ЕС распространяется ультраправая угроза, но такой состоятельной критики ультралевые не предлагают. Они активно вербуют молодежь, склонную к акционизму, не прививая ей никаких навыков идеологической работы.

Одновременно в полицейских структурах, и частично в научном сообществе ЕС наблюдается недостаточно гибкий подход к изучению феномена ультралевого и анархистского терроризма с применением марксистского метода, что приводит к смешению марксизма-ленинизма и ультралевого терроризма. Характеристика ультралевых террористических организаций как «марксистско-ленинских» определенным образом легитимизирует их в глазах общественности, особенно среди молодежи, которая начинает видеть в экстремизме реальную политическую силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ленин В.И. (1973) *Маёвка революционного пролетариата*. Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 23. Издательство политической литературы, Москва. С. 296–305.
- Institute for Economics & Peace (2024) *Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism*, Sydney, Australia.
- Lubrano M. (2021). Stop the Machines: How Emerging Technologies are Fomenting the War on Civilization, *Terrorism and Political Violence*. Vol. 35(2). P. 321–337. <https://doi.org/10.1080/09546553.2021.1919097>.
- Lubrano M. (2024) Hidden in Plain Sight: Insurrectionary Anarchism in the Anti-Government Extremism Landscape, *Perspectives on Terrorism*. Vol. XVIII. Is. 1. P. 39–40. <https://doi.org/10.19165/2024.4797>.
- Mareš M. (2007) Extreme Left Terrorism in Contemporary Europe, *Central European Political Studies Review*. Vol. IX. Part 4.
- Marone F. (2014) A Profile of the Informal Anarchist Federation in Italy, *CTC Sentinel*. Vol. 7(3). P. 21–25.

Marone F. (2015) The Rise of Insurrectionary Anarchist Terrorism in Italy, *Dynamics of Asymmetric Conflict*. Vol. 8(3). P. 194–214. <https://doi.org/10.1080/17467586.2015.1038288>.

Marone F. (2023) Left-Wing and Anarchist Extremism in Italy, in: Zúquete J. P. (ed.), *The Palgrave Handbook of Left-Wing Extremism*. Vol. 1. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. P. 261–279. https://doi.org/10.1007/978-3-031-30897-0_15.

Rori L., Georgiadou V. (2023) Far Left Organized Violence in Greece: The Second Generation, in: Zúquete J. P. (ed.), *The Palgrave Handbook of Left-Wing Extremism*. Vol. 1. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. P. 223–246. https://doi.org/10.1007/978-3-031-30897-0_13.

Rori, L., Georgiadou, V., and Roumanias, C. (2022) Political Violence in Crisis-Ridden Greece: Evidence from the Far Right and the Far Left, *Journal of Modern Greek Studies*. Vol. 40(1). P. 1–37. <https://dx.doi.org/10.1353/mgs.2022.0009>.

Viñas C. (2023). Contemporary Left-Wing Extremism and Violence in Spain, in: Zúquete J. P. (ed.), *The Palgrave Handbook of Left-Wing Extremism*. Vol. 1. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. P. 247–260. https://doi.org/10.1007/978-3-031-30897-0_14.

The Threat of the Far-Left and Anarchist Terrorism in the EU

D.Yu. Bazarkina

Doctor of Sciences (Politics),

Leading Researcher, Department of European Integration Research,

Institute of Europe of RAS. 11-3 Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to determine the level of threat of far-left and anarchist terrorism in the EU with a special focus on two countries of the so-called “Mediterranean anarchist triangle” (Italy and Greece) and to identify trends in its further development. The article draws on primary and secondary sources to examine the threat of far-left and anarchist terrorism in different EU countries. We conclude that Europol’s approach to studying the phenomena of far-left and anarchist terrorism is somewhat immature. The agency literally copies the rhetoric of the proclamations of the terrorist organizations under study, losing sight of their superficial perception of the ideology they use to justify their attacks. Nevertheless, Europol experts are much less politicized in their statements than the representatives of political circles. The far-left extremist “scene” in Italy is extremely small. In the early 2000s, it abandoned the use of terrorist methods. Anarchist extremists and terrorists pose a much greater threat in Italy. The dissolution of the “Revolutionary Organization 17 November” sharply reduced organized far-left and anarchist violence in Greece, but did not stop it completely. In December 2008, a new phase of “violent activism” against the state and private property began in this country. Numerous groups and organizations emerged that carried out major terrorist attacks. The vast majority of attacks organized by far-left and anarchist terrorists are directed against material assets, however, the choice of means of attack indicates the danger to human life and health.

Keywords: terrorist threat, far-left terrorism, anarchist terrorism, European Union, Italy, Greece, Europol.

DOI: 10.31857/S020170832407012X

REFERENCES

- Institute for Economics & Peace (2024) *Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism*, Sydney, Australia.
- Lenin V.I. (1973) Mayovka revolyucionnogo proletariat [May Day of the Revolutionary Proletariat]. Poln. sobr. soch., 5-e izd. T. 23. Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, pp. 296–305. (In Russian).
- Lubrano M. (2021). Stop the Machines: How Emerging Technologies are Fomenting the War on Civilization, *Terrorism and Political Violence*, 35(2), pp. 321–337, <https://doi.org/10.1080/09546553.2021.1919097>.
- Lubrano M. (2024) Hidden in Plain Sight: Insurrectionary Anarchism in the Anti-Government Extremism Landscape, *Perspectives on Terrorism*, XVIII(1), pp. 39–40, <https://doi.org/10.19165/2024.4797>.
- Mareš M. (2007) Extreme Left Terrorism in Contemporary Europe, *Central European Political Studies Review*, IX, part 4.
- Marone F. (2014) A Profile of the Informal Anarchist Federation in Italy, *CTC Sentinel*, 7(3), pp. 21–25.
- Marone F. (2015) The Rise of Insurrectionary Anarchist Terrorism in Italy, *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 8(3), pp. 194–214, <https://doi.org/10.1080/17467586.2015.1038288>.
- Marone F. (2023) Left-Wing and Anarchist Extremism in Italy, in: Zúquete J. P. (ed.), *The Palgrave Handbook of Left-Wing Extremism*, 1, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 261–279, https://doi.org/10.1007/978-3-031-30897-0_15.
- Rori L., Georgiadou V. (2023) Far Left Organized Violence in Greece: The Second Generation, in: Zúquete J. P. (ed.), *The Palgrave Handbook of Left-Wing Extremism*, 1, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 223–246, https://doi.org/10.1007/978-3-031-30897-0_13.
- Rori, L., Georgiadou, V., and Roumanias, C. (2022) Political Violence in Crisis-Ridden Greece: Evidence from the Far Right and the Far Left, *Journal of Modern Greek Studies*, 40(1), pp. 1–37. <https://dx.doi.org/10.1353/mgs.2022.0009>.
- Viñas C. (2023). Contemporary Left-Wing Extremism and Violence in Spain, in: Zúquete J. P. (ed.), *The Palgrave Handbook of Left-Wing Extremism*, 1, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 247–260. https://doi.org/10.1007/978-3-031-30897-0_14.

УДК 327

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

© 2024 ПИВОВАРЕНКО Александр Александрович

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центра средиземноморских исследований ФМЭиМП НИУ ВШЭ

115184, Россия, Москва, М. Ордынка ул., 17, К. 310

E-mail: apivovarenko@hse.ru

Поступила в редакцию 19.03.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В последние два года наблюдается нарастание присутствия Турции в Юго-Восточной Европе в сферах оружейного экспорта, военно-дипломатических и военно-технических связей. Активное выстраивание двусторонних связей Анкарой балансируется некоторым ослаблением турецкого присутствия по линии стабилизационных миссий в Боснии и Косово. Турецкая Республика развивает новые многосторонние форматы, о чем свидетельствует возникновение противоминной коалиции в составе Турции, Болгарии и Румынии в январе 2024 г. Сделан вывод, что Анкара заинтересована в стабилизации отношений с европейскими акторами с целью подключения Турции к общим военно-техническим форматам. Кроме того, взаимодействие со странами Европы необходимо для завершения модернизации турецкой армии. Действия Турецкой Республики выступают практическим выражением концепций турецкой стратегической автономии и хеджирования рисков, которые в последние годы активно обсуждаются на теоретическом и концептуальном уровнях.

Ключевые слова: Турция, ЕС, НАТО, Греция, Балканы

DOI: 10.31857/S0201708324070131

К вопросу о турецкой стратегической автономии

В условиях активизации турецкой внешней политики актуальным становится рассмотрение роли фактора силы в формировании приоритетов Анкары. В российской научной литературе можно выделить специализированные работы, концентрирующиеся на внутренних процессах в вооруженных силах Турции с минимальным учетом политического контекста [Щербинский, 2023]. Исследования общего

политического профиля анализируют военные тенденции на макроуровне. Центральными в этих работах выступают понятия «турецкая стратегическая автономия» и «стратегическое хеджирование», через которые объясняются принципы турецкого внешнеполитического маневрирования [Шлыков, 2023].

П.В. Шлыков выделяет три основных компонента турецкого автономизма: создание высокотехнологичного оборонного комплекса, примат исламской идентичности и формирование гибких альянсов «с разными странами в разных сферах для достижения конкретных внешнеполитических целей» [Шлыков, 2023: 142–145]. Стамбульский центр политических исследований также определяет три элемента стратегической автономии Турции: снижение зависимости от США и европейских стран в области безопасности, формирование системы гибких союзов и ситуационных объединений, развитие отношений с Россией и Китаем как лидерами незападного мира [Arap, 2024: 5].

Таким образом, процессы в турецкой армии и ВПК изучаются либо изолированно, либо как компонент общей стратегии. Однако не менее важно понять, как обозначенные подходы реализуются на региональном и субрегиональном уровнях, что в военно-политическом отношении подразумевает выявление структурных связей и их влияние на конъюнктуру региона.

Задача исследования – рассмотреть военный аспект турецкого присутствия в Юго-Восточной Европе (Балканский полуостров), где интересы Анкары выражены не менее явно, чем на Ближнем Востоке или в Закавказье, но силовое присутствие преимущественно осуществляют западные акторы. В последние два года выросла турецкая активность по линии поставок вооружений, военной дипломатии и военно-технического сотрудничества.

Анализ экспертного дискурса и тенденций военного строительства позволит проанализировать проблему военно-политического присутствия Турции с учетом перспективных тенденций, а также определить место Юго-Восточной Европы в логике стратегического хеджирования. Учитывая, что Балканы практически полностью находятся в сфере евроатлантического влияния, статья дает возможность лучше понять процессы по линии Турция – НАТО.

Юго-Восточная Европа и турецкая стратегическая культура

В рамках исследования под понятием Юго-Восточная Европа (Балканы) понимается три региональных субкомплекса: Западные Балканы, бассейн Эгейского моря и Западное Причерноморье, географически относящееся к Балканскому полуострову. Расширительное понимание объекта исследования обусловлено историческими закономерностями турецкой региональной политики, охватывающей все ключевые районы Балканского полуострова. Именно такой подход характерен для турецкого экспертного сообщества, отвергающего понятие «Западные Балканы» и рассматривающего регион в едином комплексе с Турецкой Республикой Северного Кипра, Молдавией, Украиной, Белоруссией и Венгрией [Гришин, Исламов, 2023: 99].

В ходе серии военных конфликтов 1910–1920-х гг. Турция лишилась практически всех европейских владений, была атакована соседями и подверглась иностранной интервенции. В межвоенный период Анкара пошла по пути нормализации отношений с географическими соседями: Грецией, Румынией и Югославией. Во время Второй мировой войны Турецкая Республика уклонялась от блоковой политики, лавируя между Британией и Германией. После войны линия на нормализацию была продолжена посредством создания 26 февраля 1953 г. Балканского пакта, куда вошли Греция и Турция (страны НАТО с 1952 г.), а также Югославия, оказавшаяся в положении буферного государства между советским и западным блоком.

Как подчеркивает Ю. Гюнгер (Башкентский университет), после вступления в НАТО Турция «оказалась в тихой заводи» международной политики, подчинив собственные интересы стратегическим целям альянса. Национальные приоритеты заключались в обеспечении безопасности, политической устойчивости и проведении внутренней модернизации [Güngör, 2015: 20–21, 32]. Стабильность на Балканском полуострове позволила сосредоточить внимание на других приоритетных направлениях. В частности, в 1958 г. Турция не подписала Женевские конвенции по морскому праву и пошла на пересмотр режима судоходства в Восточном Средиземноморье, установленного Лозаннским мирным договором 1923 г., что сформировало предпосылки Эгейского вопроса, или «проблемы шельфа», в турецко-греческих отношениях [Гудев, 2022: 40–41].

Согласно С. Атешоглу (Университет Кларксона), Кипрский кризис и последовавшее за ним эмбарго на поставку вооружений со стороны США укрепили турецкое руководство во мнении о необходимости развития собственной технологичной военной промышленности [Ateşoğlu, 2024: 45]. Ю. Гюнгер утверждает, что активное участие страны в международных миротворческих миссиях 1990-х гг. на Балканах и Ближнем Востоке не только «укрепляло переговорные позиции Турции в отношениях с Западом», но и способствовало модернизации вооруженных сил. Анкара стремилась заслужить признание в качестве «поставщика стабильности» и «ответственной региональной державы» [Güngör, 2015: 34, 36–37, 39].

В начале 2010-х гг. в турецком внешнеполитическом сообществе возникло утверждение, что Турция выступает для НАТО «функциональным союзником», а не стратегическим партнером. Из этого делался вывод о вероятности нарастания противоречий с альянсом [Aybet, 2012: 19]. В последние годы развитие получил тезис о цивилизационной исключенности Турции из западноцентричных механизмов и институтов, растущем чувстве недоверия в отношениях Анкары и Брюсселя [Айяр, Арслан, 2023: 126–127]. Поиск ответа на вопрос о существовании исключенности на уровне низовых военных контактов и по линии военно-технических связей позволяет конкретизировать предмет исследования, который можно свести к гипотезе, что рост стратегической автономии должен привести к снижению качества взаимодействий Турции с НАТО.

Тенденции турецкого военного строительства и стратегическое балансирование

При анализе процессов в турецкой армии и военно-промышленном комплексе можно выделить несколько тенденций. Во-первых, повышается самодостаточность турецкого ВПК, что выражено в снижении внешней технологической зависимости с 70 до 30%, увеличении количества национальных военно-технологических компаний до более чем полутора тысяч в 2020 г. Следствием стал рост объема турецкого экспорта более чем в 12 раз по сравнению с началом 2000-х гг. [Шлыков, 2023: 142–143].

Во-вторых, к концу 2010-х гг. руководству Турции удалось снизить политическую роль армии, повысить управляемость вооруженных сил, приступить к осуществлению бюджетных вливаний в военную отрасль (с ростом в 5–7% ежегодно) и запустить программы технического перевооружения. В результате, как отмечает А.В. Соснов, «роль вооруженных сил в турецком обществе и государстве не отличается от той, которую в своих странах играет большинство европейских армий» [Соснов, 2019: 52, 62–63].

Рассматривая Долгосрочный план развития ВС Турции до 2033 г. и другие доктринальные документы, военный исследователь В. Щербинский предполагает, что приоритетами Анкары выступают завершение технического и организационного перевооружения сухопутных войск, введение новых образцов вооружения и освоения новых методов военных действий. Ключевая задача – принятие на вооружение военной техники собственного производства – танков, броневых автомобилей, самоходной и буксируемой артиллерии, истребителя пятого поколения «Каган» (*TF Kaan*), нового ударного БПЛА «Байрактар Красное яблоко» (*Bayraktar Kızılelma*). Итогом реорганизации вооруженных сил должно стать повышение боевого потенциала в 1,3–1,5 раз [Щербинский, 2023: 42–45] при сокращении численности личного состава¹. Многие важные проекты реализуются в партнерстве с Германией, например разработка основного боевого танка «Алтай» (*Altay*), и Британией – участие в программе по созданию экспериментального истребителя пятого поколения (*Turkish Fighter-Experimental, TF-X*) и разработка многоцелевых дисплеев для боевых самолетов.

Развитие ВМС Турции основано на программе обновления и модернизации военно-морского флота до 2030 г., что предусматривает строительство четырех фрегатов, двух танкодесантных кораблей, а также шести подводных лодок с 2022 по

¹ По данным справочника «Военный баланс» (*The Military Balance*), численность ВС Турции на 2023 г. оценивается следующим образом: сухопутные силы – 260,2 тыс. чел., ВВС – 45 тыс., ВМС – 50 тыс., военизированные формирования и жандармерия – 156,8 тыс. Численность резерва – 378,7 тыс. (сухопутные силы – 258,7 тыс., ВМС – 55 тыс., ВВС – 65 тыс.). *The Military Balance 2023*. Routledge. 2023. P. 141.

2027 г.¹ [Болдырев, 2020: 108–109]. 10 апреля 2023 г. спущен на воду десантный корабль «Анадолу» (*TCG Anadolu*) с функцией авианосца для дронов, разработанный турецко-испанским холдингом «Седеф-Навантия» (*Sedef-Navantia*). В 2017 г. «Туркиш дефенс индастриз» (*Turkish Defense Industries*) и немецкая «Тиссенкрupp марин системс» (*thyssenkrupp Marine Systems*) заключили контракт на производство 6 подводных лодок типа 214 для ВМС Турции.

Массовое использование вооруженных сил до достижения целей в области военного строительства нежелательно для Анкары. По этой причине Турции необходимо «хеджировать риски», т. е. обеспечить предсказуемость на одном или нескольких географических направлениях. В этом случае нежелательный сценарий – возникновение кризисных тенденций одновременно в нескольких субрегионах.

Анализируя тенденции развития ВМС Турции, А.В. Болдырев утверждает, что в 2019–2020 гг. Турция переориентировала военную политику с Черноморского на Восточно-Средиземноморское направление. Силовое давление по вопросу кипрского шельфа осуществлялось «в расчете на то, что ЕС окажется не готов к прямому столкновению с вооруженными силами Турции» [Болдырев, 2020: 109, 111].

Для повышения ставок в восточно-средиземноморском вопросе в 2019–2020 гг. требовалось взаимопонимание с Москвой по поводу ситуации в Черноморском регионе после 2014 г. и в связи с началом программы модернизации Черноморского флота РФ [Болдырев, 2020: 107–108]. Несмотря на то что Москве и Анкаре удалось выработать эффективный механизм управления кризисами, ни один из спорных вопросов не был разрешен окончательно [Айяр, Арслан, 2023: 128]. Военно-техническое сотрудничество с ВМС Украины в 2024 г. свидетельствует о том, что Черноморский регион остается приоритетным для Турции.

Турецкое военно-политическое присутствие в Юго-Восточной Европе

Политико-экономическая напряженность в Восточном Средиземноморье не привела к заморозке военно-технических контрактов Турции с западными странами. На Балканах в последние годы у Анкары возникло несколько новых возможностей, что позволяет классифицировать турецкое присутствие в регионе по нескольким типовым категориям.

Двусторонние военно-технические отношения. В последние годы развивается оружейный экспорт в Албанию, Северную Македонию, Косово² и Румынию. Благодаря турецким поставкам перечисленные территориально-политические образования могут обновить вооруженные силы относительно дешевым способом. В отличие от США и в некоторой степени Франции, Турция предоставляет новые образцы техники, недавно принятые на вооружение в турецкой армии. В частности, Северная

¹ В 2023 г. основу турецких ВМС составляли 16 фрегатов, 10 корветов, 35 патрульных кораблей, 15 миноносцев, 12 (по другим данным 14) подводных лодок, 43 десантных корабля (в т. ч. 5 танкодесантных). *The Military Balance 2023*. Р. 142–143.

² Согласно Резолюции № 1244 СБ ООН является частью Сербии.

Македонию получила 18 единиц 105-мм гаубиц «Боран 1» (*Boran 1*). Эта артиллерийская система нового типа поступила в ВС Турции в декабре 2022 г.¹ В июле 2021 г. Анкара передала Скопье партию стрелкового вооружения под предлогом увеличения взаимодействия в рамках миротворческих операций.

В мае – июне 2023 г. региональные источники отметили поставки в Косово партии стрелкового вооружения и бронеавтомобилей. 16 июня 2023 г. Приштине передан дрон «Байрактар ТБ2» (*Bayraktar TB2*)². Следующим шагом стало подписание 29 января 2024 г. соглашения о военном сотрудничестве, в котором обговорены поставки вооружений, логистическая поддержка и обмен разведанными³. Три БПЛА были переданы Албании в декабре 2022 г.

Сближение Турции с Албанией, Косово и Северной Македонией принято объяснять идеологическими и цивилизационными мотивами. Однако не менее важен прагматический компонент. Двусторонние отношения Анкары и Приштины компенсируют для последней недостаток интеграции по линии НАТО. Для Северной Македонии сотрудничество с Турцией выступает способом уравновесить влияние Греции и Болгарии, оказывающих давление на Скопье по вопросам государственной идентичности.

Во второй половине 2010-х гг. активно развивалось сотрудничество Турции и Сербии, которое сопровождалось широким пакетом двусторонних соглашений и теплой дипломатической риторикой. Однако после турецких поставок в Косово летом 2023 г. президент Сербии и министерство иностранных дел фактически обвинили Турцию в передаче наступательного вооружения Приштине. В стратегическом отношении предмет беспокойства Белграда – становление Косовских сил безопасности в качестве полноценной армейской структуры.

Присутствие Анкары не ограничивается странами Западных Балкан. В апреле – октябре 2023 г. Турция предоставила Румынии 18 БПЛА *Bayraktar TB2*. Ожидается поставка 24 беспилотных летательных аппаратов в Польшу до конца 2024 г.⁴

4 октября 2024 г. стало известно о заключении контракта на поставку 1059 бронеавтомобилей *Otokar Cobra II* («Отокар Кобра-2») по линии министерства обороны Румынии. Сумма сделки составила 934 млн долл. В ходе тендера компания «Отокар» выиграла у американской корпорации «Ошкош» (*Oshkosh*). Вероятно, конкурентное

¹ North Macedonia orders Boran 105mm towed howitzers from Türkiye. Army Recognition. 16.01.2023. URL: https://www.armyrecognition.com/defense_news_january_2023_global_security_army_industry/north_macedonia_orders_boran_105mm_towed_howitzers_from_turkiye.html (дата обращения: 03.12.2023).

² Военная дипломатия в Юго-Восточной Европе. Доклад Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ. Москва. 2024. С. 88–89.

³ Kosovo and Turkey sign an agreement on military cooperation. Koha.net. 29.01.2024. URL: <https://www.koha.net/en/arboretum/407462/Kosovo-and-Turkey-sign-an-agreement-for-military-cooperation/> (дата обращения: 21.09.2024).

⁴ Poland receives its third set of Bayraktar TB2 Turkish drones. Aviacionline. 06.10.2023. URL: <https://www.aviacionline.com/2023/10/poland-receives-its-third-set-of-bayraktar-tb2-turkish-drones/> (дата обращения: 18.01.2024).

преимущество заключалось в положении, в соответствии с которым только 278 автомобилей будут поставлены из Турции, а остальные будут собраны в Румынии¹.

В результате можно констатировать, что в 2023 г. Турция начала проникновение на европейские оружейные рынки, развивая связи за пределами Балканского полуострова и разворачивая элементы производства за рубежом. В ближайшем будущем могут быть осуществлены поставки в другие страны. Например, Латвия также проявляет интерес к продукции турецкой военной промышленности².

Участие в формате многонациональных боевых групп НАТО (МБГ; *NATO Multinational Battlegroups*). Формат МБГ возник в 2014 г. как выражение установки НАТО на сдерживание России. В марте 2022 г. созданы 4 группы бригадного уровня на территории Болгарии, Румынии, Словакии и Венгрии.

Согласно существующей организационной структуре, Турция должна делегировать контингенты в МБГ, расположенные в Болгарии и Венгрии. При этом Анкара не получила функции командующей страны³ ни в одной из четырех новых боевых групп. Такую роль получили Франция (МБГ в Румынии) и Италия (МБГ в Болгарии), ранее не имевшие структурированного военного присутствия на западном побережье Черного моря. Турецкое участие в комплектовании МБГ близко к уровню малых стран.

Участие Анкары в формате многонациональных боевых групп не соответствует военному потенциалу страны. Институционально присутствие Турецкой Республики уравнивается усилением позиций европейских стран. Среди политических причин могут фигурировать сомнения Брюсселя в блоковой лояльности Турции, внимание к исторической психологии малых балканских стран, заинтересованность европейских акторов в секьюритизации собственного присутствия в экономически важных регионах и удержании под контролем трансрегиональной логистики. Анкара, в свою очередь, не стремится устраивать демарши, направляет войска для региональных учений и инициирует собственные многосторонние соглашения. В частности, Меморандум о противоминной борьбе в Черном море (*Mine Countermeasures Black Sea, MCM Black Sea*), заключенный Турцией, Болгарией и Румынией 10 января 2024 г., получает дальнейшее развитие в формате учений в Черном море.

Активность в рамках военно-полицейских миссий в Боснии и Герцеговине и Косово. С начала 1990-х гг. Турция является партнером Запада в поддержании стабильности на Балканах. Однако в 2022–2023 гг. изменился характер турецкого присутствия в рамках миссий в Боснии и Герцеговине и Косово. Снизилась роль Анкары в миссии Евросоюза в Боснии и Герцеговине (*EUFOR Althea*). До 2022 г. состав

¹ Romania: Otokar wins multi-million deal for Cobra II armoured vehicles. Defence Industry Europe. 06.10.2024. URL: <https://defence-industry.eu/romania-otokar-wins-multi-million-deal-for-cobra-ii-armoured-vehicles/> (дата обращения: 06.09.2024).

² Türkiye, Latvia to strengthen defense industry cooperation: Turkish foreign minister. Anadolu. 22.10.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkiye-latvia-to-strengthen-defense-industry-cooperation-turkish-foreign-minister/3370209> (дата обращения: 08.11.2024).

³ Подразумевает направление в регион дислокации военного подразделения, которое становится «сердцевиной» для формирующейся боевой группы, и взятие на себя оперативного командования.

многонационального батальона, несущего основную оперативную нагрузку, комплектовался усилиями Австрии, Венгрии и Турции. В последний год контингенты направили Румыния, Нидерланды и Германия, что привело к уменьшению доли турецкого компонента. Сегодня на старших командных должностях находятся представители ЕС (Австрия, Венгрия, Румыния). Ранее одну из должностей, как правило, занимал турецкий офицер.

С другой стороны, в 2023 г. усилилось турецкое присутствие в Косово (миссия НАТО «Силы для Косово»; *Kosovo Force, KFOR*). В ответ на всплеск насилия летом – осенью 2023 г. Турция направила дополнительный контингент численностью в 500 чел. на период с 6 июня по 5 сентября 2023 г. (в дополнение к 369 военнослужащим). Переброска турецких войск осуществлялась сухопутным образом через территорию Болгарии – страны ЕС, что означает стирание формальных статусных границ в сценариях антикризисного реагирования. С октября 2023 г. по октябрь 2024 г. командующим *KFOR* был генерал-майор турецкой армии Озкан Улюташ. Таким образом, в течение года Турция являлась полноценным гарантом безопасности в зоне замороженного конфликта. Вместе с тем пост командующего вернулся к представителю Италии, а основные должности среднего звена в военной структуре миссии занимают граждане США и европейских стран.

Европейские факторы сдерживания

Визит Р.Т. Эрдогана в Грецию в декабре 2023 г. (первый за 6 лет) и последовавшее вслед за этим объявление о присоединении Греции и Турции к европейскому проекту противовоздушной обороны «Небесный щит» (15 февраля 2024 г.) свидетельствуют о том, что Турция предпочитает деэскалацию отношений с Афинами в восточно-средиземноморской конфронтации 2019–2023 гг. как компонент нормализации отношений с Европой [Yeşiltaş, Öztürk, 2023: 16–17]. Такой сценарий полностью вписывается в логику балансирования и хеджирования рисков.

Нормализации сопутствовали несколько факторов, прежде всего рост с 2016 г. взаимного недоверия между Турцией и США [Яковлева, 2023: 116]. Активизация военно-политических контактов Вашингтона и Афин с 2018 г. привела к созданию на территории Греции пяти новых военных объектов Соединенных Штатов, что подтвердило продленное 13 мая 2021 г. Соглашение о военном партнерстве, допускающее американское присутствие на 8–9 греческих военных объектах. В 2024 г. ожидается задействование военных объектов на островах Лемнос и Скирос в Эгейском море. Таким образом, американские войска будут находиться в близости от военных объектов Мраморного моря, города Измир, а также верфи Гёльджюк, которая является центром турецкого военного кораблестроения. Под американским прикрытием находится город Александропулис (восточная Греция, военная база «Яннули»), где с декабря 2023 г. располагается плавучий терминал СПГ и проходят другие важные региональные коммуникации.

Риски обвала отношений по линии Турция – ЕС хеджировались толерантной позицией Германии, блокировавшей введение чувствительных санкций и оружейного эмбарго в отношении Анкары. Однако с середины 2021 г. в немецких внешне-

политических кругах стало формироваться мнение, что Турция становится «нестабильным партнером в вопросах безопасности» и даже «более принципиальным противником, чем Россия или Китай» [Seufert, 2021].

Кроме того, оборонное соглашение Франции и Греции (27 сентября 2021 г.) может быть интерпретировано в антитурецком ключе. Несмотря на существование расхождений в трактовке политической части договора (греческая сторона настаивает на том, что он подразумевает дополнительные двусторонние гарантии безопасности, французская – отрицает это) [Tetrais, 2021], не подвергаются сомнению французские обязательства по поставкам вооружений. Более того, передача Греции новейших французских фрегатов среднего класса «Белхарра» (*Belharra*), а также корветов класса *Gowind* («Говинд») осуществляется с опережением графика¹.

Согласно мнению британского Королевского объединенного института оборонных исследований (*Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, RUSI*), сближение Анкары и Москвы по вопросу газового хаба в октябре 2023 г. «повышает риски для Турции и соседних стран» [Sabadus, 2023]. Эта оценка послужила обоснованием конкретных действий, а именно передачи в распоряжение Греции фрегатов «Монтроз» (*HMS Montrose*) и «Монмут» (*HMS Monmouth*), выведенных из состава британского флота².

* * *

Как отметил колумнист газеты «Хюрриет» (*Hürriyet*) Седат Эргин, Турция завершает столетний этап, в ходе которого внешние отношения развивались в основном мирно³. Остается открытым вопрос, в какую сторону может быть обращен постепенно нарастающий турецкий военный потенциал. Внешняя политика Турции продолжает развиваться в логике «хеджирования рисков». Стабильные отношения с европейскими странами – необходимое условие для выполнения целей в сфере военного строительства и модернизации вооруженных сил к концу 2020-х гг.

В отношениях по линии Турция – НАТО можно выделить две тенденции: некоторое ослабление позиций Анкары в международных военно-полицейских миссиях и активное развитие двусторонних военно-технических связей. В 2023 г. Турецкая Республика добилась успеха в выходе на европейские рынки вооружений. При этом поставки не ограничены пространством Западных Балкан и Юго-Восточной Европы.

Военные контакты Турции с Албанией, Косово и Северной Македонией имеют значительную прагматическую составляющую. Гипотетически возникновение ту-

¹ Военная дипломатия... С. 43, 116.

² Two British frigates to be gifted to Greece. UK Defence Journal. 02.08.2021. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/two-british-frigates-to-be-gifted-to-greece/> (дата обращения: 03.12.2023).

³ Ergin S. Cumhuriyet'in 100'üncü yılında dış politikanın genel bir muhasebesi. Hürriyet. 26.10.2023. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/sedat-ergin/cumhuriyetin-100uncu-yilinda-dis-politikanin-genel-bir-muhasebesi-42351509> (дата обращения: 19.01.2024).

рецкого фактора может подтолкнуть к сближению Грецию и Сербию при поддержке Франции, которая развивает военно-технические отношения с обеими странами.

Вопросом, требующим отдельного рассмотрения, выступает участие Анкары в формате МБГ НАТО. Сегодня усиление Турции в Юго-Восточной Европе балансируется ролью Франции и Италии, которые получили функции командующей страны в боевых группах в Румынии и Болгарии. Вероятно, западные страны заинтересованы в ограничении турецких амбиций в Юго-Восточной Европе (и Восточном Средиземноморье) и переориентации Анкары на другие направления.

При этом Турция сохраняет возможности для развития собственных многосторонних военно-дипломатических форматов в Черном море. Возможно, что формат проведения противоминных учений Болгарией, Румынией и Турцией продолжит развитие с подключением других европейских стран или США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айар Б., Арслан О. (2023) Эволюция российско-турецких отношений: идейное сближение и прагматическое сотрудничество. *Вестник международных организаций*. Т. 18. № 3. С. 120–141. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-07

Болдырев А.В. (2020) К вопросу о состоянии турецких ВМС в 1991–2019 гг. *Восточная аналитика*. № 4. С. 105–113. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-105-113

Гудев П.А. (2022) Международное право или битва за права. *Борьба за Восточное Средиземноморье. Интересы и амбиции*. Под ред. И.Д. Звягельской. ИМЭМО РАН, Москва. С. 34–66.

Гришин Я.Я., Исламов Д.Р. (2023) Внешняя политика Турции в Европе: фактор «мягкой силы». *Современная Европа*. № 6 (120). С. 96–109.

Соснов Г.И. (2019) Трансформация роли армии в современном турецком обществе и государстве. *Проблемы национальной стратегии*. № 2. С. 52–64.

Щербинский В. (2023) Основные направления строительства и развития сухопутных войск турецкой республики. *Зарубежное военное обозрение*. № 4. С. 38–45.

Шлыков П.В. (2023) Турецкий кульбит. *Россия в глобальной политике*. № 3. С. 142–159.

Яковлева Е.С. (2023) Российско-турецкие отношения в контексте регионального баланса сил. *Восточный курьер*. Вып. 1. С. 112–122. DOI: 10.18254/S268684310025311-0

Aran A., Kutlay M. (2024) *Turkey's Quest for Strategic Autonomy in an Era of Multipolarity*. IPC Policy Brief. February 2024. 18 p.

Ateşoğlu S. (2024) Military Power and International Security. *Insight Turkey*. Vol. 26. № 1. P. 41–50.

Aybet G. (2012) The Evolution of NATO's Three Phases and Turkey's Transatlantic Relationship. *Perceptions*. Vol. XVII. No. 1. P. 19–36.

Güngör U. (2015) *The United Nations Peace Operations and Motivations at the Roots of Turkey's Involvement*. SAM Papers № 11. Center for Strategic Research (SAM). 46 p.

Kaya S. (2023) *La guerre en Ukraine: un nouveau contexte stratégique pour la Turquie? Étude n° 112*. IRSEM. 96 p.

Sabadus A. (2023) Turkey's New Gas Hub Could be a Boon for a Beleaguered Russia. *RUSI*. 06.11. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/turkeys-new-gas-hub-could-be-boon-beleaguered-russia> (дата обращения: 10.01.2024).

Seufert G. (2021) Germany's New Government and Its Foreign Policy on Turkey: Lines of Conflict and Areas of Cooperation. *SWP*. 25.10. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C55/> (дата обращения: 20.01.2024).

Tetraïs B. (2021) Reassurance and Deterrence in the Mediterranean: the Franco-Greek Defense Deal. *Institut Montaigne*. 17.11. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/reassurance-and-deterrence-mediterranean-franco-greek-defense-deal> (дата обращения: 20.01.2024).

Yeşiltaş M., Öztürk B. (2023) *SETA Security Radar. TÜRKİYE'S Geopolitical Landscape in 2024*. Turkuvaz Haberleşme ve Yayıncılık A.Ş., İstanbul, Turkey. 106 p.

Military-Political Aspects of Turkey's Foreign Policy in South-East Europe

A.A. Pivovarenko

Candidate of Sciences (History), Research Associate, HSE Mediterranean Studies Centre,

Faculty of World Economy and International Affairs

310 Room, 17, Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, Russia, 115184

E-mail: apivovarenko@hse.ru

Abstract. Over the past two years, Turkey has been significantly active in South-East Europe in the field of arms exports, as well as in military-diplomatic and military-technical contacts. These developments require a more careful study of the identified aspects and the degree of their influence on the regional juncture. The issue might be explored in several ways. It can provide additional understanding of the nature of relations between Turkey and NATO, as well as about intra-bloc interactions on the whole. It can be noted that the active development of bilateral ties is balanced by a certain weakening of the Turkish presence through stabilization missions in Bosnia and Kosovo, where the positions of European members of NATO are strengthening. At the same time, Ankara has found an opportunity to develop new multilateral formats, such as the trilateral Mine Countermeasures (MCM) Black Sea task force established in January 2024. Aspects of Turkish military build-up should also be taken into account. It can be assumed that Ankara is interested in stabilizing relations with European actors in the medium term in order to preserve common military-technical formats, which is required to complete the modernization of the Turkish army. To sum up, the examples provided in the article clearly illustrate how the concept of “Turkish strategic autonomy” and “risk hedging” is implemented at a practical level.

Keywords: Turkey, Türkiye, EU, NATO, Greece, Balkans

DOI: 10.31857/S0201708324070131

REFERENCES

Ajar B., Arslan O. (2023) Jevoljucija rossijsko-tureckih otnoshenij: idejnoe sblizhenie i pragmaticheskoe sotrudnichestvo [The Evolution of Russian-Turkish Relations: Ideational Convergence and Pragmatic Cooperation], *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, 18(3), pp. 120–141. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-07. (In Russian).

Aran A., Kutlay M. (2024) Turkey's Quest for Strategic Autonomy in an Era of Multipolarity, *IPC Policy Brief*, February 2024.

- Ateşoğlu S. (2024) Military Power and International Security, *Insight Turkey*, 26(1), pp. 41–50.
- Aybet G. (2012) The Evolution of NATO's Three Phases and Turkey's Transatlantic Relationship, *Perceptions*, XVII(1), pp. 19–36.
- Boldyrev A.V. (2020) K voprosu o sostojanii tureckih VMS v 1991–2019 gg. [To the question of the state of the Turkish navy in 1991–2019], *Vostochnaja analitika*, 4, pp. 105–113. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-105-113 (In Russian).
- Grishin J.J., Islamov D.R. (2023) Vneshnjaja politika Turcii v Evrope: faktor «mjagkoj sily» [Turkey's Foreign Policy in Europe: the factor of “soft power”], *Sovremennaja Evropa*, 6(120), pp. 96–109. (In Russian).
- Gudev P.A. (2022) International law or a fight for the right, in Zvyagelskaya I.D. (ed.) *Bor'ba za Vostochnoe Sredizemnomor'e. Interesy i ambicii* [Struggle for an Eastern Mediterranean. Interests and ambitions], IMEMO RAN, Moscow, Russia, pp. 34–66. (In Russian).
- Güngör U. (2015) *The United Nations Peace Operations and Motivations at the Roots of Turkey's Involvement*, SAM Papers 11, Center for Strategic Research (SAM).
- Kaya S. (2023) *La guerre en Ukraine: un nouveau contexte stratégique pour la Turquie? Étude* 112, IRSEM.
- Iakovleva E.S. (2023) Rossijsko-tureckie otnoshenija v kontekste regional'nogo balansa sil [Russian-Turkish relations in the context of regional balance of power], *Vostochnyj kur'er*, 1, pp. 112–122. DOI: 10.18254/S268684310025311-0 (In Russian).
- Sabadus A. (2023) Turkey's New Gas Hub Could be a Boon for a Beleaguered Russia, *RUSI*, 06.11. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/turkeys-new-gas-hub-could-be-boon-beleaguered-russia> (accessed: 10.01.2024).
- Seufert G. (2021) Germany's New Government and Its Foreign Policy on Turkey: Lines of Conflict and Areas of Cooperation, *SWP*, 25.10. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C55/> (accessed: 20.01.2024).
- Shherbinskij V. (2023) Osnovnye napravlenija stroitel'stva i razvitija suhoputnyh vojsk tureckoj respubliki [Main directions of military development of the land forces of the Turkish republic], *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 4, pp. 38–45. (In Russian).
- Shlykov P.V. (2023) Tureckij kul'bit [Turkish somersault], *Rossija v global'noj politike*, 3, pp. 142–159. (In Russian).
- Sosnov G.I. (2019) Transformacija roli armii v sovremennom tureckom obshhestve i gosudarstve [Transformation of the role of army in contemporary Turkish society and state], *Problemy nacional'noj strategii*, 2, pp. 52–64. (In Russian).
- Tetrais B. (2021) Reassurance and Deterrence in the Mediterranean: the Franco-Greek Defense Deal, *Institut Montaigne*, 17.11. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/reassurance-and-deterrence-mediterranean-franco-greek-defense-deal> (accessed: 20.01.2024).
- Yeşiltaş M., Öztürk B. (2023) *SETA Security Radar. TÜRKİYE'S Geopolitical Landscape in 2024*, Turkuva Haberleşme ve Yayıncılık A.Ş., İstanbul, Turkey.

УДК 327.83

ВАЖНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ КОНТАКТОВ С ГЛОБАЛЬНЫМ ЮГОМ

© 2024 КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

*Директор, главный научный сотрудник, Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21

E-mail: Kuznetsov@inion.ru

Поступила в редакцию 14.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В последние годы происходит ускоренный разворот России на Восток и глобальный Юг. Прежде всего обращают на себя внимание изменившиеся внешнеполитические приоритеты страны и сдвиги в географии ее внешней торговли. Однако наблюдается и интенсификация российских научных связей с рядом развивающихся государств. Вместе с тем есть немало сложностей с развитием научных контактов со странами глобального Юга, причем существенным вопросом является выработка правильной стратегии минимизации существующих языковых барьеров. В статье отмечена растущая, однако до сих пор ограниченная роль английского языка в научной деятельности. Показано, что государства с многочисленным населением и развитой сферой НИОКР сами не предпринимают нужных усилий для сохранения значимой роли национального языка в научной деятельности, что особенно для современной России. В то же время языки бывших европейских метрополий – не только английский, но и французский, испанский и португальский играют значимую роль в научной жизни многих государств глобального Юга. В этой связи для успешного позиционирования российских исследовательских организаций и их достижений требуется сочетание ставки на использование основных европейских языков в научных контактах с партнерами на глобальном Юге с постепенным расширением числа российских специалистов со знанием восточных языков. Отдельной задачей, позволяющей находить новые решения в цифровую эпоху, является продвижение за рубежом русскоязычного сегмента публикаций. Среди прочего это

направление применения «мягкой силы» можно осуществлять с помощью подготовки тематических англоязычных библиографий.

Ключевые слова: язык науки, доминирование английского языка, сохранение значения национальных языков, разворот России на глобальный Юг, мягкая сила, тематические англоязычные библиографии

DOI: 10.31857/S0201708324070143

С началом СВО на Украине Россия резко ускорила свой разворот на глобальный Юг, хотя процесс интенсификации политических контактов с так называемыми развивающимися государствами и усиление роли стран Востока во внешней торговле медленно шел уже больше десятилетия, отражая общий дрейф «центра» современного мира в Азиатско-Тихоокеанский регион. Проведенный нами расчет на основе обрывочных отечественных официальных данных об объемах российского товарооборота и «зеркальной» статистики стран-партнеров показал, что по итогам 2023 г. Индия вышла на 2-е место после Китая, увеличив показатель в течение двух лет с 1,7 до 9,1% (в абсолютном измерении в 4,8 раза), а Турция – с 4,3 до 8,0% (в долларовом выражении в 1,7 раза – как и у Китая, удельный вес которого во внешней торговле России товарами вырос с 18% в 2021 г. до 33,8% в 2023 г.). В число важных торговых партнеров России «ворвались» ОАЭ (подъем с 28 на 8-е место с долей 1,7%, что стало сопоставимо с удельным весом ФРГ), Узбекистан (подъем с 23 на 11-е место с долей 1,4%, равной доли Японии), Египет (подъем с 33 на 21-е место с долей 0,8%, равной доли США во внешней торговле нашей страны) [Кузнецов, 2024: 253–254].

Очевидна смена географических приоритетов России и во внешнеполитической сфере. При этом речь идет не только о «негативных» трендах, проявившихся в новой холодной войне с коллективным Западом и появлении у России списка недружественных государств, но и о «позитивных» изменениях, связанных с расширением активности России в различных регионах глобального Юга. Самым ярким результатом стало расширение БРИКС, включившее с начала 2024 г. в свой состав таких значимых для России партнеров, как Иран, ОАЭ, Египет и Эфиопия (по итогам прошедшего осенью Казанского саммита БРИКС появился также формат стран-партнеров, список которых уже состоит из 13 государств, довольно тесно взаимодействующих с РФ). Вместе с тем даже в анализе этих процессов, проводимом признанными отечественными учеными, такой аспект, как активизация научно-технического сотрудничества, почти всегда оказывается на втором плане. В качестве иллюстрации можно привести серьезные статьи в журналах с индексацией в RSCI о перспективах российско-латиноамериканского сотрудничества по всему спектру возможных контактов [Яковлев, 2022; Зувев, Островская, Левина, 2024], – там сфера НИОКР не упомянута вовсе.

В этой связи следует подчеркнуть, что без внимания к возможностям технологического прорыва вне критической зависимости от коллективного Запада трудно рассчитывать на ощутимые результаты, которые могли бы дать долгосрочный разворот России на Восток и в целом на глобальный Юг. Особенно это касается стра-

тегической цели, о которой много говорят, а именно о построении нового, более справедливого полицентричного мироустройства. Недоучет потенциала, которым обладают в сфере НИОКР российские экономические партнеры на глобальном Юге, особенно среди членов и стран – партнеров БРИКС, был бы большой ошибкой. В то же время, на пути полного раскрытия этого потенциала у России имеется много препятствий, причем среди основных следует отметить языковые барьеры. Во многих странах глобального Юга успешные связи можно установить с помощью ведущих европейских языков.

Ключевые игроки в сфере НИОКР в странах глобального Юга и языковой фактор

Большинство стран-лидеров в сфере НИОКР относятся к числу государств, включенных в список недружественных, причем большинство ограничений (причем часто неформальных) для сотрудничества с исследовательскими организациями и учеными из России ввели главным образом сами западноевропейские страны и США. В Тихоокеанской Азии лидерами по расходам на НИОКР являются отнюдь не союзники России, а именно Япония, Республика Корея, остров Тайвань и Сингапур. Таким образом, российские исследовательские организации и технологические компании фактически оказались в частичной изоляции на международной арене. Вместе с тем нельзя забывать, что на глобальном Юге также есть немало стран, которые по доле расходов на НИОКР не сильно уступают, а иногда и превосходят Россию. Для иллюстрации приведем сведения о девяти странах БРИКС, объявленных по итогам Казанского саммита 2024 г. 13 странами-партнерами, а также Саудовской Аравии и Аргентине, сближение которых с БРИКС нельзя исключать в дальнейшем.

Среди представленных 24 стран РФ занимает 6-е место по соотношению расходов на НИОКР и ВВП, пропуская вперед Китай, ОАЭ, Турцию, Таиланд и Бразилию, и находясь примерно на одном уровне с Малайзией и Египтом (см. табл. 1). По абсолютным расходам Россия многократно уступает лишь Китаю, отставая от Индии и Бразилии (мы не стали учитывать паритеты покупательной способности валют, поскольку странам глобального Юга большинство оборудования, реактивов, научной литературы и других важных составляющих приходится закупать за рубежом, ориентируясь на текущие курсы валют). К числу заметных участников сферы НИОКР, помимо названных девяти стран, можно отнести Иран, ЮАР и Алжир.

Как видно из таблицы 1, только у двух из 12 связанных с БРИКС стран, лидирующих в сфере НИОКР, английский язык имеет статус государственного, причем в Индии он является вторым, а в ЮАР одним из 11 наряду с африкаансом и десятью языками африканских языковых групп. Во второй дюжине стран английский имеет официальный статус только в Нигерии и Уганде (наряду с суахили, также недавно получившим такой статус). Несколько стран официально используют другие европейские языки – португальский в Бразилии, испанский в Аргентине,

на Кубе и в Боливии. В Алжире французским – языком бывшей метрополии – владеет около трети населения.

Разумеется, английский весьма распространен в научном мире повсеместно, как в свое время латынь, а впоследствии немецкий или французский. Показательно, что даже в ЕС, где после брекзита английский остается родным лишь примерно для 1% населения, его роль в качестве *lingua franca* не оспаривается в научной сфере, где сложились мощные национальные школы во многих государствах – членах ЕС [Modiano, 2024].

Таблица 1

Расходы на НИОКР в государствах – членах и странах – партнерах БРИКС

Страна	Расходы на НИОКР, % ВВП (2021, если не указано иное)	Расходы на НИОКР, млрд. долл. (по рыночным курсам)	Государственные (официальные) языки	Страна	Расходы на НИОКР, % ВВП (2021, если не указано иное)	Расходы на НИОКР, млрд. долл. (по рыночным курсам)	Государственные (официальные) языки
Китай	2,43	433,1	Китайский	Аргентина	0,52	2,5	Испанский
ОАЭ	1,50	6,2	Арабский	Белоруссия	0,46	0,3	Белорусский и русский
Турция	1,40	11,5	Турецкий	Саудовская Аравия	0,45	3,9	Арабский
Таиланд	1,21	6,1	Тайский	Вьетнам	0,43	1,6	Вьетнамский
Бразилия	1,15*	19,2	Португальский	Куба	0,32	0,3	Испанский
Россия	0,96	17,7	Русский	Нигерия	0,28**	1,2	Английский
Малайзия	0,95*	3,6	Малайский	Индонезия	0,28*	3,3	Индонезийский
Египет	0,91	3,9	Арабский	Эфиопия	0,27***	0,3	Амхарский
Иран	0,79**	2,8	Фарси	Боливия	0,16^^	менее 0,1	Испанский и 36 индейских языков
Индия	0,65*	20,6	Хинди; английский	Уганда	0,14^	менее 0,1	Английский; суахили
ЮАР	0,60*	2,5	11, включая английский	Казахстан	0,13	0,3	Казахский; русский
Алжир	0,53***	1,0	Арабский, алжирский берберский	Узбекистан	0,13	менее 0,1	Узбекский

* – 2020 г.; ** – 2019 г.; *** – 2017 г.; ^ – 2014 г.; ^^ – 2009 г.

В Белоруссии оба официальных языка имеют статус государственного. В ряде субъектов федераций и автономий есть свои государственные языки.

Источники: Research and development expenditure (% of GDP). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS>; GDP (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2022&start=1960> (дата обращения: 01.12.2024); тексты Конституций соответствующих стран.

Примечательно, что в странах другой, давно и в целом успешно существующей региональной интеграционной группировки – АСЕАН, роль английского языка, несмотря на придание ему статуса рабочего языка Ассоциации с амбициозной целью играть существенную роль в формировании региональной идентичности, не следует преувеличивать. По сути, в странах, где он был языком колонизаторов, и в других государствах английский используется прежде всего для обеспечения международных контактов [Lee, Hamid, Hardy, 2023]. В ФРГ, где за последние десятилетия позиции английского языка радикально укрепились, предлагают различать роль английского как самого популярного иностранного языка (который уже в школе может учить большинство населения) и в качестве языка межнационального общения, т. е. *lingua franca* [Mair, 2024: 247].

Вместе с тем вряд ли справедливо занижать роль китайского языка в китайской науке. С учетом того, что суммарные расходы на НИОКР остальных 23 стран, представленных в таблице 1, составляют лишь 25% от показателя КНР, а Китай все более усиливает свою внешнюю экспансию, нельзя недооценивать растущую важность китайского языка в международных научных контактах, особенно в перспективе. Не исключено, что этому будет способствовать активное продвижение базы данных CNKI, которая содержит англоязычные аннотации (что облегчает иностранцам поиск) и полные тексты статей на китайском языке всех научных журналов Китая (подробнее см. [Кузнецов, Соколов, 2022]).

Особенно важную роль национальные языки играют в общественных и гуманитарных науках. В частности, в Испании, которая по абсолютным расходам на НИОКР превосходит Россию более чем на 15%, и в Южной Корее, которая обгоняет нашу страну в 5 раз (при расчете по ППС – почти втрое), больше половины ученых по-прежнему предпочитают публиковаться, соответственно, на испанском и корейском. Основными мотивами служат стремление развивать контакты с национальным научным сообществом и карьерные соображения. Дополнительными факторами являются желание избежать штампов и концептуальных ограничений, вызванных англоязычным дискурсом, а также неготовность впустую растрачивать силы в неравной конкурентной борьбе за место в англоязычных журналах с учеными, для кого этот язык родной. Тем не менее показатели вовлеченности ученых в англоязычное сообщество быстро растут, поскольку международные контакты дают немало преимуществ [Li, 2018]. При этом надо помнить, что из значимых научных держав только в России общественные и гуманитарные исследовательские дисциплины традиционно считаются «второсортными» (не случайно, наша страна – один из аутсайдеров по доле общественных и гуманитарных наук в расходах на НИОКР). Фактически, по аналогии с афоризмом о финансировании либо своей, либо чужой армии, Россия, не желая «кормить» собственных обществоведов, уже многие годы живет по рецептам зарубежных, преимущественно западных, что в принципе делает почти нереализуемым активное продвижение к новому мироустройству. Примечательно, что многие потребители научных результатов обществоведов в России плохо владеют английским языком, т. е. получают «рецепты» в чьем-то пересказе, часто не слишком качественном.

Причины, меняющие роль национального языка в сфере НИОКР

Было бы иллюзией считать, что ослабление позиций национального языка в сфере НИОКР предопределено только глобализацией и другими внешними факторами. В реальности от политики государства зависит очень многое.

Во-первых, существенную базу для научно-технологической сферы закладывает высшее образование. К сожалению, в России последние десятилетия наблюдался слом качественной национальной системы образования. Так, можно отметить внедрение упрощенных западных программ, моду на обучение на английском языке. Особенно нелепо, когда российские профессора читают лекции группам с доминированием русскоязычных студентов, которые не слишком хорошо владеют английским, а при написании выпускных работ особое внимание уделяется цитированию англоязычных авторов, нередко плохо знающих российский материал. Необоснован переход на систему бакалавриат-магистратура.

В вузах нужна сильная языковая подготовка, причем помимо обязательного для современных специалистов английского языка на высоком уровне необходим преподаваться большой перечень других языков. И профессиональная, и языковая подготовка должны подкрепляться зарубежными стажировками, причем не ради отчета о студенческой или аспирантской мобильности, а для получения нужных дополнительных компетенций и опыта функционирования в чужой профессиональной среде. С этим в большинстве российских вузов существуют проблемы. Однако и во многих государствах глобального Юга проблема языковой самобытности высшего образования стоит весьма остро и решается по-разному. Особые проблемы возникают у бывших колоний и протекторатов Франции, где изначально образование в вузах велось на французском языке. В частности, в странах Магриба по политическим соображениям осуществляется постепенный переход на арабский язык (часто лексически не слишком приспособленный для преподавания современных естественно-научных дисциплин) с внедрением к тому же английского как языка международного общения в науке [Володина, 2020].

Во-вторых, для сохранения позиций национального языка в науке важную роль играет масштаб издательской деятельности в стране. Сворачивание поддержки научного книгоиздания, равно как и ликвидация сетей распространения научных книг в России, привели к тому, что рынок русскоязычной научной литературы сжался до состояния, которое не позволяет исследовательским организациям с избытком реализовывать новые книги. Бедственное положение большинства студентов вузов и сравнительно невысокие зарплаты в научно-образовательной сфере (в том числе по причине провала выполнения майских указов президента РФ от 2012 г. о среднем уровне зарплат) приводят к тому, что россияне не в состоянии платить за отечественные книги, учебники и научные журналы суммы, сопоставимые с установленными в США, Британии или других англоязычных странах. К этому надо добавить двух-, а то и трехкратные торговые наценки всех ведущих книжных сетей в России (они не делают различия между бульварными романами и

научными монографиями), которые обычно не оставляют научным издателям никакого дохода, а также меньший масштаб книжного рынка русскоязычного пространства по сравнению с англоязычным. Более того, этот масштаб был искусственно сокращен в ходе почти полного добровольного ухода России из Монголии, стран Центральной Азии и других государств, где еще недавно был высокий общественный запрос на научную литературу на русском языке. Поскольку этот запрос не всегда был подкреплён платежеспособным спросом, скорее всего, требовалось государственное субсидирование такого элемента российской «мягкой силы», но чиновники предпочли иное решение. Уничтожение российского научного книгоиздания продолжается: например, в конце 2024 г. вновь активизировалась дискуссия о резком сокращении числа обязательных экземпляров российской книжной продукции, чтобы лишить все тематические (в том числе научные) библиотеки новых поступлений книг на государственном языке. Первопричина – ликвидация существовавшей с 1917 г. Книжной палаты, в 2024 г. окончательно поглощенной Российской государственной библиотекой (РГБ), которая на практике плохо справляется с функциями распределителя обязательного экземпляра.

Проблемы книгоиздания на национальных языках не являются сугубо российскими. Многие бывшие колонии также не могут предложить рынку большой перечень наименований научной литературы на национальных языках даже при огромном количестве носителей языка. Например, в Индии, за редкими исключениями преимущественно в сфере филологической, культурологической и религиозно-ведческой литературы, все книги издаются на английском языке, а не на хинди или официальных языках штатов. Научное книгоиздание в арабских странах также выглядит весьма скромно на фоне статуса арабского языка (один из языков ООН, на котором говорят сотни миллионов человек) – он по-прежнему уступает в большинстве стран английскому или французскому. Однако вопрос продвижения научных результатов страны за рубежом может решаться и по-иному – лучшие книги и журнальные статьи, изданные изначально на национальном языке, потом переводятся на английский, впрочем, как и на другие широко распространенные иностранные языки. Одновременно государство поддерживает оперативный перевод качественной иностранной литературы на национальные языки (тут уместно вспомнить как советский опыт, так и современную практику Китая, Южной Кореи, Японии и некоторых других стран, тратящих существенные средства на НИОКР).

В-третьих, национальный язык остается там, где есть цель сохранения местного научного дискурса. К сожалению, неоколониальная политика стран коллективного Запада в большинстве государств достигла своих целей в интеллектуальной сфере. Это хорошо видно и в России, где некоторые эксперты путают изоляционизм в науке (действительно, ведущий к деградации научной сферы в стране) с засильем чуждых данной стране представлений. В качестве показательной иллюстрации приведем цитату из книги известного экономиста и историка, члена Британской академии Роджера Бэксауса про монголо-татарское нашествие, которое в России принято считать катастрофическим переломом в поступательном развитии народов Восточной Европы: «экспансия торговли [Западной Европы] с Дальним Востоком стала возможной благодаря монгольским завоеваниям в Азии, которые позволили

создать единую, толерантную и миролюбивую империю, протянувшуюся от Восточной Европы до Китая» [Backhouse, 2002: 40]. В общественных и гуманитарных науках такие примеры можно приводить бесконечно, но и в естественных, технических и медицинских науках в случае по крайней мере прикладных разработок полного универсализма не наблюдается.

Конкретные рекомендации для современной России

Надо быть реалистами – современная Россия не обладает тем авторитетом в странах глобального Юга, который завоевал Советский Союз. Это распространяется на многие сферы, включая научную. Тем не менее наверстывать потери последних трех десятилетий придется, если Россия рассчитывает иметь в формирующемся полицентричном мироустройстве существенный вес. На государственном уровне требуется создавать прежде всего комфортные рамочные условия для научного сотрудничества с партнерами в странах глобального Юга и обеспечивать расширение информированности о российских достижениях за рубежом.

В первом случае, например, идет речь о создании совместных конкурсных программ по линии Российского научного фонда (РНФ), причем без тематических исключений. Ученые и технологически ориентированные компании сами найдут себе достойных партнеров, если им не будет создано искусственных барьеров. В качестве яркой иллюстрации напомним, что решениями отечественных чиновников несколько лет назад общественные и гуманитарные науки были исключены из приоритетов российско-индийского сотрудничества. В результате с научными организациями самой «англоязычной» страны глобального Юга со значительными расходами на НИОКР, второго по значению торгового партнера России, в 2024 г. праздновавшего юбилей семьи Рерихов, российским исследовательским центрам невозможно реализовывать совместные гранты РНФ.

Во втором случае речь идет о комплексе мер, которые можно было бы охарактеризовать как продвижение «мягкой силы». Для некоторых почти не нужны финансовые затраты, но они требуют усилий российских специалистов, которые, скорее всего, должны поддерживаться государственным заданием, направляемым в действительно профильные организации. Прежде всего речь идет о проверке имеющейся информации в авторитетных зарубежных изданиях о российских научных организациях. Например, три из четырех новичков БРИКС, активно развивающие контакты с Россией, расположены на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Кого же в дорогостоящем ежегодном фолианте, выходящем уже семь десятков лет в знаменитом международном издательском доме *Routledge*, команда *Europe Regional Surveys of the World* относит к ведущим исследовательским организациям России по странам Ближнего Востока и Северной Африки? Только Центр Ближнего Востока РИСИ и Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова [The Middle East..., 2022: 1261]. В справочнике не нашлось места ни отметившему два века своих научных школ Институту востоковедения РАН, ни занимающимся регионом более полувека ИНИОН РАН, ИМЭМО РАН и

Институту Африки РАН, ни Санкт-Петербургскому государственному университету. Таких примеров – множество.

Более сложной задачей является издание тематических, особенно иллюстрированных энциклопедий, как на русском языке, так и их переводных версий на английском. Пока российские ученые не смогли создать серий книг, которые по масштабам или по качеству оказались бы сопоставимы с современными западными образцами (советским ученым иногда это удавалось). Достаточно полистать многочисленные привлекательные тематические британские энциклопедические издания «Дорлинг-Киндерсли», чтобы понять, что роль России почти всегда преуменьшается, причем часто не по злому умыслу – британским и американским читателям закономерно больше рассказывают о собственных странах, а также их союзниках (к тому же российские достижения не всегда разрекламированы в принципе). Например, в более чем 500-страничной всемирной истории сообщается, что в 1773 г. капитан Джеймс Кук пересек Антарктический круг (в то время как в России бушевало восстание Емельяна Пугачёва). Когда и кто открыл саму Антарктиду, данная книга, однако, умалчивает [History..., 2018: 267]. В этой связи не приходится удивляться, что до сих пор ряд стран высказывает территориальные претензии на открытый россиянами материк. На фоне разговоров высокопоставленных чиновников о необходимости появления в России «правильного» аналога Википедии (т. е. народной, непрофессиональной энциклопедии) в условиях, когда не удалось перевести Большую российскую энциклопедию в электронный формат, сделав национальный аналог англоязычной универсальной энциклопедии «Британника», рассуждать о какой-либо конкуренции России с США и Британией в сфере тематических энциклопедий пока не приходится.

Немногом лучше обстоят дела с переводом российских монографий и научных журналов на иностранные языки. Снова ключевой проблемой является отсутствие должного финансирования сферы НИОКР в России. Вероятнее всего, для научных журналов вполне приемлем уже апробированный в системе Российской академии наук выборочный перевод на английский язык нескольких лучших статей из номеров русскоязычных журналов, индексированных, по крайней мере, в RSCI. При этом около тысячи журналов в переводном варианте могли бы издаваться с меньшей периодичностью либо несколько близких по тематике журналов в английской версии были бы представлены одним сводным изданием (по образцу *Social Sciences*). Для определенной тематики с целью охвата большей аудитории в странах глобального Юга потребуется перевод также на испанский, китайский, возможно французский, португальский и арабский языки, в отдельных случаях на более редкие восточные (например, на вьетнамский для статей, посвященных Вьетнаму). Для налаживания контактов с целью проведения совместных исследований российским научным организациям требуется сочетание ставки на использование «основных» европейских языков в научных контактах с партнерами на глобальном Юге с постепенным расширением числа специалистов со знанием восточных языков, что потребует ревизии многих вузовских программ подготовки кадров.

Наконец зарубежные ученые, особенно в странах глобального Юга, нуждаются в своего рода навигаторах в море русскоязычной научной литературы. В условиях, когда имеются автоматические переводчики, особенно хорошо работающие в случае европейских языков (включая русский), достаточно давать аннотированные англоязычные библиографии русскоязычных статей российских авторов. Тогда заинтересовавшийся иностранный читатель сможет прочесть с помощью переводчика на удобном ему языке почти любую российскую научную публикацию из большинства российских журналов из базы RSCI, которые обычно предоставляют в сети Интернет режим открытого доступа. Дополнительный эффект, бесспорно, дало бы расширение международного книгообмена, включающего и научные журналы, России со странами глобального Юга. Библиотеки в этих странах чаще заинтересованы в литературе не столько на русском языке, сколько на английском, а в ряде стран на испанском и французском. Институт научной информации по общественным наукам РАН пытается развивать этот вид «мягкой силы», запланировав в 2025 г. включить в качестве обмениваемой литературы первые тематические англоязычные библиографии, подготовленные в ИНИОН РАН по актуальным темам (например, о публикациях российских авторов на русском языке про Африку после проведения первого саммита Россия–Африка).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Володина М.А. (2020) Образовательная политика в арабских странах как фактор нациестроительства (на примере Марокко, Алжира и Ливана). *Общественные науки и современность*. № 6. С. 90–102. DOI: 10.31857/S086904990013052-9

Зуев В.Н., Островская Е.Я., Левина В.А. (2024) Потенциал сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР в условиях санкций. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 17. № 2. С. 168–188. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.09

Кузнецов А.В. (2024) Краткосрочные успехи и долгосрочные задачи экономического развития России на Восток. *Научные труды ВЭО России*. Т. 248. С. 251–262. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-251-262

Кузнецов А.В., Соколов С.В. (2022) Продвижение Китайской национальной инфраструктуры знаний и интересы России в мировом научно-информационном пространстве. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 15. № 3. С. 117–133. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.07

Яковлев П.П. (2022) Взаимодействие России с латиноамериканскими странами в условиях геополитического перелома. *Актуальные проблемы Европы*. № 3. С. 227–253. DOI: 10.31249/ape/2022.03.10

Backhouse R.E. (2002) *The Penguin History of Economics*. The Penguin Books. X, 369 p.

History Year by Year (2018) The Ultimate Visual Guide to the Events that Shaped the World. 2nd ed. UAE : DK, Penguin Random House. 512 p.

Lee H.Y., Hamid M.O., Hardy I. (2023) English and regional identity in ASEAN. *World Englishes*. Vol. 42. P. 239–253. DOI: 10.1111/weng.12571

Li X. (2018) What is the publication language in humanities? The case of Translation Studies scholars. *English Today*. P. 1–8. DOI: 10.1017/S0266078418000202

Mair Ch. (2024) English in Germany as a foreign language and as a lingua franca. *World Englishes*. Vol. 43. P. 244–258. DOI: 10.1111/weng.12641

Modiano M. (2024) Introduction: English in Europe. *World Englishes*. Vol. 43. P. 204–209. DOI: 10.1111/weng.12647

The Middle East and North Africa 2023 (2022). 69th ed. London; New York: Routledge. Xxiii, 1283 p.

The Importance of European Languages for Russian Scientific Contacts with the Global South

A.V. Kuznetsov

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences

Doctor of Sciences (Economics)

Director and chief researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

51/21, Nakhimovskiy Avenue, Moscow, Russia, 117418

E-mail: Kuznetsov@inion.ru

Abstract. In recent years, Russia has been rapidly turning towards the East and the global South as a whole. First of all, the country's changed foreign policy priorities and shifts in the geography of its foreign trade attract attention, but there is also an intensification of Russian scientific ties with a number of developing countries. At the same time, there are many difficulties with the development of scientific contacts with the countries of the Global South, and the essential issue is to develop the right strategy to minimize existing language barriers. The article shows the growing, but still limited role of the English language in scientific activity. It is demonstrated that states with a fairly large population and a developed R&D sector sometimes do not take minimal steps themselves to preserve any significant role of the national language in scientific activity, which is especially important to understand in contemporary Russia. At the same time, the languages of the former European metropolises, not only English, but also French, Spanish and Portuguese, play an important role in the scientific life of many countries of the Global South. In this regard, the successful positioning of Russian research organizations and their achievements requires a combination of the use of “main” European languages in scientific contacts with partners in the Global South with a gradual expansion of the number of Russian specialists with knowledge of Oriental languages. A separate task, and one that allows to find new solutions in the digital age, is to promote the Russian-language segment of publications abroad. Among other things, this area of application of “soft power” can be carried out through the preparation of thematic English-language bibliographies.

Keywords: language of science, dominance of the English language, preservation of the importance of national languages, Russia's turn to the Global South, soft power, thematic English-language bibliographies

DOI: 10.31857/S0201708324070143

REFERENCES

Volodina M.A. (2020) Obrazovatel'naya politika v arabskikh stranah kak faktor naciestroitel'stva (na primere Marokko, Alzhira i Livana) [Educational policy in Arab countries as a factor of

nation-building (on the example of Morocco, Algeria and Lebanon)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 6, pp. 90–102. DOI: 10.31857/S086904990013052-9

Zuev V.N., Ostrovskaya E.Ya., Levina V.A. (2024) Potencial sotrudnichestva mezhdru Rossiej i MERKOSUR v usloviyah sankcij [The potential of cooperation between Russia and MERCOSUR in the context of sanctions]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo*, 17(2), pp. 168–188. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.09

Kuznecov A.V. (2024) Kratkosrochnye uspekhi i dolgosrochnye zadachi ekonomicheskogo razvorota Rossii na Vostok [Short-term successes and long-term objectives of Russia's economic turn to the East]. *Nauchnye trudy VEO Rossii*, 248, pp. 251–262. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-251-262

Kuznecov A.V., Sokolov S.V. (2022) Prodvizhenie Kitajskoj nacional'noj infrastruktury znaniy i interesy Rossii v mirovom nauchno-informacionnom prostranstve [Promotion of the Chinese National Knowledge Infrastructure and Russia's interests in the global scientific and information space]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo*, 15(3), pp. 117–133. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.07

Yakovlev P.P. (2022) Vzaimodejstvie Rossii s latinoamerikanskimi stranami v usloviyah geopoliticheskogo pereloma [Russia's interaction with Latin American countries in the context of a geopolitical turning point]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 3, pp. 227–253. DOI: 10.31249/ape/2022.03.10

Backhouse R.E. (2002) *The Penguin History of Economics*. The Penguin Books. X.

History Year by Year (2018) The Ultimate Visual Guide to the Events that Shaped the World. 2nd ed. UAE : DK, Penguin Random House.

Lee H.Y., Hamid M.O., Hardy I. (2023) English and regional identity in ASEAN. *World Englishes*, 42., pp. 239–253. DOI: 10.1111/weng.12571

Li X. (2018) What is the publication language in humanities? The case of Translation Studies scholars. *English Today*, pp. 1–8. DOI: 10.1017/S0266078418000202

Mair Ch. (2024) English in Germany as a foreign language and as a lingua franca. *World Englishes*, 43, pp. 244–258. DOI: 10.1111/weng.12641

Modiano M. (2024) Introduction: English in Europe. *World Englishes*, 43, pp. 204–209. DOI: 10.1111/weng.12647

The Middle East and North Africa 2023 (2022). 69th ed. London; New York: Routledge. Xxiii.

УДК 327

ФАКТОРЫ ЭРОЗИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЕВРОСОЮЗА¹

© 2024 ЛУНКИН Роман Николаевич

*Доктор политических наук, профессор РАН
Заместитель директора Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3
E-mail: romanlunkinn@yandex.ru*

Поступила в редакцию 28.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В статье рассмотрены факторы эрозии социальной модели Евросоюза и причины неэффективности социальной политики объединения. Сегодня ЕС стоит на пороге принятия новых решений, связанных с социальными приоритетами. Проведен анализ инициатив Еврокомиссии и новых предложений в социальной сфере с точки зрения устойчивости и развития социальной модели Евросоюза. Исследование основано на концепции социально-экономических моделей в Европе и критического анализа социально-политических подходов к оценке социальных усилий ЕС. Выявлены следующие общеевропейские факторы эрозии социальной модели Евросоюза: атомизация социальной стратегии, мультипликационный эффект различных кризисов, украинский кризис. Уделено внимание приоритетам социальной политики новой Комиссии под руководством У. фон дер Ляйен и их влиянию на формирование общего подхода государств-членов к социальной политике. Отдельно рассмотрены страновые факторы: размывание превалирующих качеств национальных и региональных моделей в результате интеграционных процессов, разрыв между характеристиками моделей и реальным благополучием граждан, транснациональные социальные вызовы. Выделены две основные тенденции в социальной политике Евросоюза и государств-членов: развитие прекарности как характеристики современных форм труда и образа жизни и изменение роли и сущности семьи, что приводит к развитию детской социальной политики. Сделан вывод о несоответствии приоритетов социальной политики Евросоюза с реальными возможностями объединения, что в итоге приводит к разочарованию граждан. Кризисные явления и ориентация на зеленый и цифровой переход приведут к сочетанию призывов к жесткой экономии для раз-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

вития конкурентоспособности с поддержкой наиболее уязвимых групп и сфер, где активно применяются цифровые и зеленые технологии. Поскольку социальная политика во многом определяет образ ЕС как среди граждан государств-членов, так и среди внешних акторов, эрозия социальной модели может привести к тому, что он перестанет восприниматься как пространство, на котором обеспечиваются высокие социальные стандарты и благополучие жителей.

Ключевые слова: Европейская социальная модель, Социальная Европа, социальные модели, Европейская опора социальных прав, социальная политика, Евросоюз, социальное измерение европейской интеграции, социальная справедливость, конкурентоспособность

DOI: 10.31857/S0201708324070155

Социальное измерение являлось одним из ключевых элементов длительного процесса интеграции, который привел к созданию Европейского союза. Принципы социальной справедливости и солидарности учитывались в ходе становления Экономического и валютного союза, Шенгенской зоны, во время волн расширения ЕС в Центральной и Восточной Европе. Социальное измерение присутствовало в отдельных положениях договоров о создании ЕС, главным образом в Лиссабонском договоре, а также в различных обязательствах Евросоюза, например в Хартии социальных прав. Однако, по сути, на наднациональном уровне социальное измерение было благим пожеланием. Реализация социальной политики полностью находится в компетенции государств-членов ЕС. Со временем возникло противоречие между действиями интеграционного объединения, ожиданиями граждан в социальной сфере и отсутствием у ЕС необходимых компетенций и всеобъемлющей программы, касающейся множества аспектов социального благополучия граждан.

Необходимость подтверждать свои обязательства возникла как итог политики жесткой экономии после экономического кризиса 2008 г., долговых кризисов в ряде стран – членов ЕС, общего падения уровня жизни граждан. Дополнительным раздражителем стал иммиграционный кризис, который требовал затрат от принимающих иммигрантов стран. Выплата многочисленных пособий приезжим из других регионов мира если и не была тяжким бременем для бюджетов, то приводила к возмущению части избирателей. Помимо этого, наметилась тенденция централизации при принятии решений на уровне ЕС. Признаком становления новой социальной политики стало принятие Европейской опоры социальных прав (Опора, ЕОСП) в 2017 г. Опора была призвана оживить социальное измерение Евросоюза, сделать его более конкретным, определить стратегические цели, которые могли быть ориентирами для Еврокомиссии (ЕК) и отдельных стран-членов. Реализация ЕОСП почти сразу столкнулась с разногласиями по реформе координации социального страхования и обеспечения на уровне ЕС: бизнес выступил против регулирования национальных систем, а профсоюз и общественные организации – за расширение компетенции ЕС [Биссон, Борко, 2019: 15–16]. С момента принятия Опоры можно говорить о появлении социальной политики Евросоюза, а не просто о социальном измерении с декларациями о социальных правах и соблюдении справедливости.

Социальные стратегия и стандарты стали частью идеологии Евросоюза, обязательства в социальной сфере – европейской ценностью, которая в глазах граждан определяет эффективность интеграции. Социальная политика стала одним из самых значимых элементов устойчивости ЕС как глобального центра силы, который в сознании и иммигрантов, и граждан стран-членов воспринимается как «остров», обеспечивающий соблюдение определенных стандартов и, как следствие, процветание. Однако почти сразу стратегия ЕС в социальной сфере столкнулась с трудностями, которые поставили под угрозу его социальную устойчивость. С помощью методологии, опирающейся на концепцию социально-экономических моделей в Европе, и критического анализа социально-политических подходов к оценке социальных усилий ЕС можно выделить ряд факторов эрозии социальной модели.

Общеввропейские факторы

До принятия Опоры в 2017 г. социальной моделью ЕС именовался комплекс деклараций и обязательств, выраженных в различных документах Европейских сообществ: в Хартии социальных прав трудящихся 1989 г., Хартии об основных правах 2000 г., упоминание о которой внесено в Лиссабонский договор 2009 г. Существовали социальные повестки Еврокомиссии и стратегии, такие как Белая книга «Европейская социальная политика: путь для Союза» 1994 г., стратегия «Европа 2020», многие показатели которой оказались невыполненными [Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы, 2014: 334, 348]¹. Социальный саммит в Порто 2021 г. конкретизировал обязательства ЕС и стран-членов в рамках реализации ЕОСП до 2030 г.² Модель ЕС является в основном политико-идеологической, а не социально-экономической с четко определенными чертами и приоритетами. Именно так социальная составляющая ЕС воспринимается в научной литературе в отличие от анализа подходов отдельных стран к социальной политике.

Как отмечал Э. Гидденс, идея Социальной Европы – вдохновляющий фактор для построения государства социальных инвестиций. В условиях, когда Европейская социальная модель (ЕСМ) оказалась несостоятельной из-за роста безработицы среди молодежи, детской бедности, мер жесткой экономии, контраста между Северной и Южной Европой, исследователь выступает за построение общеевропейской системы благосостояния³, которая включает сочетание профилактических мер, а не просто, например, налаживание системы здравоохранения или обеспечения с

¹ European Pillar of Social Rights Action Plan. URL: https://employment-social-affairs.ec.europa.eu/policies-and-activities/european-pillar-social-rights-building-fairer-and-more-inclusive-european-union/european-pillar-social-rights-action-plan_en (дата обращения: 12.11.2024). (К примеру, к 2020 г. предполагалось достичь 75% занятости, но в результате пандемии удалось довести показатель до 72. В Опоре обозначена цель в 78% к 2030 г.).

² Porto Social Summit: all partners commit to 2030 social targets. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_2301 (дата обращения: 12.11.2024).

³ Giddens, Anthony. “Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?” (2013).

шагами по борьбе с неравенством. В противном случае грандиозные, но нереализуемые обещания Еврокомиссии будут только разочаровывать людей¹.

Нерешенность проблемы создания единого социального пространства также подчеркивалась М.В. Каргаловой. С ее точки зрения, движение в сторону ЕСМ – продукт компромисса профсоюзов и превентивной политики предпринимателей и государств. Уязвимость модели состоит в распределении по трем измерениям: национальном, общеевропейском и глобальном. Классическое определение Европейской социальной модели основано на ценностях: «ЕСМ – это схема развития общества, основанная на принципах уважения человеческого достоинства, социальной солидарности, социальной справедливости и социально ориентированной конкурентоспособной экономики в условиях благоприятной экологической обстановки» [Социальная Европа в XXI веке, 2011]. Способность ЕС защищать граждан придает объединению легитимность, но сохраняются два ограничения: недостаточность компетенции ЕС в сфере регулирования трудовых и социальных отношений и защита странами собственного рынка и особенностей своих моделей [Биссон, 2020: 64–70].

В научной литературе дальнейшую эволюцию ЕСМ связывают с конвергенцией различных национальных систем, с увеличением социальной составляющей гражданства ЕС в том числе и для того, чтобы укреплять демократические институты перед лицом популизма [Careja, Emmenegger, Giger, 2020]. Ослабление модели, произошедшее практически во всех странах ЕС, объясняют пренебрежением социальным диалогом, кризисом в странах Южной Европы (Греции, Испании, Португалии) и в Балтии, отходом Венгрии от принципов ЕСМ, эрозией социальной модели во Франции и трансформацией государства благосостояния в Германии [Vaughan-Whitehead, 2015]. Состояние поликризиса и фактическое отсутствие Социальной Европы в центре внимания политиков (хотя в риторике она присутствует) стали предметом изучения [Hawley, 2023].

Часть экспертов отмечает, что в реализации Опоры присутствует динамизм в трудовом и социальном праве ЕС, но текущие правовые компетенции в социальной сфере ограничены и фрагментированы. Даже в статье 153 Договора о ЕС существует разрыв между областями, в которых Евросоюз может принимать меры минимальной гармонизации национального законодательства (в значительной части трудового права) и в которых он может играть только координирующую и финансовую роли (в отношении некоторых аспектов социальной защиты и включения). Статья 153 также исключает некоторые основные области трудового права, а именно: оплату труда, право на объединение и право на забастовку. Более того, по многим ключевым вопросам трудового права статья 153 требует единогласного согласия, а не квалифицированного большинства в Совете. Тем не менее ЕС нашел способы реализовать часть законодательных предложений, включая вопросы минимальной оплаты труда, где компетенция, казалось, была явно исключена. Пандемия и

¹ Five minutes with Anthony Giddens: “The European social model can and must survive the crisis”. November 4th, 2013. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/11/04/five-minutes-with-anthony-giddens-the-european-social-model-can-and-must-survive-the-crisis/> (дата обращения: 12.11.2024).

украинский кризис подтолкнули Евросоюз к новым непредвиденным ранее действиям, включая финансовую поддержку схем сокращенного рабочего времени для работающих по найму и самозанятых. В результате брежита объединение покинула страна, выступавшая против трудовых и социальных прав ЕС. По мнению исследователей, именно пересмотр компетенций ЕС приведет к импульсу для адекватного решения основополагающих проблем [Kilpatrick, 2023].

Первым фактором, который размывает само представление о модели, выступает атомизация социальной стратегии ЕС. Она проявляется в обозначении большого множества самых разных целей и приоритетов. Разнообразие задач и целевых показателей неизбежно в силу исторических особенностей формирования социального измерения ЕС, которое включало все, что может способствовать благополучию граждан. Социальные обязательства и стандарты стали своего рода внутренней нормативной силой Евросоюза. Проявлением этой распыленности, но уже не случайной, а идеологически обоснованной, стало переформатирование понимания социальной справедливости. Как отмечает Е.С. Садовая, справедливость стала трактоваться как «исключительные, специфически понимаемые права отдельных (зачастую совершенно искусственно формируемых) “обездоленных” групп населения... Сведение понятия справедливости исключительно к материальному и девиантному открывает дорогу полной атомизации общества, делает его конфликтно разобщенным (поскольку границ для дальнейшего разделения и противопоставления интересов практически не существует) и облегчает манипулирование им. В тесной увязке с ЛГБТ¹-повесткой в контексте справедливости сформировался и “зеленый” сегмент этого дискурса» [Идентичность: личность, общество, политика, 2023: 182–183].

Второй фактор – мультипликационный эффект различных кризисов, затронувших с конца 2010-х гг. как ЕС, так и Европу в целом. Это иммиграционные трудности с постоянной дискуссией о том, кто и как должен принимать приезжих, кто будет за них платить, и игнорирование Еврокомиссией фактора раздражения граждан массовой иммиграцией, которое намеренно маркируется как ксенофобия, якобы инспирируемая популистами. Такое передергивание наглядно проявилось в ходе предвыборной кампании в Европарламент в 2024 г. Таким образом, ЕК вполне готова пожертвовать настроениями коренных жителей ради прагматических целей – увеличения населения, экономически активного и политически не связанного с идентистской повесткой, которую предлагают оппозиционные неолиберальному курсу партии и движения.

Значимым ударом по общеевропейской солидарности стала пандемия коронавируса 2020–2022 гг. (согласно данным ВОЗ, она продолжалась с 2019 до 2023 г.). Закрытие границ; манипулирование с вакцинацией и закупкой вакцин, в чем обвиняют, в частности, Урсулу фон дер Ляйен; нарушения прав человека, обоснованные санкционной политикой; банкротства малого и среднего бизнеса – все это нивелировало социальное измерение ЕС. Безусловно, Еврокомиссия предприняла мас-

¹ Движение, запрещенное на территории РФ.

штабные шаги по оказанию мер поддержки в рамках Фонда восстановления и помощи на рынке труда.

Однако третий фактор в значительной степени обесценил усилия Евросоюза по вливанию средств в предпринимательский сектор и поддержание занятости. Это украинский кризис, который привел к росту цен на энергоносители, продуктовой инфляции, падению уровня доходов домохозяйств. Сложившееся положение обосновывается с идеологической точки зрения, а не с экономической. Среди причин указываются защита европейских ценностей, выраженная в противостоянии России и поддержке Украины, и необходимая для этого милитаризация экономики.

В рамках существующих обстоятельств глава ЕК У. фон дер Ляйен определила новые приоритеты в социальной сфере на 2024–2029 гг. Вместе с тем достижение практически всех целей Опоры ставится в зависимость от магистральных курсов Еврокомиссии – цифровизации и экологизации (Зеленый курс). Как отметила У. фон дер Ляйен на пленарном заседании Европарламента, «появилось много новых проблем – от влияния искусственного интеллекта на психическое здоровье занятых до новых факторов бедности». Глава ЕК особенно выделила необходимость разработки нового плана действий по реализации ЕОСП: «Мы должны обеспечить справедливые изменения и хорошие условия труда для работников и самозанятых. Решающую роль в этом играет социальный диалог – отличительная черта нашей социально-рыночной экономики. Поэтому мы будем работать над расширением коллективных договоров и укреплением европейского социального диалога. Мы будем решать те проблемы, с которыми европейцы сталкиваются в своей повседневной жизни. Возьмём, к примеру, жилье. Европа столкнулась с жилищным кризисом, от которого страдают люди всех возрастов и семьи любого размера. Цены и арендная плата стремительно растут. Люди пытаются найти доступное жилье. Именно поэтому я впервые назначу комиссара, который будет напрямую отвечать за жилищное строительство. Мы разработаем Европейский план доступного жилья, чтобы проанализировать все причины кризиса и помочь привлечь необходимые частные и государственные инвестиции»¹.

В программе У. фон дер Ляйен на новый срок 2024–2029 гг. также отмечены занятость, переобучение и меры по борьбе с детской бедностью (ранее эта тема была одной из основных в заявлениях главы ЕК). По-прежнему особое внимание уделено гендерному равенству и сплоченности. Высказывается обеспокоенность демографическими изменениями и необходимостью к ним адаптироваться: «В ближайшие годы Европа столкнется с различными проблемами – от пенсий до государственных услуг, от нехватки рабочей силы до финансовой устойчивости и неравенства между поколениями и регионами. Мы рассмотрим вопросы расширения доступа к рынку труда, особенно женщин и молодежи, сокращения региональных различий,

¹ Statement at the European Parliament Plenary by President Ursula von der Leyen, candidate for a second mandate 2024-2029. 18 July 2024. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/statement-european-parliament-plenary-president-ursula-von-der-leyen-candidate-second-mandate-2024-2024-07-18_en (дата обращения: 12.11.2024).

чтобы люди могли не покидать свои родные места, и поддержки молодых родителей в обеспечении здорового баланса между работой и личной жизнью»¹.

Более детально приоритеты новой Еврокомиссии можно увидеть в докладе о конкурентоспособности ЕС, подготовленном бывшим председателем Европейского центрального банка и бывшим премьер-министром Италии Марио Драги. Он отметил, что Евросоюзу предстоит стать амбициозным и высокотехнологичным, как США. В докладе подчеркнуто, что ЕС не сможет стать одновременно лидером в новых технологиях, маяком климатической ответственности и независимым игроком на мировой арене: «Мы не сможем финансировать нашу социальную модель. Нам придется сократить некоторые, если не все, наши амбиции. Это экзистенциальный вызов». Наряду с этим М. Драги указал на то, что если ЕС, не сможет отстаивать такие основные права и ценности, как процветание, равенство, свобода, мир и демократия, то он рискует потерять смысл существования. М. Драги напрямую связывает развитие и применение технологий, включая искусственный интеллект, с социальной включенностью, а социальный диалог, возможности обучения и переобучения, условия работы для молодежи – с будущим благополучием².

Выбор приоритетных индикаторов в социальной политике ЕС связан с улучшением показателей в значимых сфера социального развития в последнее десятилетие. К ним относятся количество людей, которые находятся на грани бедности и социального отторжения, а также молодые люди вне образования и вне работы, работающие бедные. Эти категории регулярно пополняют приезжающие в Евросоюз иммигранты, в т. ч. беженцы из разных регионов мира, Ближнего Востока, Африки, Украины. Будущее социальной политики ЕС связано прежде всего со стимулированием высококвалифицированной занятости, переобучением безработных и нерегулярно и нестабильно работающих (прекариата), регулированием такой новой сферы, как платформенная занятость, с постепенным введением минимальной оплаты труда и минимального среднего дохода в ЕС [Европа в глобальной пересборке, 2023: 172–206]. При этом цифровизация меняет рынок труда, а зеленые технологии ложатся бременем издержек на рядовых европейцев.

Страновые факторы

Участие стран-членов в реализации социальных приоритетов Евросоюза осуществляется в основном на национальном уровне. Особенности вклада государств определяются в том числе чертами их социально-экономических моделей. Г. Эспинг-Андерсен в зависимости от степени государственного вмешательства в регулирование социальной сферы, стратификации и соотношения между рыночным и

¹ EUROPE'S CHOICE. POLITICAL GUIDELINES FOR THE NEXT EUROPEAN COMMISSION 2024–2029. Ursula von der Leyen Candidate for the European Commission President. URL: https://commission.europa.eu/document/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en (дата обращения: 12.11.2024).

² The future of European competitiveness – A competitiveness strategy for Europe. 9 SEPTEMBER 2024. URL: https://commission.europa.eu/topics/strengthening-european-competitiveness/eu-competitiveness-looking-ahead_en (дата обращения: 12.11.2024).

государственным распределением благ (декоммодификацией) выделил либеральный, консервативный и социал-демократический типы государства благосостояния [Esping-Andersen, 1990]. На этой основе были определены четыре европейские модели: скандинавская, англосаксонская, континентальная и средиземноморская (южноевропейская).

Страны Северной Европы (Финляндия, Норвегия, Швеция, Дания и Нидерланды) отличаются ролью государственного сектора в социальном обеспечении и высоким уровнем перераспределения доходов. В англосаксонской модели (Британия, Ирландия) социальные выплаты зависят от занятости. Государство обеспечивает систему бесплатного здравоохранения, но большую роль в распределении ресурсов играет рынок. Для континентального типа свойственны принцип профессиональной солидарности, система социального обеспечения, основанная на успехах на рынке труда, акцент на социальном партнерстве. Средиземноморская модель опирается на семью и институты гражданского общества в социальном обеспечении. Уровень социальной защищенности низкий, а режимы социального страхования очень разнородны [Sapir, 2002: 369–390]. В качестве пятой модели выделяют смешанный тип, к которому относят страны Центральной и Восточной Европы.

А. Сапир, анализируя европейские модели, отмечал сомнительность опоры на ЕСМ в связи со слишком большими различиями национальных систем. Он подчеркивал, что конкурентоспособность ЕС можно поддерживать только с помощью реформ существующих моделей: на наднациональном уровне ЕС должны использоваться черты самых эффективных типов – скандинавского (высокий уровень социальной защиты) и англосаксонского (связь универсальной социальной помощи с поиском работы) [Sapir, 2005].

Основным кризисным фактором выступает размывание превалирующих качеств самих моделей при сохранении общих особенностей, которые обусловлены историческими и культурными характеристиками отдельных стран. Формирование общих политик, компетенций, приоритетов в рамках ЕС объективно сближало разных членов интеграционного объединения. Евросоюз также старательно вводил элементы, которыми ранее отличались разные модели. Сегодня Еврокомиссия делает акцент на социальном диалоге, продвигает идею минимальной заработной платы, перераспределения доходов в пользу социально уязвимых групп населения, тогда как ранее все эти вопросы находились исключительно в компетенции национальных государств. В 2022 г. принята директива об адекватной минимальной заработной плате, которая устанавливает параметры расчета минимальной оплаты труда исходя из национальных показателей стран-членов. Страны ЕС должны оценить, достаточен ли установленный национальным законом минимальный размер оплаты труда для обеспечения достойного уровня жизни [Европа в кризисном мире, 2022: 211].

Одной из основных целей ЕК стало встраивание различных социально ориентированных организаций и коммерческих предприятий в политику в контексте развития социальной экономики и ее субъектов [Говорова, 2024: 140–150]. В Евросоюзе 2,8 млн такого рода субъектов (10% от общего числа предприятий), где трудоустроено более 13,5 млн человек (около 6,2% занятых). В 2021 г. принят План действий по социальной экономике до 2030 г., направленный на поддержку субъектов

социальной экономики, особенно тех, кто помогает социально уязвимым группам и активно работает на рынке труда¹. Именно значительная роль негосударственных акторов в поддержке социально незащищенных слоев населения при минимальном уровне пособий была основной чертой южноевропейской модели.

Различия стран сглаживает общее участие в программах фондов ЕС по поддержке занятости, профессионального переобучения, борьбе с бедностью, поскольку условием получения средств выступает софинансирование. Европейский социальный фонд «плюс» с 2021 г. объединяет Европейский социальный фонд (*European Social Fund, ESF*), Инициативу по трудоустройству молодежи (*Youth Employment Initiative, YEI*), Фонд европейской помощи наиболее обездоленным (*Fund for European Aid to the Most Deprived, FEAD*), Программу ЕС по занятости и социальным инновациям, Программу ЕС по здравоохранению. Финансирование политики стран-членов основано на концепции социального инвестирования в таких областях, как уход за детьми, здравоохранение, помощь в поиске работы и реинтеграция на рынке труда. Пакет социальных инвестиций (*Social Investment Package, SIP*) Еврокомиссии связан с эффективным использованием социальных бюджетов на страновом уровне. В 2020–2022 гг. инструмент по борьбе с безработицей в условиях кризиса (*Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency, SURE*) предоставил странам-членам почти 100 млрд евро в виде займов на льготных условиях для субсидирования занятых и сохранения занятости². В 2021 г. посредством Рекомендации по эффективной активной поддержке занятости после кризиса, вызванного COVID-19 (*Recommendation on Effective Active Support to Employment following the COVID-19 crisis, EASE*), Еврокомиссия начала стимулировать страны-члены разрабатывать пакеты мер для поддержки активной занятости, созданию рабочих мест в цифровом и зеленом секторах. С помощью этого инструмента государства могут использовать средства ЕС из Фонда будущих поколений и Фонда восстановления и устойчивости³.

Такая политика стала следствием необходимости изменить ситуацию в условиях украинского кризиса после периода жесткой экономии и пандемии коронавируса. Предпринимаемые меры указывают на движение в общем направлении и запрос на более четко выраженную европейскую социальную политику. Ее отсутствие подрывает доверие к ЕС и конкурентоспособность объединения [Европа в кризисном мире, 2022: 216].

Успехи в социальной сфере сложно соотнести с социально-экономическими моделями отдельных стран. По экономическим показателям и высокому уровню жизни выделяются страны Западной и Северной Европы и страны периферии,

¹ Social Economy Action Plan. URL: https://social-economy-gateway.ec.europa.eu/eu-initiatives/seap_en (дата обращения: 12.11.2024).

² The European instrument for temporary Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency (SURE). URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/eu-financial-assistance/sure_en (дата обращения: 12.11.2024).

³ Effective Active Support to Employment following the COVID-19 crisis (EASE). URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/es/qanda_21_971 (дата обращения: 12.11.2024).

прежде всего беднейшие страны Южной Европы и страны Центральной и Восточной Европы. Уже во время пандемии разрыв между странами Севера и Юга Европы стал стремительно расти¹. Во многом это показывает, что анализ социальных моделей в Европе сегодня не отражает напрямую реальное благополучие жителей.

Помимо этого, существуют транснациональные социальные вызовы, которые не только размывают сложившиеся социально-экономические модели, но и меняют восприятие социальной реальности. Потенциально таких угроз и вызовов может быть достаточно много. К ним относятся влияние цифровизации, воздействие искусственного интеллекта на человека и общество, тренды в контексте нового витка глобализации (например, деиндустриализация Европы).

На текущем этапе в рамках социальной политики можно выделить две тенденции. Первая касается присутствия прекариата и платформенных занятых как неотъемлемых частей общества и экономики. Для этих категорий не действуют прежние принципы социального диалога, трудовых договоров, им не нужны формы профсоюзных движений, характерные для индустриального общества. Прекариат не стал «новым рабочим классом», как ему предрекали такие исследователи, как Г. Стэндинг [Стэндинг, 2014]. Прекарность, скорее, стала естественным образом жизни современного занятого. Трудящимися в широком смысле слова стали занятые, слабозащищенные и менее всего востребованные в рамках цифровой экономики, и служащие, труд которых может достаточно спекулятивно оцениваться в зависимости от развития и применения новых технологий.

Вторая тенденция состоит в изменении роли и содержания семьи по модели стран Северной Европы. Происходит постепенный переход, по крайней мере, в представлении тех, кто реализует социальную политику, от нуклеарной к постнуклеарной семье. Государство берет на себя основные функции семьи для того, чтобы освободить родителей, дедушек и бабушек для активной экономической деятельности. Создатель типологии государств благосостояния Г. Эспинг-Андерсен именно эту тему считает одной из наиболее важных для современной социальной сферы. Он выделили три выгоды детской политики: увеличение человеческого капитала на рынке труда и уменьшение неравенства в обучении, совмещение материнства и карьеры, отдача от инвестиций в раннее детство в виде увеличения налогов [Esping-Andersen, 2024: 423–431]. Детская политика повышает доход домохозяйств, так как оба родителя полноценно заняты, позволяет повысить занятость среди стареющего населения. Дети, обучаемые централизованно при помощи государства, в будущем становятся более конкурентоспособными на рынке труда.

Выводы

Социальные обязательства и связанные с ними стандарты и ценности ЕС определяют восприятие Евросоюза на национальном уровне и внешними акторами. Во многом социальное измерение интеграции является частью идеи стратеги-

¹ Цибулина А. Экономика Евросоюза: новое испытание на прочность. 02.06.2020. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomika-evrosoyuza-novoe-ispytanie-na-prochnost/> (дата обращения: 12.11.2024).

ческой автономии Евросоюза, самодостаточности и эффективности. Между тем вынужденный или сознательный отход от принципов автономии в сферах безопасности экономики, внешней политики не мог не отразиться на социальном пространстве.

Евросоюз чрезвычайно чувствителен к воздействию внешних кризисов, которые отражаются на внутреннем развитии. Они порождают противоречия и споры государств-членов, углубляют перекосы в социально-экономических показателях. Неизменное желание продвигать социальное измерение ЕС породило Европейскую опору социальных прав и последовавшие за ней декларации и программы Еврокомиссии. Однако широта и масштабность целей не соответствуют возможностям объединения в условиях внешних шоков, вызванных пандемией, энергетическим кризисом, милитаризацией. Естественная эволюция Опоры, в рамках которой были бы более четко выработаны приоритеты и эффективная стратегия их достижения, оказалась прерванной. Некоторые главные цели Еврокомиссии обозначены в канун нового срока У. фон дер Ляйен в 2024 г. Однако они были заявлены в разгар кризиса, когда появилась необходимость кардинально перестраивать социальные цели ЕС и стран-членов в соответствии с цифровым и зеленым переходами. Зеленый курс в риторике Еврокомиссии приобрел социальное измерение как экономическое благо от внедрения новых технологий и залог экологически чистого будущего грядущих поколений. В сочетании с украинской темой, тесно связанной и с социальной защитой, и с рынком труда для приезжих, экология стала частью идеологии социального измерения ЕС.

Состояние социальной политики Евросоюза свидетельствует о достаточно опасном для устойчивости объединения положении. Европейская социальная модель находится в состоянии постоянного формирования, но ее превращению в мощный центр силы и источник социальных технологий мешают внешние кризисы. При этом социально-экономические модели разных стран и регионов Европы продолжают действовать, но в рамках ЕС естественным образом проходит процесс конвергенции и размывания как за счет интеграционных процессов, так и приспособления к требованиям постиндустриальной экономики. Накопленный Евросоюзом инструментарий вполне может стать основанием для нового рывка. Основной тенденцией в социальной политике выступает стремление создать условия для получения базового дохода для части населения и обеспечить привилегиями тех, кто соответствует новой экономике и применяет новые цифровые и зеленые технологии. Именно с этим связано внимание к занятости, так как в идеальном варианте большинство населения должно получать какой-либо доход. Перераспределение средств также будет компенсировано избирательным характером определения того, кто принадлежит к социально уязвимым группам, но социальное неравенство будет только расти.

Евросоюз стоит на пороге принятия новых решений, связанных с социальными приоритетами. Призывы к жесткой экономии в условиях кризиса будут сочетаться с выстраиванием социальной сферы и поддержкой тех областей, где активно применяется искусственный интеллект и зеленые технологии. Для восприятия ЕС как глобального центра это может означать постепенную потерю образа «острова процветания», куда часто стремятся жители других стран и регионов мира. Вместо это-

го ЕС рискует превратиться в отдельные высокотехнологичные «острова благоденствия». В условиях демографического кризиса это может негативно отразиться и на притоке иммигрантов, и на численности экономически активного населения в целом. Такие тенденции уже накладывают определенные ограничения на стремление ЕС к стратегической автономии, если эта идея возродится. Выход из ситуации мультипликации кризисов Еврокомиссия видит в том, чтобы соответствовать западным трендам, а именно проамериканской политике и развитию цифровой и зеленой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биссон Л.С., Борко Ю.А. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы». *Современная Европа*. № 6. С. 15–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>

Биссон, Л.С. (2020) Европейская социальная модель: содержание и ограничения. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1(13). С. 64–70. DOI 10.15211/vestnikieran120206470. EDN PFUFUC.

Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. (2014) Под ред.: Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова. Издательство «Весь Мир», Москва. С. 334, 348.

Говорова Н.В. (2024) Социальная экономика ЕС: путь к преодолению неравенства? *Современная Европа*. № 4. С. 140–150. DOI: 10.31857/S0201708324040119

Европа в глобальной пересборке (2023) [монография]. Институт Европы РАН. Отв. ред. Ал.А. Громыко. Издательство «Весь Мир», Институт Европы РАН, Москва. С. 172–206.

Европа в кризисном мире (2022) [Коллективная монография]. [Ал.А. Громыко и др.; отв. ред. Ал.А. Громыко]. ИЕ РАН, Издательство «Весь Мир», Москва. С. 211.

Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля (2023) Отв. ред. И.С. Семененко. Весь мир, Москва. С. 182–183.

Социальная Европа в XXI веке. (2011) Под ред. М.В. Каргаловой. Издательство «Весь Мир», Москва. 184 с.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Ад Маргинем Пресс, Москва.

Careja, Romana & Emmenegger, Patrick & Giger, Nathalie. (2020) *The European Social Model under Pressure Liber Amicorum in Honour of Klaus Armingeon*: Liber Amicorum in Honour of Klaus Armingeon. 10.1007/978-3-658-27043-8.

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.

Esping-Andersen, Gosta. (2024) *Commentary: Children, the gender revolution, and social mobility*. In book: Research Handbook on Intergenerational Inequality. P. 423–431. DOI: 10.4337/9781800888265.00041.

Hawley, Adrian. (2023) Reviving Social Europe: a critical assessment of EU social policy in the wake of multiple crises. *European Journal of Government and Economics*. No. 12. P. 105–118. 10.17979/ejge.2023.12.2.9541.

Kilpatrick, Claire. (2023) *The Roaring 20s for Social Europe. The European Pillar of Social Rights and burgeoning EU Legislation, forthcoming Transfer*: European Review of Labour and Research 29(2) 2023. Transfer. 29.

Sapir A. (2002) Globalisation and the reform of European Social Models. *Journal of Common Market Studies*, No. 44(2). P. 369–390.

Sapir A. (2005) *Globalization and the Reform of European Social Models*. Published 1 November 2005. PSN: Other International Political Economy: Globalization (Topic). DOI:10.1111/j.1468-5965.2006.00627.x

Vaughan-Whitehead, D. (2015) *The European Social Model in Crisis: Is Europe Losing Its Soul?* DOI: 10.4337/9781783476565.

Factors of the EU Social Model's Erosion¹

R.N. Lunkin

Doctor of Sciences (Politics), Professor RAS

Deputy Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: romanlunkinn@yandex.ru

Abstract. This article explores the factors contributing to the erosion of the EU social model and the underlying causes of the inefficacy of the Union's social policy. As the EU has to redefine its social priorities, the study analyses recent European Commission initiatives and proposals through the lens of sustainability and the evolution of the EU social model. The research is rooted in the concept of socio-economic models in Europe and employs a critical analysis of socio-political approaches to evaluate the Union's social efforts. Key supranational factors driving the erosion of the EU social model are identified, including the atomisation of the EU's social strategy, the compounded impact of successive crises, and the implications of the Ukrainian crisis. Special attention is given to the priorities of the current European Commission, led by Ursula von der Leyen, and their influence on fostering a unified social policy approach among member states. The analysis also considers national factors, such as the diminishing effectiveness of national and regional social models due to integration pressures and adaptation to the post-industrial economy. Additionally, discrepancies between the attributes of these models and actual citizen well-being, as well as transnational social challenges, are highlighted. Two overarching trends in the social policies of the EU and its member states are examined: the increasing precarity of modern work and lifestyles, and the evolving role and significance of the family, which has driven the expansion of child-centered social policies. The article concludes that a misalignment between the EU's social policy priorities and the practical possibilities of unification fosters citizen dissatisfaction. Furthermore, the interplay between crisis dynamics and the emphasis on green and digital transitions will likely result in a dual approach: promoting austerity to sustain economic competitiveness while supporting the most vulnerable groups and sectors linked to green and digital technologies. Given that social policy is a cornerstone of the EU's image among its citizens and external stakeholders, the erosion of the European social model risks undermining the Union's reputation as a guarantor of high social standards and resident well-being.

Keywords: European Social Model, Social Europe, social models, European Pillar of Social Rights, social policy, European Union, social dimension of European integration, social justice, competitiveness

DOI: 10.31857/S0201708324070155

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

REFERENCES

- Bisson L.S., Borko Yu.A. (2019) Evropejskaya integraciya: perezapusk idei «Social'noj Evropy» [European integration: restarting the idea of a "Social Europe"]. *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 15–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517> (In Russian).
- Bisson L.S. (2020) Evropejskaya social'naya model': sodержanie i ogranicheniya [The European Social Model: content and limitations]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 1(13), pp. 64–70. DOI 10.15211/vestnikieran120206470. EDN PFUFUC. (In Russian).
- Bol'shaya Evropa. Idei, real'nost', perspektivy* [Greater Europe. Ideas, reality, prospects]. (2014) Ed.: Al.A. Gromyko i V.P. Fyodorov. Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, Russia, pp. 334, 348. (In Russian).
- Govorova N.V. (2024) Social'naya ekonomika ES: put' k preodoleniyu neravenstva? [The EU Social economy: the way to overcome inequality?]. *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 140–150. DOI: 10.31857/S0201708324040119 (In Russian).
- Evropa v global'noj peresborke* [Europe in global reassembly]. (2023) [monografiya]. Institut Evropy RAN. Ed. Al.A. Gromyko. Izdatel'stvo «Ves' Mir», Institut Evropy RAN, Moscow, Russia, pp. 172–206. (In Russian).
- Evropa v krizisnom mire* [Europe in a crisis world]. (2022) [Kollektivnaya monografiya]. [Al.A. Gromyko i dr.; Ed. Al.A. Gromyko]. IE RAN, Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, Russia, p. 211. (In Russian).
- Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: personality, society, politics. New contours of the research field]. (2023) Otv. red. I.S. Semenenko. Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 182–183. (In Russian).
- Social'naya Evropa v XXI veke* [Social Europe in the 21st century]. (2011) Ed. M.V. Kargalovoj. Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, Russia. (In Russian).
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [Precariat: a new dangerous class]. Ad Marginem Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Careja, Romana & Emmenegger, Patrick & Giger, Nathalie. (2020) *The European Social Model under Pressure Liber Amicorum in Honour of Klaus Armingeon*: Liber Amicorum in Honour of Klaus Armingeon. 10.1007/978-3-658-27043-8.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen, Gosta. (2024) *Commentary: Children, the gender revolution, and social mobility*. In book: Research Handbook on Intergenerational Inequality, pp. 423–431. DOI: 10.4337/9781800888265.00041.
- Hawley, Adrian. (2023) Reviving Social Europe: a critical assessment of EU social policy in the wake of multiple crises. *European Journal of Government and Economics*, 12, 105–118. 10.17979/ejge.2023.12.2.9541.
- Kilpatrick, Claire. (2023) *The Roaring 20s for Social Europe. The European Pillar of Social Rights and burgeoning EU Legislation, forthcoming Transfer*: European Review of Labour and Research 29(2) 2023. Transfer. 29.
- Sapir A. (2002) Globalisation and the reform of European Social Models. *Journal of Common Market Studies*, 44(2), pp. 369–390.
- Sapir A. (2005) *Globalization and the Reform of European Social Models*. Published 1 November 2005. PSN: Other International Political Economy: Globalization (Topic). DOI:10.1111/j.1468-5965.2006.00627.x
- Vaughan-Whitehead, D. (2015) *The European Social Model in Crisis: Is Europe Losing Its Soul?* DOI: 10.4337/9781783476565.

УДК 325.14

ИНТЕГРАЦИЯ ГРАЖДАН ТРЕТЬИХ СТРАН В ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

© 2024 КРАМАРЕНКО Анастасия Сергеевна

Кандидат политических наук, научный сотрудник

Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ),

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17;

Заведующий сектором диаспоральных исследований-ведущий научный сотрудник

Центр центральноазиатских исследований,

Институт Китая и современной Азии РАН

117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32

E-mail: *a.kramarenko@hse.ru*

Поступила в редакцию 23.12.2023

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В статье проведен анализ включения долгосрочных резидентов – граждан третьих стран (third-country nationals) в электоральную систему европейских государств сквозь призму политики интеграции иммигрантов. До недавнего времени участие в избирательном процессе являлось устойчивым атрибутом гражданской принадлежности и не распространялось на иностранцев, а единственным вариантом их включения в политическое сообщество оставалась натурализация. Ситуация начала меняться во второй половине XX в., когда ряд европейских стран расширили возможности институционального участия сначала на резидентов – граждан государств в пределах ЕС, а затем и на граждан третьих стран. При этом в европейском политическом дискурсе проблема наделения последних избирательными правами продолжает оставаться дискуссионной и политизированной, что обусловлено социальными страхами, связанными с культурной и религиозной принадлежностью иммигрантов. Цель исследования – оценить степень электоральной инклюзивности европейских государств в отношении постоянно проживающих в ЕС граждан третьих стран. Для достижения указанной цели сформулирован теоретико-методологический аппарат, который базируется на теориях интеграции иммигрантов и политического участия, концепциях постнационализма, постмиграции и гражданства, а также работах, посвященных электоральному участию иностранцев и их инклюзии в избирательные системы об-

ществ-реципиентов. Рассмотрены нормативно-правовые и институциональные условия доступа граждан третьих стран к избирательным системам государств ЕС и выявлены типы электоральной инклюзивности. Сделан вывод, что одновременно с расширением возможностей электорального участия граждан третьих стран европейские государства устанавливают дополнительные механизмы имплицитного исключения, которые в условиях ксенофобии, дискриминации, недостаточного владения языком отрицательно влияют на электоральную активность.

Ключевые слова: иммиграция, электоральное участие, граждане третьих стран в ЕС, неграждане, политика интеграции иммигрантов, избирательное право, Европейский союз

DOI: 10.31857/S0201708324070167

Глобальные миграционные процессы привели к появлению в европейских странах социальной группы, обладающей правом на длительное проживание и выполняющей все обязательства перед государством, но лишенной избирательных прав – ненатурализованных иммигрантов. Некоторые исследователи определяют этот феномен как «дефицит демократии» [Blatter et al., 2017], создающий угрозу эффективному функционированию политической системы. Для того чтобы стимулировать интеграцию и обеспечить репрезентативность и легитимность власти, ряд стран ЕС расширил возможности электорального участия. Таким образом, устойчивая связь национального гражданства и права на доступ к осуществлению политической власти, характерная для эпохи модерна, постепенно трансформируется в современных условиях постмиграции¹.

Актуальность работы обусловлена недостатком российских политологических исследований, в которых проведен анализ процессов включения иностранцев в электоральную систему в контексте политики интеграции иммигрантов, их активного и пассивного электорального участия, а также европейского опыта электоральной эмансипации постоянно проживающих граждан третьих стран. Существующие работы, как правило, посвящены политическому участию и представительству граждан с миграционным прошлым [Новиков, 2020; Тэвдой-Бурмули, 2010] и политической активности иммигрантов-мусульман в европейских странах [Кисовская, 2016]. Статьи, в фокусе которых находятся ненатурализованные иммигранты, концентрируются на изучении возможностей участия в политических процессах [Чесноков, 2009] или исследуют проблемы юридического регулирования доступа к электоральным системам в различных странах [Старовойтова, Хвалев, 2016].

В зарубежном научном дискурсе существует ряд работ, которые посвящены теоретико-концептуальному и практическому осмыслению избирательных прав резидентов-неграждан [Munro, 2008; Seidle, 2014]. Отмечается необходимость устранения барьеров, связанных с социально-экономическим статусом прибывших из-за пределов ЕС, дискриминацией, недостаточным знанием языка и отрицательно

¹ Gaonkar A.M., Øst Hansen A.S., Post H.C., Schramm M. Postmigration. Art, Culture, and Politics in Contemporary Europe. Bielefeld. Transcript. 2021. P. 45.

влияющих на уровень электорального участия¹ [Aida, Anderson, 2012; Pettinicchio, de Vries, 2017]. Значительная часть экспертов сравнивает нормативно-правовые и институциональные условия участия граждан третьих стран в выборах различного административного-территориального уровня в государствах – членах ЕС² [Schmid et al., 2019]. В целом указанные исследования подчеркивают важность доступа граждан третьих стран к электоральному процессу, однако до сих пор недостаточно изучено влияние участия в выборах на процесс интеграции.

Электоральное участие как инструмент интеграционной политики

Политика интеграции иммигрантов представляет собой комплекс норм, институтов и практик в различных областях, посредством реализации которых иммигранты и местные жители преодолевают разногласия [Freeman, 2004: 946] и включает три основных элемента: политико-правовой, социально-экономический, культурно-религиозный³. Инкорпорирование в политическую систему обеспечивается в рамках наиболее широкого политико-правового элемента. Он охватывает правила приобретения и изменения миграционно-правового статуса, который регламентирует набор прав и обязанностей, степень доступа к социально-экономической и культурной сферам принимающего общества, а также к политической системе посредством расширения возможностей электорального участия до получения иммигрантами гражданства [Sontag et al., 2022].

Согласно концепции интеграции через участие [Munro, 2008], наделение избирательными правами ненатурализованных иммигрантов позволяет участвовать в принятии политических решений и развивает чувство принадлежности к национальному сообществу. Предоставление доступа к политической системе включает символический аспект, который состоит в демонстрации готовности власти и социума-реципиента воспринимать иностранных резидентов в качестве полноправных членов [Bauböck, 2007].

В европейских государствах наделение граждан третьих стран, обладающих статусом долгосрочного резидента (*long-term resident status*), электоральными правами на региональном и муниципальном административно-территориальных уров-

¹ Adamson G. Immigrants and political participation – background, theory, and empirical suggestions. The Fundamental Rights Agency (FRA). 01.06.2007. URL: <https://fra.europa.eu/en/publication/2009/immigrants-and-political-participation-background-theory-and-empirical-suggestions> (дата обращения: 20.12.2023).

² Arrighi J.-T., Bauböck R., Collyer M., Hutcheson D., Moraru M., Khadar L., Shaw J. Franchise and electoral participation of third country citizens residing in EU and of EU citizens residing in third countries. The European Parliament's Committee on Constitutional Affairs. 03.04.2013. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/474441/IPOL-AFCO_ET\(2013\)474441_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/474441/IPOL-AFCO_ET(2013)474441_EN.pdf) (дата обращения: 14.11.2023).

³ Penninx R. Integration of Migrants. Economic, Social, Cultural and Political Dimensions. The New Demographic Regime: Population Challenges and Policy Responses. Ed. by Macura M., MacDonald A.L., Haug. W. Geneva. UN. 2005. P. 139.

нях выступает важным инструментом политической интеграции и стимулирования институционального участия. Во-первых, это позволяет включить ненатурализованных иммигрантов, длительно проживающих в стране, регулярно платящих налоги и имеющих право на голосование и репрезентацию в органах власти¹, в процесс принятия политических решений. Во-вторых, способствует интеграции через символическое признание и сопричастность. Если в качестве критерия эффективности политической интеграции рассматривать явку, то наделение электоральными правами иностранцев-резидентов стимулирует их участие в последующих выборах. Особенно этот эффект заметен среди иммигрантов из государств со слабыми демократическими институтами [Ferwerda et al., 2020]. Доступ к избирательному праву и участие в выборах может воздействовать и на другие объективно трудноопределяемые аспекты интеграции, такие как доверие институтам или идентификация с принимающим обществом.

В условиях нормативно-правового исключения из политического процесса и отсутствия возможностей для результативного институционального влияния иммигранты-резиденты могут предпочесть участие в публичных неконвенциональных формах политической активности для привлечения внимания правительства [Koormans, Statham, 1999]. Согласно другой точки зрения, из-за непрочного правового и социального статуса в принимающем обществе они будут избегать конфронтационных форм политической активности [Aida, Anderson, 2012]. Именно натурализация позволяет преодолеть это барьер и наделяет иммигранта правовыми и психосоциальными ресурсами для протестного неформального политического участия, которое включает крайние формы политического активизма, спонтанные акции протеста и гражданского неповиновения, забастовки, захваты зданий государственных учреждений.

В ситуации постмиграции расширение электорального права на социальную группу, традиционно исключенную из процесса голосования, минимизирует риск ее протестной мобилизации и выступает инструментом создания структуры возможностей институционального участия.

Электоральное участие иностранцев-резидентов исследуется в рамках общей теории политического участия², но оно обладает рядом специфических особенностей, связанных с их иммиграционным прошлым. Особенно это актуально для постоянно проживающих в ЕС граждан третьих стран. Восприятие хрупкости правового и социального положения в принимающем государстве [Aida, Anderson, 2012], ограниченность экономических ресурсов и социальных связей [Pettinicchio, de Vries, 2017: 532], недостаточное владение языком, длительное проживание в государствах с недемократическими режимами, где любые формы политической актив-

¹ Groenendijk K. Local Voting Rights for Non-Nationals in Europe: What We Know and What We Need to Learn. Migration Policy Institute. 01.04.2007. URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Groenendijk-final%5B1%5D.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).

² Adamson G. Immigrants and political participation – background, theory, and empirical suggestions.

ности либо имитируются, либо жестко подавляются властью, отрицательно влияют на электоральное участие¹. Для женщины в рамках патриархальной системы надевание избирательными правами не имеет значения, а мужчина, находящийся после иммиграции в длительном процессе трансформации ассиметричных гендерных взаимоотношений и теряющий прежнее доминирующее положение в семье, становится политически и социально пассивным. Иммигранты могут осознавать значение собственного голоса в демократической структуре властно-общественных отношений и переходить к активному политическому участию в течение нескольких поколений. Ксенофобия и дискриминация на основе этнической, культурной или религиозной принадлежности, с которыми в странах ЕС сталкиваются 20% граждан третьих стран², являются препятствиями для интеграции и активного политического участия.

Таким образом, расширение возможностей электорального участия длительное время проживающих в ЕС граждан третьих стран выступает не только инструментом интеграции в политическую систему, но и ответом на сложившуюся в европейских государствах ситуацию «невсеобщего» избирательного права [Schmid et al., 2019]. Мобилизация, репрезентация и влияние иммигрантов на принятие решений обеспечивают демократическую легитимацию избираемой власти. Значительная доля европейских стран не предоставляет избирательных прав гражданам-резидентам, которые прибыли из-за пределов ЕС, а государства, гарантирующие такие права, устанавливают различные нормативно-правовые, административные и институциональные ограничения.

Степень электоральной инклюзивности европейских стран

На конец 2022 г. более 12 млн иммигрантов – граждан стран, не входящих в ЕС, обладали разрешениями на долгосрочное проживание (*non-EU citizens with long-term residence*) на территории Евросоюза, что составляет 54,5% всех граждан третьих стран, обладающих какими-либо правами резидентства в интеграционном объединении³. Наибольшее их число проживает в Испании (3 001,2 тыс. чел.), Германии (2 509,1), Франции (2 427,2), Италии (2 009,2)⁴. В топ третьих стран, граждане которых имеют статус долгосрочного резидента в ЕС, входят Марокко (1 549,5 млн

¹ Там же.

² Indicators of Immigrant Integration 2023. OECD, European Commission. 15.06.2023. URL: <https://migrant-integration.ec.europa.eu/system/files/2023-08/Settling%20in%20report%20final%20EN.pdf> (дата обращения: 16.11.2023).

³ Migrant integration statistics - active citizenship. Eurostat. 09.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migrant_integration_statistics_-_active_citizenship (дата обращения: 16.11.2023).

⁴ Long-term residence permits valid at the end of the year. Eurostat. 09.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migrant_integration_statistics_-_active_citizenship#Long-term_residence_permits_valid_at_the_end_of_the_year (дата обращения: 16.11.2023).

чел.); Турция (1 484,1 млн чел.); Китай, включая Гонконг (630,5 тыс. чел.), и Алжир (621,3 тыс. чел.)¹. Электоральная эмансипация граждан третьих стран не коррелирует с их количеством: из перечисленных государств только Испания гарантирует доступ к муниципальным выборам в законодательные органы ограниченному кругу ненатурализованных иммигрантов из-за пределов ЕС².

В отличие от граждан государств – членов ЕС, имеющих право голосовать и баллотироваться в качестве кандидатов на муниципальных выборах в стране проживания, а также голосовать на выборах в Европарламент³, возможности электорального участия иммигрантов ограничены. Это обусловлено тесной связью избирательных прав с вопросами национальной идентичности и стремлением сократить участие в политическом процессе иммигрантов из государств культурно и религиозно отличных от европейских. Первая попытка нормативного расширения избирательных прав граждан третьих стран на европейском пространстве была осуществлена в 1992 г.: Совет Европы принял конвенцию, которая гарантирует иностранным резидентам право избирать и быть избранными в муниципальные органы власти при условии законного и постоянного проживания в течение пяти лет⁴. Ее ратифицировали и подписали Дания, Италия, Нидерланды, Финляндия, Чехия, Швеция, Кипр, Литва и Словения⁵.

В 2003 г. принята директива Совета ЕС о статусе долгосрочных резидентов-граждан третьих стран, которая гарантирует им равные с гражданами государств Евросоюза социально-экономические и культурные права после пятилетнего законного проживания⁶. Однако в документе не упоминаются избирательные права: решение этих вопросов происходит на национальном уровне. В результате сформирова-

¹ Top 10 countries whose citizens have long-term residence in the EU and destination countries 2022. Eurostat. 09.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migrant_integration_statistics_-_active_citizenship#Long-term_residence_permits_valid_at_the_end_of_the_year (дата обращения: 19.11.2023).

² Conditions for Electoral Rights 2019. Global Citizenship Observatory (GLOBALCIT). 01.01.2019. URL: <https://globalcit.eu/conditions-for-electoral-rights/> (дата обращения: 26.11.2023).

³ Document 12012P/TXT. Charter of Fundamental Rights of the European Union EUR-Lex. 26.10.2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (дата обращения: 19.11.2023).

⁴ Convention on the Participation of Foreigners in Public Life at Local Level. Strasbourg, European Treaty Series. No. 144. Council of Europe. 05.11.1992. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007bd26> (дата обращения: 19.11.2023).

⁵ Таблица подписей и ратификации договора 144. Официальный сайт Совета Европы. 28.12.2023. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/144/signatures?p_auth=1PnFGRY7 (дата обращения: 19.11.2023).

⁶ Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents. EUR-Lex. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32003L0109&from=en> (дата обращения: 20.11.2023).

ровались различные системы электорального участия граждан третьих стран¹, которые по степени инклюзивности можно разделить на три типа.

1. Избирательными правами наделены все резиденты-граждане третьих стран, отвечающие определенным требованиям, например длительности постоянного проживания (Бельгия, Литва, Эстония, Венгрия, Люксембург, Нидерланды, Словакия и Ирландия).

2. Избирательными правами наделены конкретные национальные группы резидентов – граждан третьих стран на основании международных договоров, членства в межгосударственных организациях или тесных исторических, языковых и культурных связей. Например, Испания и Португалия гарантируют избирательные права гражданам испано- и португальскоязычных стран [Schmid et al., 2019]. Промежуточное положение между первым и вторым типом занимают Финляндия, Швеция, Дания, предоставляющие избирательные права как гражданам третьих стран на местном уровне при соблюдении минимальных требований к проживанию, так и электоральные предпочтения гражданам Норвегии и Исландии в рамках Северного паспортного союза (*Nordic Passport Union*) [Ericsson, 2020].

3. Резиденты – граждане третьих стран исключены из электоральной системы, в то время, как другие группы иностранных резидентов обладают избирательными правами. Австрия, Германия, Франция, Италия, Латвия, Польша, Румыния, Чехия, Хорватия, Мальта, Кипр и Болгария допускают к участию в выборах в муниципалитеты и Европейский парламент только граждан других стран ЕС.

Постоянно проживающие в ЕС граждане третьих стран, как правило, наделяются активным избирательным правом в муниципальные легислатуры. Это позволяет, с одной стороны, сохранять взаимосвязь гражданства и права на участие в выборах национального уровня, с другой – развивать локальную идентичность и ответственность иммигрантов. На данном уровне наблюдается наибольшая вариативность систем электоральной инклюзии.

Так, в Словакии резиденты-граждане третьих стран могут избирать и быть избранными в муниципальные органы исполнительной власти, в Словении и Венгрии – только избирать. Возможность активного и пассивного электорального участия в выборах в муниципальные легислатуры обеспечивают Дания, Финляндия, Ирландия, Литва, Нидерланды, Люксембург, Словакия и Швеция. Словения, Венгрия и Бельгия разрешают только голосовать².

Одновременно с постепенной нормативно-правовой либерализацией доступа граждан третьих стран к электоральному участию в европейских государствах устанавливаются институциональные механизмы имплицитного исключения, такие как квалификационный период непрерывного проживания, правовой статус

¹ Arrighi J.-T., Bauböck R., Collyer M., Hutcheson D., Moraru M., Khadar L., Shaw J. Franchise and electoral participation ...

² Conditions for Electoral Rights 2019.

долгосрочного резидента и способ регистрации для участия в электоральном процессе¹.

Квалификационный период варьируется от двух (Финляндия) до пяти лет (подавляющее большинство стран ЕС)². В некоторых государствах он идентичен или выше требований длительности проживания для получения права на натурализацию. Например, ст. 8 п. С закона о гражданстве Нидерландов (*Rijkswet op het Nederlanderschap*)³ и ст. 12 п. 2 бельгийского кодекса о гражданстве (*Code de la nationalité belge*)⁴ требуют пять лет постоянного проживания для получения и гражданства, и избирательных прав на местном уровне иностранцами из третьих стран⁵. Согласно кодексу о гражданстве Испании (*Código de Nacionalidad*), граждане иberoамериканских стран могут натурализоваться через два года постоянного проживания⁶, а получить право голоса только через пять лет⁷.

Дополнительное препятствие для доступа резидентов – граждан третьих стран к избирательной кампании и голосованию – процедура регистрации. Если в Дании, Венгрии, Литве, Нидерландах, Словакии, Словении и Швеции предусмотрена автоматическая регистрация, а в Бельгии, Португалии (за исключением граждан Бразилии) и Испании – самостоятельная по месту проживания, то в Финляндии необходимо регистрироваться в муниципальном офисе не позднее, чем за 80 дней до каждых выборов⁸. В Люксембурге требуется не только зарегистрироваться в списке избирателей за 87 дней до выборов, но и предоставить письменное заявление с указанием гражданской принадлежности, домашнего адреса и сертификат, подтверждающий законное проживание на территории страны⁹. В Бельгии вместе с разовой процедурой регистрации подается письменное заявление с клятвой соблюдать Конституцию, бельгийские законы и Европейскую конвенцию по правам человека¹⁰.

Указанные механизмы неявного электорального исключения снижают явку граждан третьих стран, искажают репрезентативность голосования и ставят под сомнение легитимность демократической системы. При сохранении за обладате-

¹ Arrighi J.-T., Bauböck R., Collyer M., Hutcheson D., Moraru M., Khadar L., Shaw J. Franchise and electoral participation ...

² Conditions for Electoral Rights 2019.

³ Rijkswet op het Nederlanderschap. Geldend van 01-10-2023 t/m heden. Overheid.nl. 01.10.2023. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0003738/2023-10-01> (дата обращения: 26.11.2023).

⁴ Code de la nationalité belge. 28 Juin 1984. JUSTEL - Législation consolidée. URL: <http://www.ejustice.just.fgov.be/eli/loi/1984/06/28/1984900065/justel> (дата обращения: 28.11.2023).

⁵ Conditions for Electoral Rights 2019...

⁶ Código de Nacionalidad. Boletín Oficial del Estado. 14.02.2023. URL: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/codigo.php?id=414&modo=2¬a=0&tab=2 (дата обращения: 26.11.2023).

⁷ Conditions for Electoral Rights 2019.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

лями гражданства права на участие в национальных выборах существование таких механизмов на выборах в муниципалитеты не оправдано, за исключением статуса резидента. Длительный квалификационный период в ряде европейских стран нивелирует основной смысл наделяния иммигрантов избирательными правами. Риски коренной трансформации институтов общества-реципиента или влияния третьей страны на внутреннюю политику посредством участия иммигрантов в выборах низового уровня минимальны. Одновременно расширение электоральных прав выступает политическим инструментом стимулирования участия уязвимых групп иммигрантов из демократически неразвитых стран.

Заключение

Массовая международная миграция привела к увеличению несоответствия понятий «место жительства» и «гражданство» и неоднородности распределения гражданских и политических прав среди населения государств-реципиентов. В европейских странах проживает значительное число ненатурализованных иммигрантов, лишенных возможности влиять на принятие политических решений.

Объем предоставляемых резидентам – гражданам третьих стран прав неравномерен, поливариантен и различается от страны к стране, что отражает существующие нормативно-правовые, политические, институциональные и культурные особенности, а также доминирующие представления о социально-политическом устройстве. По степени электоральной инклюзивности европейские государства дифференцированы следующим образом: избирательные права гарантируются всем иностранным резидентам вне зависимости от их национальной принадлежности; только определенным национальным группам; граждане третьих стран полностью исключаются из избирательной системы. Наиболее распространенный формат – предоставление активных избирательных прав на выборах в законодательные органы власти муниципального уровня.

Вместе с тем европейские национальные правительства стремятся ограничить фактическое электоральное участие при помощи различных нормативных ограничений и институциональных механизмов имплицитного исключения: квалификационный период непрерывного проживания на территории страны, статус долгосрочного резидента и процедуры регистрации для участия в электоральном процессе. Поскольку на участие граждан третьих стран отрицательно влияют специфические факторы, связанные с иммиграционным прошлым, такие как дискриминация и ксенофобия, языковые проблемы, социализация в рамках недемократических структур страны происхождения, указанные барьеры дополнительно снижают вероятность участия и возможность влиять на принятие политических решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кисовская Н.К. (2016) Политическое участие европейских мусульман как фактор интеграции иммигрантов. *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в*

странах Запада и в России. Под. ред. В.И. Пантина, И.С. Семененко, В.В. Лапкина, К.Г. Холодковского. ИМЭМО РАН, Москва. С. 75–90.

Новиков К.Е. (2020) Интеграция политиков с иммигрантскими корнями в политическую систему Великобритании. *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. № 3(98). С. 181–200. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-181-200.

Старовойтова Е.И., Хвалёв С.А. (2016) Предоставление избирательного права иностранным гражданам в зарубежных странах. *Сибирский юридический вестник*. № 3(74). С. 152–160.

Тэвдой-Бурмули А.И. (2010) Политическое представительство иммигрантов в современной Европе: Проблемы формирования «Нового европейца». *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 13–33.

Чесноков А.С. (2009) Участие иммигрантов-неграждан в политических процессах в принимающих странах. *Социум и власть*. № 4(24). С. 49–54.

Bauböck R. (2007) *Migration and Citizenship: Legal Status, Rights and Political Participation*. Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands. 128 p.

Blatter J., Schmid S.D., Blättler A.C. (2017) Democratic deficits in Europe: The overlooked exclusiveness of nation-states and the positive role of the European Union. *Journal of Common Market Studies*. No. 55(3). P. 449–467. DOI: 10.1111/jcms.12491

Ericsson M. (2020) Enfranchisement as a Tool for Integration: The 1975 Extension of Voting Rights to Resident Aliens in Sweden. *Immigrants & Minorities*. Vol. 38. Iss. 3. P. 233–253. DOI: 10.1080/02619288.2021.1877138

Ferwerda J., Finseraas H., Bergh J. (2020) Voting Rights and Immigrant Incorporation: Evidence from Norway. *British Journal of Political Science*. Vol. 50. Iss. 2. P. 713–730. DOI: 10.1017/S0007123417000643

Freeman G.P. (2004) Immigrant Incorporation in Western Democracies. *International Migration Review*. Vol. 38(3). P. 945–969. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00225

Koopmans R., Statham P. (1999) Challenging the Liberal Nation State? Postnationalism, Multiculturalism, and the Collective Claims Making of Migrants and Ethnic Minorities in Britain and Germany. *American Journal of Sociology*. No. 105(3). P. 652–696. DOI: 10.1086/210357

Munro D. (2008) Integration Through Participation: Non-Citizen Resident Voting Rights in an Era of Globalization. *Journal of International Migration and Integration*. No. 9(1). P. 63–80. DOI: 10.1007/s12134-008-0047-y

Pettinicchio D., de Vries R. (2017) Immigrant Political Participation in Europe: Comparing Different Forms of Political Action Across Groups. *Comparative Sociology*. No. 16(4). P. 523–554. DOI: 10.1163/15691330-12341436

Schmid S.D., Piccoli L., Arrighi J.-T. (2019) Non-universal suffrage: measuring electoral inclusion in contemporary democracies. *European Political Science*. Vol. 18. P. 695–713. DOI: 10.1057/s41304-019-00202-8

Seidle F.L. (2014) Local Voting Rights for Non-Nationals: Experience in Sweden, the Netherlands and Belgium. *Journal of International Migration and Integration*. No. 16(1). P. 27–42. DOI: 10.1007/s12134-014-0335-7

Sontag K., Herzog M., Lässer, S. (2022) Struggles for democracy: strategies and resources of initiatives for non-citizen voting rights at local levels in Europe. *Comparative Migration Studies*. Vol. 10. Iss. 17. DOI: 10.1186/s40878-022-00286-0

Integration of Third-Country Nationals into the Electoral System of European States

A.S. Kramarenko

Candidate of Sciences (Politics), Research Fellow

*Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), HSE University
17/1 Malaya Ordynka Str.; Moscow, Russia, 119017;*

*Head of the Diaspora Studies Sector, Leading Researcher, Center for Central Asian Studies
The Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovskii Pros., Moscow, Russia, 117997, E-mail: a.kramarenko@hse.ru*

Abstract. The article focuses on the analysis of the inclusion of third-country nationals in the electoral systems of European states from the perspective of immigrant integration policies. Until recently, participation in the electoral process was a stable attribute of national citizenship and was not extended to foreigners, and the only option for their inclusion in the political community remained naturalization. The situation began to change in the second half of the 20th century, when a number of European countries expanded the possibility of institutional participation, first to citizens from other states within the European Union and then to third-country nationals. At the same time, in European political discourse, the rationality of giving voting rights to the latter continues to be a debated and politicised issue, owing to social fears related to the cultural and religious affiliation of immigrants. The aim of the study is to assess the degree of electoral inclusion in European states. To achieve this goal, a theoretical and methodological apparatus has been formulated based on theories of immigrant integration and political participation, concepts of post-nationalism, post-migration, and citizenship, as well as works devoted to the electoral participation of foreigners and their inclusion in the electoral systems of recipient societies. The regulatory and institutional conditions for access of third-country nationals to the electoral systems of EU countries were examined, and types of electoral inclusion were identified. The main conclusion of the work is that, at the same time as the possibilities of electoral participation of third-country nationals are increased, the European States are establishing additional mechanisms of implicit exclusion, which, in the context of xenophobia, discrimination, and insufficient knowledge of the language of the country of residence, adversely affect their electoral activity.

Keywords: immigration, electoral participation, third-country nationals, non-citizens, immigrant integration policy, voting rights, European Union

DOI: 10.31857/S0201708324070167

REFERENCES

- Bauböck R. (2007) *Migration and Citizenship: Legal Status, Rights and Political Participation*, Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands.
- Blatter J., Schmid S.D., Blättler A.C. (2017) Democratic deficits in Europe: The overlooked exclusiveness of nation-states and the positive role of the European Union, *Journal of Common Market Studies*, 55(3), pp. 449–467. DOI: 10.1111/jcms.12491
- Chesnokov A.S. (2009) Uchastie immigrantov-negrazhdan v politicheskikh protsessakh v priniyayushchikh stranakh [Participation of non-national immigrants in political processes in host countries], *Sotsium i vlast'*, 4(24), pp. 49–54. (In Russian).

- Ericsson M. (2020) Enfranchisement as a Tool for Integration: The 1975 Extension of Voting Rights to Resident Aliens in Sweden, *Immigrants & Minorities*, 38(3), pp. 233–253. DOI: 10.1080/02619288.2021.1877138
- Ferwerda J., Finseraas H., Bergh J. (2020) Voting Rights and Immigrant Incorporation: Evidence from Norway, *British Journal of Political Science*, 50(2), pp. 713–730. DOI: 10.1017/S0007123417000643
- Freeman G.P. (2004) Immigrant Incorporation in Western Democracies, *International Migration Review*, 38(3), pp. 945–969. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00225
- Kisovskaya N.K. (2016) Politicheskoe uchastie evropeiskikh musul'man kak faktor integratsii immigranтов, in Pantin V.I., Semenenko I.S., Lapkin V.V., Kholodkovskii K.G. (ed.), *Prognozirovanie sotsial'no-politicheskikh protsessov i konfliktov v stranakh Zapada i v Rossii* [Forecasting socio-political processes and conflicts in the countries of the West and in Russia], IMEMO RAN, Moscow, Russia, pp. 75–90. (In Russian).
- Koopmans R., Statham P. (1999) Challenging the Liberal Nation State? Postnationalism, Multiculturalism, and the Collective Claims Making of Migrants and Ethnic Minorities in Britain and Germany, *American Journal of Sociology*, 105(3), pp. 652–696. DOI: 10.1086/210357
- Munro D. (2008) Integration Through Participation: Non-Citizen Resident Voting Rights in an Era of Globalization, *Journal of International Migration and Integration*, 9(1), pp. 63–80. DOI: 10.1007/s12134-008-0047-y.
- Novikov K.E. (2020) Integratsiya politikov s immigrantskimi kornyami v politicheskuyu sistemu Velikobritanii [Integration of politicians with immigrant roots into the British political system], *Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz»*, 3(98), pp. 181–200. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-181-200 (In Russian).
- Pettinichio D., de Vries R. (2017) Immigrant Political Participation in Europe: Comparing Different Forms of Political Action Across Groups, *Comparative Sociology*, 16(4), pp. 523–554. DOI: 10.1163/15691330-12341436
- Schmid S.D., Piccoli L., Arrighi J.-T. (2019) Non-universal suffrage: measuring electoral inclusion in contemporary democracies, *European Political Science*, 18, pp. 695–713. DOI: 10.1057/s41304-019-00202-8
- Seidle F. L. (2014) Local Voting Rights for Non-Nationals: Experience in Sweden, the Netherlands and Belgium, *Journal of International Migration and Integration*, 16(1), pp. 27–42. DOI: 10.1007/s12134-014-0335-7
- Sontag K., Herzog M., Lässer S. (2022) Struggles for democracy: strategies and resources of initiatives for non-citizen voting rights at local levels in Europe, *Comparative Migration Studies*, 10(17). DOI: 10.1186/s40878-022-00286-0
- Starovoitova E.I., Khvalev S.A. (2016) Predostavlenie izbiratel'nogo prava inostrannym grazhdanam v zarubezhnykh stranakh [Granting voting rights to foreign nationals in foreign countries], *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 3(74), pp. 152–160. (In Russian).
- Tehvdoi-Burmuli A.I. (2010) Politicheskoe predstavitel'stvo immigranтов v sovremennoi Evrope: Problemy formirovaniya «Novogo evropeitsa» [Political representation of immigrants in modern Europe: The problems of forming the «New European»], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 13–33. (In Russian).

УДК 327

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ИРЛАНДИЯ

© 2024 ОХОШИН Олег Валерьевич

Кандидат исторических наук

Старший научный сотрудник Центра британских исследований

Отдела страновых исследований Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: ohoshin89@gmail.com

Поступила в редакцию 07.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В 2023 г. в Дублине произошли массовые антииммигрантские беспорядки на фоне роста количества просителей убежища. Эти события показали, что правительство Республики Ирландия постепенно утрачивает контроль над ситуацией и не способно в полной мере обеспечить расселение и эффективную интеграцию мигрантов в принимающее общество. Ирландия планировала сохранить конкурентоспособность своей национальной экономики за счет привлечения высококвалифицированных рабочих из новых государств–членов ЕС. Соответственно было пересмотрено миграционное законодательство, которое смягчило правила въезда в страну. Однако в 2010-х гг. миграционный тренд изменился – в Ирландии резко возросла доля граждан третьих стран, которые наполнили рынок дешевой рабочей силы. Одновременно усиливался приток беженцев после «Арабской весны» и переселенцев с начала специальной военной операции на Украине. Миграционные волны оказывали дополнительное давление на государственный бюджет, общественные службы, городскую инфраструктуру и социальную стабильность. В 2024 г. Республика Ирландия присоединилась к пакту ЕС по миграции. В статье на основе системного и проблемно-хронологического методов проанализирована трансформация государственной миграционной политики в ее тесной взаимосвязи с Великобританией и ЕС, а также с динамикой миграционных трендов в Республике Ирландия в XXI веке.

Ключевые слова: Республика Ирландия, Великобритания, ЕС, миграционная политика, общая зона передвижения, политика предоставления убежища

DOI: 10.31857/S0201708324070179

Введение

Стремительный рост миграции в XXI в. стал одним из основных глобальных вызовов для современной Европы. Этот относительно богатый и политически стабильный регион мира привлекает иностранных граждан, в особенности из демографически быстро растущих стран с более низким уровнем социально-экономического, политического и культурного развития. Республика Ирландия испытывает на себе общеевропейский тренд, связанный с ростом миграционных волн.

Дублин формирует свою миграционную политику на основе тесного сотрудничества с Соединенным Королевством, совместно совершенствуя правовые механизмы зоны общего передвижения¹, а также на основе принципа солидарности государств-членов ЕС, которые укрепляют общую систему по управлению миграционными процессами. Такой комплексный подход направлен на адаптацию Республики Ирландия к усилению миграционных потоков, которые движутся в страну из Великобритании и континентальной Европы. Кроме того, Великобритания, входившая в состав ЕС до 2020 г., и Ирландия согласно Амстердамскому договору 1997 г. получили исключительные права, которые позволяли не входить в Шенгенскую зону и самостоятельно осуществлять меры миграционного контроля.

Совместная миграционная политика Великобритании и Республики Ирландия

Республика Ирландия и Соединенное Королевство имеют общую открытую сухопутную границу и разработали нормативную базу, которая обеспечивает свободное перемещение своих граждан через нее и способствует активному сотрудничеству в сфере миграционной политики. С 1922 г. действует соглашение об общей зоне передвижения, которое предоставляет гражданам двух стран право на свободное передвижение и проживание в любой из них, а также доступ к определенным правам и привилегиям: работать, учиться и голосовать на выборах, иметь доступ к социальным пособиям и медицинским услугам. В то же время для мигрантов, которые пребывают в Великобританию и Ирландию, действуют иные правила въезда и проживания.

В 2011 г. Лондон и Дублин подписали совместное заявление, в котором изложили программу укрепления общей зоны передвижения – расширить инвестиции в обеспечение пограничных процедур и обмен данными для информирования об административных решениях в миграционной сфере². В том же году был принят совместный меморандум, который позволил получать друг от друга актуальные

¹ Англ. Common Travel Area.

² Joint Statement by Minister for immigration of the United Kingdom and Minister for Justice and Equality of the Republic of Ireland. 2011. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a78a8e240f0b62b22cbbc45/21197-mea-sec-trav.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

сведения о биометрии и биографии приезжих из стран высокого миграционного риска¹ (Бангладеш, Гана, Индия, Иран, Китай, Нигерия, Пакистан, Шри-Ланка), которые поступали в Ирландскую службу натурализации и иммиграции (INIS) и Пограничное агентство Великобритании (UKBA).

В рамках дальнейшего укрепления правовых основ общего миграционного регулирования Лондон и Дублин в 2019 г. подписали совместный меморандум, подтвердивший сохранение зоны общего передвижения «в контексте брекзита, а также признания прочных и устойчивых связей между людьми и давней традиции миграции между Великобританией и Республикой Ирландия»². Под эгидой соглашения для въезда или пребывания в Соединенном Королевстве ирландцам не требуется виза, вид на жительство или разрешение на работу. То же самое относится к британцам, которые въезжают в Республику Ирландия. В 2020 г. Британия приняла Закон о координации иммиграции и социального обеспечения³, который отменял свободное перемещение для граждан ЕС по ее территории и создал нормативную основу для введения балльной миграционной системы. Подтверждался особый правовой статус ирландских граждан, который позволяет им свободно въезжать и находиться в Соединенном Королевстве⁴.

После брекзита резко увеличилось количество запросов от британцев на получение ирландских паспортов, чтобы сохранить за собой право свободного передвижения по Евросоюзу. Обязательным условием для их выдачи остается подтверждение со стороны кандидата ирландских корней во втором или третьем поколении. Количество соответствующих обращений с 2010 по 2019 гг. возросло почти в 2,5 раза – с 62,2 тыс. до 145,6 тыс.⁵ Процесс замедлился в период пандемии COVID-19, но затем шел более быстрыми темпами [Бабынина, Осколков, 2022]. За неполные 5 месяцев с начала 2024 г. жители Северной Ирландии получили более 480 тыс. ирландских паспортов, и эта цифра продолжает расти⁶. Иммиграция британских граждан с экономической точки зрения выгодна Республике Ирландия, которая заинтересована в притоке квалифицированной рабочей силы.

¹ Страны высокого миграционного риска – список государств, граждане которых постоянно нарушают правила пребывания в другой стране.

² Memorandum of Understanding between the Government of the United Kingdom and the Government of Ireland concerning the Common Travel Area and associated reciprocal rights and privileges. 2019. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5cd29d56ed915d50b5a206d1/CTA-MoU-UK.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Англ. The Immigration and Social Security Coordination (EU Withdrawal) Act 2020.

⁴ Immigration and Social Security Co-ordination (EU Withdrawal) Act 2020. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/20/contents/enacted> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Do more than 700,000 born in Northern Ireland have an Irish passport? Fact Checking Service of Northern Ireland. URL: <https://factcheckni.org/topics/europe/do-more-than-700000-born-in-northern-ireland-have-an-irish-passport/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ Irish passport holders issued warning as thousands urged to take action before summer holidays. Belfast Live. 19.05.2024. URL: <https://www.belfastlive.co.uk/news/irish-passport-holders-issued-warning-29201314> (дата обращения: 01.11.2024).

Серьезные опасения ирландского правительства вызвал противоречивый закон «О безопасности Руанды», который был принят в Великобритании в начале 2024 г. Ранее изменения в миграционном законодательстве Британии предусматривали, что незаконно прибывшие в нее иностранные граждане лишаются права ходатайствовать об убежище и должны высылаться в любое безопасное государство, через которое пролегал их маршрут. Договоренности о высылке такой категории мигрантов были достигнуты с Руандой, признанной по закону безопасной страной. Помимо этого, между Лондоном и Кигали в 2023 г. подписан договор, содержащий гарантии невысылки просителей убежища в любую другую страну, кроме как обратно в Великобританию по специальному запросу. Предполагалось создать независимый комитет по мониторингу, совместный комитет для обсуждения передового опыта и новый апелляционный орган [Годованюк, 2023]. Инициатива британских властей явно противоречила международному праву (Европейской конвенции по правам человека 1950 г., Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г.) и вызвала резкий протест Европейского суда по правам человека, Верховного суда Великобритании и Верховного комиссара ООН по правам человека.

В свою очередь ирландское правительство стало разрабатывать чрезвычайное законодательство для депортации нелегальных мигрантов, которые прибывали из Соединенного Королевства. Премьер-министр С. Харрис заявил, что его страна «не будет предоставлять лазейку для решения чужих миграционных проблем»¹. Сглаживанию нарастающего конфликта в этой сфере между Лондоном и Дублином способствовало поражение британских консерваторов на всеобщих выборах летом 2024 г. Пришедшие к власти лейбористы заявили, что откажутся от депортации нелегальных мигрантов в Руанду. Как подчеркнул премьер-министр К. Стармер, «эта схема была мертва и похоронена еще до ее реализации и никогда не являлась сдерживающим фактором для притока беженцев в Соединенное Королевство»².

Изменение миграционных трендов в Ирландии

В 2018 г. ирландское правительство представило амбициозную программу социально-экономического развития страны – Проект «Ирландия-2040». В нем поставлена приоритетная задача – обеспечить полную занятость населения и преодолеть жилищный кризис в последующие двадцать лет. Планируется создать 660 тыс. новых рабочих мест и дополнительно построить 550 тыс. домов с учетом прогнозируемого прироста населения на 1 млн человек³. Власти ожидают увеличения его численности не за счет ирландских граждан, а за счет мигрантов. Рождаемость в

¹ Ireland will not provide “loophole” for UK migration challenges. RTE. 29.04.2024. URL: <https://www.rte.ie/news/politics/2024/0428/1446160-asylum-immigration/> (дата обращения: 01.11.2024).

² New UK leader Starmer declares Rwanda deportation plan “dead and buried”. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/uk/new-uk-pm-starmer-confirms-end-rwanda-asylum-deportation-scheme-2024-07-06/> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Project Ireland-2040. National Planning Framework. 2018. URL: <https://www.npf.ie/wp-content/uploads/Project-Ireland-2040-NPF.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

Республике в период с 2000 по 2024 г. снизилась (с 54,3 до 52,7 тыс. чел. в год)¹, в то время как смертность возросла (с 31 до 36 тыс. чел. в год)², а средний возраст населения увеличился (с 31 до 39 лет)³. Ожидается, что приток высококвалифицированной иностранной рабочей силы оздоровит национальную экономику и повысит ее конкурентоспособность.

С XXI века миграционные тренды в Ирландии существенно изменились. Как отмечали эксперты Института социально-экономических исследований и Университетского колледжа Дублина Ф. Макгиннити и Ф. О’Коннелл, в связи с экономическим бумом и ростом занятости, которые начались в 1980-х гг., произошел всплеск иммиграции – в 2006 г. в стране 10% населения представляли иностранные граждане. Практически половину всех мигрантов (48%) в 2007 г. составляли выходцы из новых государств-членов ЕС [O’Connell, MacGinniti, 2008].

Правительство активно стимулировало переезд трудовых мигрантов из Европы. В 2004 г. был принят Закон об иммиграции (англ. Immigration Act 2004), который остается основным источником права, регулирующим правила въезда в страну для иностранных граждан, режим пребывания в ней и определяющим круг полномочий Министерства юстиции в сфере миграционного контроля⁴. Ирландия в 2006 г. присоединилась к Директиве 2004/38/ЕС, упразднившей обязанность граждан ЕС получать вид на жительство, заменив его более простой системой регистрации по месту проживания⁵.

Мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. изменил миграционные тренды в Республике Ирландия – значительно возросла эмиграция ее граждан и заметно увеличилась доля приезжих из развивающихся стран. За период 2009–2015 гг. уровень чистой миграции среди иностранцев возрос до 10 тыс. человек, а среди ирландцев упал до отрицательного значения (-143 тыс. человек)⁶. Соотношение стран-доноров рабочей силы для Республики Ирландия также изменилось – уменьшилась доля ЕС (с 53 до 35%), Великобритании (с 17 до 15%), США (с 4,4 до 3,2%) и возросла доля остальных стран мира (с 17,6 до 40,4%), прежде всего Бразилии, Индии, Китая, Нигерии, Филиппин [O’Connell, Joyce, Whelan, 2016]. Трудовая миграция вместе с прибывающими для учебы иностранными студента-

¹ Historic Population Births in Ireland (1950–2024). URL: <https://database.earth/population/ireland/births> (дата обращения: 01.11.2024).

² Historic Population Deaths in Ireland (1950–2024). URL: <https://database.earth/population/ireland/deaths> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Historic Median Age of Ireland (1950–2024). URL: <https://database.earth/population/ireland/median-age> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Immigration Act 2004. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2004/act/1/enacted/en/print> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Directive 2004/38/EC of the European Parliament and of the Council. 29.04.2004. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32004L0038> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ The re-emergence of emigration from Ireland. Trans-Atlantic Council on migration. 2015. URL: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/TCM-Emigration-Ireland-FINAL.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

ми остаются преобладающими в общем количестве иностранных граждан в Ирландии [Щедрин, Трофимова, 2022].

В 2012–2015 гг. уровень безработицы снизился с 15 до 9,8% в связи с восстановлением ирландской экономики после мирового финансового кризиса, оживлением ее экспорта и увеличением прямых иностранных инвестиций [O’Connell, Joyce, Whelan, 2016]. Тем не менее государство продолжало сталкиваться с трудностями в сохранении и привлечении высококвалифицированных иностранных специалистов. Ряд государств–членов ЕС и англосаксонские страны (США, Канада, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия) имеют более солидную репутацию и эффективные программы стимулирования притока высококвалифицированной рабочей силы. С Ирландией в этой сфере стали также активно конкурировать Китай, Сингапур и страны Персидского залива. Кроме того, основными работодателями для востребованных иностранных специалистов в Ирландии остаются транснациональные корпорации, а роль отечественных компаний невелика.

Миграционный кризис 2015 г. в меньшей степени затронул Республику Ирландия, чем континентальную Европу. Показатель чистой миграции там составил 13,3 тыс. человек, в то время как в ряде государств–членов ЕС он был существенно выше (Германия – более 1,1 млн чел., Австрия – 115 тыс. чел., Швеция – 80,5 тыс. чел., Бельгия – 63,5 тыс. чел., Нидерланды – 55,5 тыс. чел., Дания – 42,2 тыс. чел., Италия – 39,3 тыс. чел.)¹. Тем не менее продолжается тренд на постепенное сокращение трудовой миграции в Ирландию из ЕС и увеличение притока иностранных граждан из развивающихся стран. Как отмечали в 2022 г. А.В. Щедрин и О.Е. Трофимова, этот процесс связан с определенным набором факторов. Во-первых, эффект свободного перемещения в ЕС перестал существенно влиять на миграционные процессы в Ирландии после того, как закончились волны его расширения за счет новых государств. Во-вторых, экономическая ситуация в большинстве стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) вполне благоприятна, уровни заработной платы хотя и остаются ниже, чем в Ирландии, но растут быстрее. В-третьих, Дублин продолжает настороженно относиться к мигрантам из стран ЦВЕ и старается ограничивать их приезд, особенно что касается выходцев из Болгарии и Румынии [Щедрин, Трофимова, 2022].

В то же время доля мигрантов из Латинской Америки, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии продолжает увеличиваться. Наиболее быстрыми темпами растут бразильская, индийская, филиппинская и южноафриканская национальные диаспоры (доля выходцев из этих стран в Ирландии колеблется в диапазоне от 20 до 30% в год) [Щедрин, Трофимова, 2022]. Представители этих национальных меньшинств – наиболее активные соискатели статуса гражданина Ирландии. В основном трудовые мигранты из развивающихся стран представляют собой низкоквалифицированную рабочую силу и заняты в секторах гостиничного бизнеса, общественного питания, здравоохранения и социального обслуживания.

¹ Countries with the highest net migrations in 2015. URL: <https://database.earth/population/migration/2015.0> (дата обращения: 01.11.2024).

В Ирландии наметилось быстрое оживление экономики после пандемии – за период 2020–2023 гг. она продемонстрировала среднегодовой прирост на 8,7%¹. Эта положительная динамика повлияла на дальнейшее усиление иммиграции в страну. В апреле 2024 г. Центральная статистическая служба отметила самый высокий показатель прибывших иностранных граждан с 2007 г. – в страну въехало свыше 149 тыс. человек, из которых 30 тыс. составляли ирландцы, 27 тыс. прибыли из ЕС, 5,4 тыс. – из Великобритании, 86 тыс. – из других государств². В связи с такими внушительными показателями перед Дублином остро встали вопросы интеграции иностранцев, совершенствования системы приема беженцев и противодействия нелегальной миграции.

Проблемы интеграции мигрантов и предоставления убежища

Ирландское правительство применяет многоаспектный подход для интеграции иммигрантов, который включает процедуры получения гражданства, помощь в освоении ирландского языка и культуры, регулирование рынка труда, расселение, предоставление доступа к социальным службам. В 2017–2020 гг. в Ирландии действовала «Стратегия интеграции мигрантов»³, которая охватывала все их категории, включая легально проживающих в стране беженцев и натурализованных ирландцев, родившихся за границей. Основными задачами были преодоление любых форм сегрегации и дискриминации мигрантов, создание комфортных условий для их включения в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь страны. Основан специальный Фонд интеграции в местные сообщества⁴. Мероприятия в рамках этой стратегии проводились на основе сотрудничества ирландского правительства, местных властей, бизнеса, НПО, спортивных и просветительских общественных организаций. Согласно отчету Института социально-экономических исследований в Дублине⁵, в 2019 г. между ирландцами и иммигрантами не было существенной диспропорции в трудовой занятости (69 и 73%) и уровне среднего общего образования (24,9 и 24,3%), но она наблюдалась в размере располагаемого дохода (51,6 и 46,1%). Изменился подход государства к натурализации мигрантов – если в 2014 г. предпочтение отдавалось выходцам из Нигерии, Индии и Филиппин, то в 2019 г. приоритет был у иммигрантов из Польши, Великобритании и Румынии.

¹ World Economics country review: Ireland. URL: <https://www.worlddeconomics.com/Country-Reviews/Ireland/> (дата обращения: 01.11.2024).

² <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-pme/populationandmigrationestimatesapril2024/keyfindings/> (дата обращения: 01.11.2024).

³ The migrant integration strategy 2017-2020. Government of Ireland. URL: <https://www.gov.ie/pdf/?file=https://assets.gov.ie/47825/fb954e6a395449a9a0494783dcb90e8e.pdf#page=null> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Англ. The Communities Integration Fund.

⁵ Monitoring report on the Migrant Integration Strategy 2017-2020. The Economic and Social Research Institute. 2020. URL: https://www.esri.ie/system/files/publications/BKMNEXT403_0_0.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

Натурализацию эксперты отметили, как главный фактор, который способствует успешной интеграции в ирландское общество. В 2020 г. в Ирландии была проведена реструктуризация ведомств, отвечающих за миграцию и интеграцию. Управление по содействию интеграции мигрантов при Министерстве юстиции было расформировано, а его обязанности были переданы новому Министерству по интеграции.

Республика после миграционного кризиса 2015 г. пошла по пути гармонизации законодательства с нормативными стандартами ЕС, особенно в сферах предоставления убежища и контроля над нелегальной миграцией. Закон о международной защите 2015 г. запретил депортировать заявителя до рассмотрения его ходатайства о предоставлении разрешения на временное пребывание в стране. В 2018 г. Ирландия присоединилась к Директиве ЕС 2013/33, которая установила для государств-членов Евросоюза минимальные стандарты размещения и социальной помощи беженцам. В 2024 г. Республика присоединилась к 7 из 10 регламентов, составляющих новый Пакт ЕС по регулированию миграции и предоставлению убежища, который дополнительно нормативно закрепляет солидарность государств-членов в совместном решении миграционного вопроса¹.

Расселение и интеграция просителей убежища остаются серьезной проблемой. В связи с ростом миграции в стране с 2000 г. действует система прямого размещения². Государство на основе контрактов с частными поставщиками предоставляет временное проживание, медицинские и образовательные услуги просителям убежища, пока их заявления находятся на рассмотрении. В связи с чрезмерными задержками в обработке заявлений некоторым беженцам приходится в течение месяцев находиться в этих центрах, где членов семей обычно размещают в одном помещении. Международные организации неоднократно критиковали систему прямого размещения за несоответствие мировым стандартам и нарушение прав человека [Chiosáin, 2019]. В 2021 г. Дублин изложил планы по ее замене современной моделью предоставления убежища. Предполагается расселять просителей убежища в два этапа – сначала в специализированных центрах, а затем в социальном жилье, чтобы обеспечить более комфортные условия временного проживания и одновременно проводить их интеграцию в принимающее общество³. Эксперты отмечают, что такой подход поможет переместить просителей из мест массового проживания и поможет быстрее их интегрировать [Coakley, MacEinri, 2022].

¹ European Commission confirms Ireland's participation in the Pact on Migration and Asylum. The European Commission website. URL: https://ireland.representation.ec.europa.eu/news-and-events/news/european-commission-confirms-irelands-participation-pact-migration-and-asylum-2024-07-31_en (дата обращения: 01.11.2024).

² Англ. Direct provision system.

³ A White Paper to end Direct Provision and to establish a new International Protection Support Service. 2021. URL: <https://www.gov.ie/pdf/?file=https://assets.gov.ie/124757/ef0c3059-b117-4bfa-a2df-8213bb6a63db.pdf#page=null> (дата обращения: 01.11.2024).

В 2020–2023 гг. количество заявлений на предоставление убежищаросло вверх по экспоненте – с 3 до 17 тыс.¹ При этом миграционная служба могла обрабатывать только 3,5 тыс. заявок ежегодно, что серьезно осложняло размещение беженцев [Arnold, Conog, Quinn, 2018]. Это происходило на фоне жилищного кризиса. После обвала цен на национальном рынке недвижимости в 2007–2008 гг. стоимость жилых объектов и их аренды значительно возросла [Lima, 2023]. Одновременно происходило сокращение государственных расходов на строительство доступного жилья.

Чтобы частично решить проблему размещения просителей убежища власти стали расселять их в гостиницах и хостелах, фактически создавая в городах этнические анклавы. Некоторые местные жители, недовольные такой миграционной политикой, стали совершать погромы и поджоги этих жилых объектов. Наиболее масштабные акции протеста произошли в Дублине. В январе 2023 г. был совершен поджог старинного особняка на Шеррард-Стрит после того, как в интернете появилась ложная информация о размещении в нем просителей убежища². Зимой того же года произошло нападение местных жителей на мигрантов в палаточных лагерях в Эштауне и на Сандвич-Стрит.

Наиболее масштабные антииммигрантские протесты произошли в Дублине в ноябре 2023 г. Они сопровождались многочисленными актами вандализма, поджогами, грабежами и нападениями на сотрудников полиции. Беспорядки начались после того, как уроженец Алжира Риад Бушакер нанес ножевые ранения трем девочкам и воспитательнице возле начальной школы в районе Парнелл-сквер-Ист. В течение нескольких часов после этого инцидента ультраправые активисты через социальные сети и мессенджеры подняли волну общественного возмущения против иммигрантов. В протестах приняло участие около 500 человек. Для их подавления власти направили свыше 400 сотрудников полиции³, 60 из них подверглись нападениям протестующих⁴, 13 были ранены⁵.

В соседней Великобритании тоже не могут решить проблему роста иммиграции. Летом 2011 г. в Лондоне, Бирмингеме, Манчестере и других крупных городах начались массовые беспорядки после того, как полицейские застрелили чернокожего британца Марка Даггана, подозреваемого в серии тяжких преступле-

¹ Incoming asylum applications in Ireland 2000 to 2023. URL: <https://www.worlddata.info/europe/ireland/asylum.php> (дата обращения: 01.11.2024).

² Gardaí to probe links between blaze at Dublin building and claims it would house asylum seekers. The Journal. 31.01.2023. URL: <https://www.thejournal.ie/rawlton-house-arson-investigation-social-media-5983393-Jan2023/> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Riots erupt in Dublin after children stabbed. Reuters. 24.11.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/least-three-children-taken-hospital-after-dublin-stabbing-rte-2023-11-23/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Racists behind Dublin riot could attack immigrants and politicians – Government warned. Politico.eu. 28.11.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/racists-behind-dublin-riot-could-attack-immigrants-and-politicians-government-warned/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Irish police seek 99 people in Dublin riot investigation. BBC. 19.11.2024. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/crr91grj4z9o> (дата обращения: 01.11.2024).

ний. Представители этнических меньшинств устраивали столкновения с полицией, грабили магазины и занимались вандализмом. Британское правительство жестко отреагировало на случившееся – по всей Англии было произведено более 3000 арестов, более 2000 человек привлечены к уголовной ответственности за различные преступления. Общая сумма ущерба оценивалась более чем в 400 млн ф. ст. [Ананьева, 2024]. Государственным обвинителем на судебных процессах тогда выступал К. Стармер, который требовал максимально быстрых и суровых приговоров для правонарушителей.

Летом 2024 г. по Великобритании снова прокатились массовые беспорядки. Аксель Рудакубана, чернокожий подросток из семьи натурализованных руандийских мигрантов, зарезал трех девочек в танцевальной школе в Саутпорте. После этого в английских городах прошли масштабные протесты местных жителей, требовавших ужесточить государственную миграционную политику. Они сопровождались нападением на представителей «цветного» населения, столкновениями с полицией и вандализмом. Премьер-министр К. Стармер в связи чрезвычайной ситуацией перевел суды на круглосуточный режим и усилил работу полиции – в итоге более 500 человек были привлечены к ответственности¹.

Республика Ирландия наравне с Великобританией решила жестко пресекать антииммигрантские протесты. Премьер-министр Л. Варадкар в 2023 г. пообещал принять новые законы, ужесточающие наказания за преступления на основе расовой и этнической ненависти, а также расширить права полиции по использованию камер видеонаблюдения. В рамках политики предоставления убежища в 2024 г. государство пошло по пути увеличения количества жилых объектов для размещения мигрантов, а решение проблемы их интеграции возложило на местные власти. Такой подход не сможет кардинально изменить ситуацию в условиях жилищного кризиса и нехватки ресурсов на местном уровне.

Заключение

Миграционная политика Республики Ирландия основана на исторически сложившейся дихотомии. Дублин последовательно выстраивал и поддерживал два разных режима правового регулирования иммиграции с Лондоном и Брюсселем. С одной стороны, Ирландия всегда была заинтересована в сохранении зоны общего передвижения с Великобританией и поэтому внедряла дополнительные законодательные инициативы после брекзита. С другой стороны, Ирландия активно следует принципу солидарности ЕС в рамках общей миграционной политики, особенно в сферах борьбы с нелегальной иммиграцией и предоставления убежища.

В XXI в. произошли существенные изменения в миграционных трендах Республики – возросла эмиграция ее граждан, а также увеличился приток низкоквалифицированных рабочих из развивающихся стран, которые стали замещать трудовых

¹ More than 1,000 arrested following UK riots, police say. Reuters. 14.08.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/uk/more-than-1000-arrested-following-uk-riots-police-say-2024-08-13/> (дата обращения: 01.11.2024).

мигрантов из ЕС. Государство трансформировало свое миграционное законодательство с целью привлечь высококвалифицированную рабочую силу из Европы, но должного эффекта эти изменения не оказали. Активное следование Ирландии принципу солидарности ЕС в сфере миграционной политики создало для нее дополнительные трудности – остро встал вопрос нехватки финансовых и административных ресурсов для размещения возрастающего количества просителей убежища. Инициативы правительства сталкиваются с недовольством граждан, которые обеспокоены ростом иммиграции и выражают свой протест в незаконных формах, в частности, устраивая массовые беспорядки. В данном случае Дублину необходимо пересмотреть свои подходы к политике предоставления убежища, чтобы не вызвать дальнейшую радикализацию ирландского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьева Е.В. (2024) Беспорядки в Британии. Кто виноват и что делать? *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/47194> (дата обращения: 01.11.2024).
- Бабынина Л.О., Осколков П.В. (2022) Североирландский конфликт в контексте брекзита: политический вызовы идентичности. *Современная Европа*. № 3. С. 18–32.
- Годованюк К.А. (2023) «Миграционный кризис» в Британии сквозь призму национальной и международной повесток. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 29–41.
- Щедрин А.В., Трофимова О.Е. (2022) Современные миграционные процессы в Ирландии. *Мировая экономика и международные отношения*. Т.66. № 2. С. 71–79.
- Arnold S., Conor R., Quinn E. (2018) Ireland's response to recent trends in international protection applications. *Economic and Social Research Institute Report*. Dublin. 56 p.
- Chiosáin B. (2019) Ireland and its vulnerable "others": the reception of asylum seekers in Ireland. *Études irlandaises*. Vol. 41. No. 2. P. 85–104.
- Coakley L., MacEinri P. (2022) Ireland's White Paper to end Direct Provision (2021): migrant accommodation and control. *International Migration Review*. No. 12. P. 1–10.
- Lima V. (2023) The political frame of a housing crisis: Campaigning for the right to housing in Ireland. *Journal of Civil Society*. Vol. 19. P. 37–56.
- O'Connell P., Joyce C., Whelan S. (2016) International Migration in Ireland, 2015. *Working paper to the OECD expert group on migration*. 72 p.
- O'Connell P., MacGinniti F. (2008) Immigrants at work: ethnicity and nationality in the Irish labour market. *The Economic and Social Research Institute, Dublin*. 55 p.

Transformation of Migration Policy of the Republic of Ireland

Oleg Okhoshin

Candidate of Sciences (History)

Senior Researcher of the Centre for British Studies

Department of Countries Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Science

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.

E-mail: *ohoshin89@gmail.com*

Abstract. In 2023, Dublin experienced massive anti-immigrant riots amid a growing number of asylum seekers in the Republic of Ireland. These events clearly demonstrated that government was gradually losing control of the situation and was unable to fully ensure the resettlement and effective integration of migrants into the host community. The Republic of Ireland planned to maintain the competitiveness of its national economy by attracting highly skilled workers from new EU member states. For this purpose, migration legislation was revised, relaxing the rules for entry into the country. However, in the 2010s, the migration trend changed – the number of foreign nationals from developing countries, which constituted the market for cheap, low-skilled labor, increased sharply in Ireland. At the same time, the influx of refugees increased after the “Arab Spring” and the beginning of the Special Military Operation in Ukraine. Migration waves put additional pressure on the state budget, public services, urban infrastructure and social stability. In 2024, the Republic of Ireland joined the EU pact to jointly solve the common problem of European countries. The article examines the transformation of the state migration policy in its close relationship with the UK and the EU, as well as the dynamics of migration trends in the Republic of Ireland in the 21st century.

Keywords: Republic of Ireland, UK, EU, migration policy, Common Travel Area, asylum policy

DOI: 10.31857/S0201708324070179

REFERENCES

- Ananieva E.V. (2024) *Besporyadki v Britanii. Kto vinovat i chto delat?* [Riots in the UK. Who is to blame and what to do?] *International Affairs*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/47194> (accessed: 01.11.2024). (In Russian).
- Arnold S., Conor R., Quinn E. (2018) Ireland's response to recent trends in international protection applications. *Economic and Social Research Institute Report*. Dublin.
- Babynina L.O., Oskolkov P.V. (2022) Severoirlandskij konflikt v kontekste brekzita: politicheskij vyzov identichnosti. [The Northern Ireland conflict in the context of Brexit: political challenges to identity]. *Contemporary Europe*, 3, pp. 18–32. (In Russian).
- Chiosáin B. (2019) Ireland and its vulnerable “others”: the reception of asylum seekers in Ireland. *Études irlandaises*, 41(2), pp. 85–104.
- Coakley L., MacEinri P. (2022) Ireland's White Paper to end Direct Provision (2021): migrant accommodation and control. *International Migration Review*, 12, pp. 1–10.
- Godovanyuk K.A. (2023) «Migracionnyj krizis» v Britanii skvoz' prizmu nacional'noj i mezhdunarodnoj povestok. [The “migration crisis” in Britain through the prism of national and international agendas]. *Scientific and analytical bulletin of IE RAS*, 6, pp. 29–41. (In Russian).
- Lima V. (2023) The political frame of a housing crisis: Campaigning for the right to housing in Ireland. *Journal of Civil Society*, 19, pp. 37–56.
- O'Connell P., Joyce C., Whelan S. (2016) International Migration in Ireland, 2015. *Working paper to the OECD expert group on migration*.
- O'Connell P., MacGinniti F. (2008) Immigrants at work: ethnicity and nationality in the Irish labour market. *The Economic and Social Research Institute, Dublin*.
- Schedrin A.V., Trofimova O.E. (2022) Sovremennye migracionnye processy v Irlandii. [Modern Migration processes in Ireland]. *World Economy and International Relations*, 66 (2), pp. 71–79. (In Russian).



Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: RSCI, РИНЦ

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

